

Bestseller

КРИВОЙ ДОМ

Э.С. Гарднер

А. Кристи

Р. Чандлер

Bestseller

КРИВОЙ ДОМ

E.S. Gardner

A.Christie

R.Chandler

Э.С. Гарднер
Дело о приманке

А. Кристи
Кривой дом

Р.Чандлер
Высокое окно

Москва «СКС» 1993

Агата Кристи

Кривой дом

Глава 1

С Софьей Леонидас я познакомился в Египте в конце войны. Она занимала довольно ответственный пост в департаменте иностранных дел. Я столкнулся с ней по службе и вскоре оценил ее деловые качества, которые дали ей возможность занять такое высокое положение. В то время ей было всего двадцать два года.

Она была очень привлекательна. Кроме того, природа наградила ее ясным умом и чувством юмора, которое казалось мне восхитительным. Мы подружились. С ней было очень легко, и мы отлично проводили время.

Все это я очень ценил. Но только получив приказ отправиться на восток, — в самом конце войны — я понял еще кое-что: я понял, что люблю Софью и хочу жениться на ней.

Мы обедали у Шепарда, когда я сделал это открытие. Оно не удивило меня: это было просто признание давно известного мне факта. Я взглянул на нее другими глазами, но увидел то, что уже знал. Мне нравилось все, что я видел: темные кудрявые волосы, живые голубые глаза, маленький квадратный подбородок и прямой нос. Мне нравился ее изящный серый костюм и сверкающая белизной блузка. Она выглядела типичной англичанкой — и это мне особенно нравилось. Три года я не был дома и очень соскучился по всему английскому.

Никто, подумал я, не мог бы выглядеть столь типично, и тут же задал себе вопрос: кто она по национальности?

Мы говорили обо всем: о наших вкусах, о будущем, о наших друзьях и знакомых, однако Софья никогда даже не упоминала о своем доме и семье. Обо мне она знала все (она умела прекрасно слушать), я же ничего о ней не знал. Я предполагал, что у нее самая обычная семья, но она ничего мне об этом не рассказывала. И до этого вечера я просто не задумывался над этим.

Софья спросила, о чем я думаю.

Я ответил просто:

— О вас.

— Понимаю, — сказала она.

— Может быть, мы расстанемся на несколько лет. Я не знаю, когда вернусь в Англию, но первое, что я сделаю, возвратившись, — это приду к вам и попрошу вас стать моей женой.

Она и глазом не моргнула — курила и смотрела в сторону.

Я испугался, что она неправильно истолковала мои слова.

— Послушайте, я твердо решил не делать вам предложения сейчас. Во-первых, вы можете мне отказать, и тогда я с горя женюсь на какой-нибудь ужасной женщине. А даже если вы мне не откажете, как нам быть? Пожениться и тут же расстаться? Обручиться и ждать неопределенное время? Этого я не могу себе позволить. Вдруг вы встретите кого-нибудь и захотите связать с ним свою жизнь?

Все это время мы жили в какой-то лихорадке. Люди женятся, заводят романы, тут же расходятся. Я бы хотел, чтобы вы уехали домой свободной и независимой. Там вы познаете новую, послевоенную жизнь и решите, что вы от нее ждете. То, что возникло между нами, должно сохраниться навсегда. Другой вид брака мне не подходит.

— Мне тоже.

— С другой стороны, я чувствую себя вправе сказать вам, как... что я испытываю к вам.

— Но без лирических объяснений?

— Дорогая, разве вы не понимаете? Я пытался не сказать вам: «Я люблю вас...»

Она остановила меня.

— Я все понимаю, Чарльз. И мне нравится ваша смешная манера действовать так прямолинейно. Вы можете навестить меня, когда вернетесь, если к тому времени не передумаете...

Наступила моя очередь перебить ее.

— У меня нет сомнений на этот счет.

— Но может случиться что-нибудь непредвиденное, Чарльз. Например, вы не так уж много знаете обо мне.

— Я даже не знаю, где вы живете в Англии?

— Я живу в Свикли Дин.

Я знал, что это где-то в окрестностях Лондона.

Она задумчиво добавила:

— В маленьком кривом домике...

У меня, наверное, был испуганный вид, и это забавляло ее. Она прочла строчки известного детского стишка: «Все они, включая мышку, в том кривом живут домишке».

— Это про нас. Правда, дом не такой уж маленький, но определенно кривой, полудеревянный, с остроконечной крышей.

— У вас большая семья?

— Брат, сестра, мама, папа, дядя, его жена, бабушка, сестра жены бабушки, жена бабушки.

— Бог ты мой!

Она рассмеялась.

— Конечно, мы не всегда живем вместе — война вынудила нас собраться. Но, думаю, духовно мы всегда жили все вместе, под защитой и присмотром моего дедушки. Он незаурядная личность, мой дедушка. Ему уже за восемьдесят, и он маленького роста, но рядом с ним все остальные кажутся незаметными.

— Это интересно!

— Да. Он грек из Смирны, Аристид Леонидас. И вероятно богат,— добавила она лукаво.

— Будет ли кто-нибудь снова богат после всего этого?

— Мой дедушка будет,— сказала Софья убежденно.— Он проведет любого. Интересно, понравится ли он вам?

— А вам?

— Я люблю его больше всех на свете.

Глава 2

Прошло более двух лет, прежде чем я вернулся в Англию. Это были нелегкие годы. Я писал Софье и довольно часто получал от нее письма. Так же как мои, они не были любовными. Скорее, это были письма близких друзей, но я знал, что наше чувство выросло и окрепло.

Я приехал в Англию в серый сентябрьский день. Из аэропорта послал Софье телеграмму:

«Только что приехал. Пообедайте со мной у Марло в 9 вечера. Чарльз».

Через несколько часов, уютно устроившись в кресле, я читал «Таймс».

Просматривая колонку рождений и смерти, я наткнулся на фамилию Леонидас:

«19 сентября в Свикли Дин Аристид Леонидас, возлюбленный супруг Бренды Леонидас, на 88 году жизни».

Сразу под этим сообщением было еще одно:

«Леонидас. Скоропостижно, в своей резиденции, в Свикли Дин, Аристид Леонидас. Дети и внуки оплакивают его. Цветы посылать в церковь Святого Эльдред, Свикли Дин».

Оба извещения заинтересовали меня. Они как-то странно повторяли друг друга. Но моей главной заботой была Софья. Я тут же послал ей вторую телеграмму:

«Только что увидел в газете извещение о смерти вашего дедушки. Очень огорчен. Сообщите, когда я смогу вас повидать. Чарльз».

Телеграмма Софьи пришла в 6 часов:

«Буду у Марло в 9 часов.»

Софья».

Время двигалось ужасно медленно. Я пришел за двадцать минут до назначенного часа. Софья опоздала на пять минут. Когда долго не видишь человека, но постоянно о нем думаешь, в первые минуты встречи всегда чувствуется какая-то натянутость. Когда Софья, наконец, пришла, наше свидание казалось мне нереальным.

Она была в черном, и это почему-то испугало меня. Многие женщины в ресторане были в черном, но я вбил себе в голову, что она в траурном платье, и меня удивило, что Софья из тех, кто носит траур.

Мы выпили по коктейлю, потом разыскали наш столик. Поговорили о старых друзьях со времен Каира. Это был беспорядочный и какой-то искусственный разговор, но первая неловкость от встречи прошла. Я выразил ей свое соболезнование по поводу смерти деда. Софья спокойно сказала, что это произошло очень неожиданно. Однако ее спокойствие показалось мне нарочитым.

Потом мы опять вспоминали. Я с беспокойством заметил — что-то произошло, что-то было не так с самой Софьей. Может быть, она сейчас скажет мне, что встре-

тила другого и полюбила, а чувство ко мне было ошибкой?

Нет, не в этом дело, но что-то мешает нам.

Тем временем мы продолжали наш искусственный разговор. И вдруг, когда официант уже подал кофе и отошел, все встало на свои места.

За маленьким столиком в ресторане, как это часто бывало раньше, сидели Софья и я, как будто и не было долгих лет разлуки.

— Софья! — сказал я.

Она отозвалась сразу:

— Чарльз!

Я облегченно вздохнул.

— Слава Богу, что все позади. Что с вами происходит?

— Наверное, я виновата, — я глупо себя вела.

— А теперь все в порядке?

— Да, все в порядке.

Мы улыбнулись друг другу.

— Любимая! Как скоро вы станете моей женой?

Она перестала улыбаться. Что-то опять встало между нами.

— Не знаю. Я не думаю, Чарльз, что смогу выйти за вас.

— Но, Софья, почему? Может быть, вы отвыкли от меня? Вам надо какое-то время, чтобы почувствовать нашу близость? У вас кто-то есть? Нет... я дурак. Все не то...

— Да, все не то.

Она покачала головой. Я ждал. Она тихо сказала:

— Это смерть дедушки.

— Смерть дедушки? Но почему? Что она меняет? Вы не думаете... нет, вы не можете так думать — я говорю о деньгах. Он ничего не оставил? Но, дорогая моя...

— Нет, дело не в деньгах. Вы, наверное, готовы взять меня в жены и без них. Но дедушка никогда в жизни не терял деньги.

— Так что же это?

— Сама его смерть. Понимаете, Чарльз, мне кажется, что его убили...

— Какая дикая мысль! Но что навело вас на эту мысль?

— Доктор вел себя как-то странно. Он не подписал свидетельство о смерти. Предстоит вскрытие. Совершенно очевидно — они что-то подозревают.

Я не стал с ней спорить. Софья очень умна и зря ничего не говорит.

— Но их подозрения могут и не подтвердиться. А даже если и подтвердятся, то каким образом это может повлиять на наши отношения?

— При известных обстоятельствах может: ведь вы на дипломатической службе, а там насчет жен очень строго. Нет-нет, пожалуйста, не говорите всего того, что вы приготовились сказать. Вы считаете своим долгом переубедить меня, и я верю в вашу искренность, теоретически даже согласна с вами. Но я гордая, дьявольски гордая, и хочу, чтобы наш брак был полноценным, — мне не нужны жертвы. И кроме того, я уже сказала, что все, может, обойдется...

— Вы имеете в виду доктора, что он ошибся?

— Даже если он не ошибся, это не имеет значения, если его убил человек, который не может испортить репутацию нашей семьи.

— Что вы хотите этим сказать, Софья?

— Я сказала ужасную вещь, но может же человек высказаться откровенно?

И она продолжала:

— Нет, Чарльз, больше я ничего не скажу. Я и так сказала вам слишком много. Но мне надо было повиноваться с вами, чтобы все объяснить. Мы ничего не можем решить, пока все не выяснится.

— Ну, по крайней мере, хоть объясните мне, в чем дело?

Она покачала головой.

— Я не хочу.

— Но, Софья...

— Нет, Чарльз. Я не хочу, чтобы вы увидели нашу семью моими глазами. Вы сами должны во всем убедиться и сделать выводы.

— Но как это сделать?

— Через вашего отца.

Я рассказывал ей в Каире, что мой отец служит в Скотланд-Ярде. И теперь ее слова ужаснули меня.

— Неужели все так плохо?

— Думаю, что да. Видите, за столиком у двери сидит довольно приятный господин с военной выправкой?

— Да.

— Он был и на платформе в Свикли Дин, когда я садилась в поезд.

— Вы думаете, он следит за вами?

— Да. Видимо, все мы — как это говорится — под наблюдением. Нам дали понять, что не следует выходить из дома, но я должна была повидать вас. Я выбралась из окна ванной и спустилась по водосточной трубе.

— Любимая...

— Но полиция не дремлет. Кроме того, я ведь послала вам телеграмму. Ну, это неважно. Главное, что мы здесь, вместе... Но теперь каждый из нас должен действовать в одиночку. К сожалению, нет никаких сомнений в том, что мы любим друг друга.

— Никаких сомнений! И не говорите «к сожалению». Мы пережили мировую войну, чудом остались живы, и я не вижу, почему внезапная смерть старика... сколько ему было?

— Восемьдесят семь лет.

— Да, это было в «Таймсе». Если бы вы спросили меня, я сказал бы, что он просто умер от старости.

— Если бы вы знали моего дедушку, то удивились бы, что он вообще от чего-то мог умереть.

Глава 3

Я всегда интересовался работой моего отца, но никогда не думал, что наступит момент, когда у меня появится личная заинтересованность в полицейских делах.

Я еще не видел Старика. Его не было дома, когда я приехал. Приняв ванну, побрившись и приведя себя в порядок, я сразу отправился на свиданье с Софьей.

Когда я вернулся домой, Гловер сказал мне, что отец в кабинете.

Он сидел за письменным столом, заполненным бумагами, когда я вошел. Отец вскочил.

— Чарльз! Как долго ты не был дома!

Наша встреча после пяти лет разлуки разочаровала бы чувствительного француза. Но мы очень любили друг друга. И были счастливы, что опять вместе.

— Вот виски. Скажешь, когда тебе налить. Жаль, что меня не было дома, когда ты приехал. У меня чертовски много работы. Как раз сейчас я занимаюсь одним дьявольски трудным делом.

Я откинулся в кресле и закурил сигарету.

— Аристид Леонидаса?

Он удивленно приподнял брови и бросил на меня быстрый взгляд. Потом холодно спросил:

— Почему ты так думаешь?

— Значит, я угадал?

— Как ты узнал об этом?

— Получил кое-какие сведения.

Старик ждал.

— Получил информацию из его дома, — пояснил я.

— Выкладывай, Чарльз.

— Тебе это не понравится. Я встретил Софью Леонидас в Каире. Полюбил ее и собираюсь на ней жениться. Сегодня вечером она обедала со мной.

— Обедала с тобой? В Лондоне? Интересно, как ей это удалось? Их всех вежливо попросили не выходить из дома.

— Я знаю, но она спустилась по водосточной трубе.

Старик улыбнулся.

— Твоя девушка, видимо, весьма находчива.

— Полицейские тоже не зевают. Какой-то симпатичный парень с военной выправкой выследил ее. Я буду фигурировать в рапорте, который ты получишь. Высокого роста, каштановые волосы, карие глаза, темно-синий костюм и так далее...

Старик пристально смотрел на меня.

— Это... серьезно?

— Да, это серьезно, папа.

Последовала пауза.

— У тебя есть возражения? — прервал я молчание.

— Я бы не возражал... неделю тому назад. Богатая семья, девушка получит большое приданое, и, я знаю тебя, ты не часто теряешь голову. Но сейчас...

— Да, папа?

— Все может обойтись, если...

— Если что?

— Если это сделал определенный человек.

Второй раз за этот вечер я услышал это суждение.

— А кто этот «определенный» человек?

— А что ты знаешь об этом деле?

— Ничего.

— Ничего? — Он удивился. — Разве девушка ничего не рассказала тебе?

— Нет. Она сказала, что будет лучше, если я все увижу своими глазами.

— Интересно, почему она так считает?

— А разве это не очевидно?

— Нет, Чарльз.

Он заходил по комнате. Закурил сигару, но она погасла. Значит, он был расстроен.

— Что ты знаешь об этой семье?

— Черт возьми! Я знаю, что был старик и куча сыновей, внуков и невесток. Подробности я еще не уяснил. Будет лучше, папа, если ты сам мне все расскажешь.

— Да.— Он сел.— Хорошо, я начну с самого начала, с Аристиды Леонидаса. Он приехал в Англию двадцати-четырёхлетним.

— Грек из Смирны.

— Это ты знаешь?

— Да, но это все, что я знаю.

Гловер вошел доложить, что приехал главный инспектор Тавернер.

— Он ведет это дело,— сказал мне отец.— Пусть войдет. Он проверял всех членов семьи и знает о них больше, чем я.

Я спросил, обращалась ли местная полиция в Скотланд-Ярд.

— Свикли Дин — наша юрисдикция. Он входит в Большой Лондон.

Я поздоровался с Тавернером, который вошел в этот момент. Я знал его уже много лет. Он тепло приветствовал меня и поздравил с благополучным возвращением.

— Я как раз просвещаю Чарльза насчет известного вам дела,— сказал Старик.— Исправьте меня, если я ошибусь. Леонидас приехал в Лондон в 1884 году. Он открыл маленький ресторан в Сохо. Дело оказалось прибыльным. Тогда он открыл еще один. Вскоре он стал владельцем уже семи или восьми ресторанов, и все они давали большую прибыль.

— И никогда не делал ошибок, что бы ни предпринимал,— вставил Тавернер.

— У него врожденное чутье. Наконец он стал владельцем самых знаменитых ресторанов в Лондоне. Потом он занялся снабжением.

— Он стоял за множеством разных предприятий: торговля подержанной одеждой, лавки с дешевыми ювелирными изделиями и т. п.,— пояснил Тавернер.— Конечно, он всегда был обманщиком.

— Вы хотите сказать «мошенником»? — спросил я.

Тавернер покачал головой.

— Нет, он не был мошенником — просто шел не совсем прямыми путями, при этом никогда не нарушая закона. Но он был из тех, кто умеет его обходить. Заработал даже на этой войне, несмотря на свой преклонный возраст. Он не делал ничего незаконного, но, как толь-

ко становилось горячо, начинал заниматься чем-нибудь другим. Поймать его было невозможно.

— Не очень-то положительный персонаж,— сказал я,— и малопривлекательный.

— Как ни странно, он как раз был привлекателен. Очень яркая личность — и все это чувствовали. А внешне — гном, некрасивый, маленький, но обладал огромной притягательной силой. Женщины безумно баловали его.

— Его женитьба всех удивила,— добавил отец.— Он женился на дочери помещика.

— Деньги? — поинтересовался я.

— Нет, это был брак по любви. Она встретила с ним по какому-то делу и увлеклась им. Ее родители возмутились, но она твердо стояла на своем. Говорю вам, этот человек обладал каким-то непонятным очарованием. Он был экстравагантен и очень умен. А ей надоело ее прежнее окружение.

— Они были счастливы?

— Как ни странно, очень. Конечно, их друзья не встречались (в те дни деньги еще не разрушили классовых различий), но это их не беспокоило. Они обходились и без друзей. Он построил довольно нелепый дом в Свикли Дин, они жили там и имели восьмерых детей.

— Прямо семейная хроника.

— Старый Леонидас очень удачно выбрал Свикли Дин. Этот район тогда только входил в моду. Старожилы обожали свои сады и хорошо относились к миссис Леонидас. Богатые бизнесмены были заинтересованы в самом Леонидасе. И так у них составилась большой круг знакомых. Они были очень счастливы, я думаю, но она умерла от воспаления легких в 1905 году.

— Оставив его с восьмерыми детьми?

— Один ребенок умер в младенчестве. Два сына были убиты на войне. Одна из дочерей вышла замуж, уехала в Австралию и умерла там. Незамужняя дочь погибла в автомобильной катастрофе. Еще одна умерла год назад. Осталось двое: старший сын Роджер, женатый, детей нет, и Филипп, который женился на известной актрисе. У них трое детей: твоя Софья, Юстас и Жозефина.

— И они все живут вместе?

— Да. Дом Роджера разбомбили в самом начале войны. Филипп с семьей живет там с 1937 года. Есть еще пожилая тетка, мисс де Хэвиленд, сестра покойной миссис Леонидас. Она всегда ненавидела своего зятя, но

после смерти сестры считала своим долгом принять приглашение Аристиды жить с ними и воспитывать детей. Дети выросли, но она осталась в Свикли Дин.

— И хорошо справлялась со своими обязанностями,— добавил инспектор Тавернер,— но она не из тех, кто меняет свое мнение. Она никогда не одобряла Леонидаса и его методы...

— Да, семейство огромное. И кто же, по-вашему, его убил? — спросил я.

Тавернер покачал головой.

— Об этом рано говорить.

— Ну говорите же, Тавернер. Готов спорить, у вас есть уже свое мнение на этот счет. Мы же не в суде.

— Нет,— ответил Тавернер угрюмо,— и, может быть, суда как такового не будет.

— Вы хотите, сказать, что его не убивали?

— Он был убит, это точно. Отравлен. Но вы же знаете, как трудно получить доказательства отравления. Все улики показывают одно...

— Я именно этого и добиваюсь от вас. Скажите же все-таки мне, до чего вы додумались?

— Слишком очевидное дело. В этом-то и вся загвоздка.

Я умоляюще взглянул на Старика.

Он медленно продолжал:

— Как ты знаешь, Чарльз, когда расследуется убийство, именно очевидные факты приводят к правильным выводам. Старик Леонидас женился снова десять лет тому назад.

— В семьдесят семь лет?!

— Да. И женился на женщине двадцати четырех лет.

Я присвистнул.

— И что за женщина?

— Официантка из чайной. Вполне уважаемая молодая женщина, хорошенькая, но немного апатичная, очень тихая.

— Она и есть «очевидный факт»?

— Решайте сами,— сказал Тавернер.— Ей сейчас всего тридцать четыре года, а это опасный возраст. В доме живет молодой человек — учитель внуков. Он не был на войне — вроде у него большое сердце. Они дружат.

Старый и давно знакомый шаблон. Отец подчеркнул, что миссис Леонидас была весьма уважаемой. Много убийств совершается во имя уважительности.

— Мышьяк?

— Нет. У нас еще нет сведений из лаборатории, но доктор думает, что это эзерин.

— Это необычно. Видимо, легко узнать, где он куплен.

— Его не покупали. Это лекарство Леонидаса. Глазные капли.

— Леонидас был болен диабетом,— пояснил отец.— Ему делали инъекции инсулина. Инсулин продается в маленьких бутылочках с резиновыми колпачками, шприц прокалывает колпачок и всасывает лекарство.

Дальше я догадался сам.

— И в бутылочке оказался не инсулин, а эзерин?

— Да.

— А кто делал ему уколы?

— Его жена.

Теперь я понял, что имела в виду Софья, а потом отец, когда говорили об «определенном» человеке!

— А семья ладит с нынешней миссис Леонидас?

— Нет, насколько я понял — они едва разговаривают.

Все казалось предельно ясным. Тем не менее инспектор Тавернер был явно недоволен.

— А что вам не нравится? — спросил я.

— Если это сделала она, мистер Чарльз, ей было очень легко заменить бутылочку другой. В самом деле, если она виновна, не могу представить себе, почему она не сделала этого.

— Вроде должна бы. А были еще бутылочки с инсулином?

— О да, и совершенно пустые. А если бы она вместо пузырька, в котором был эзерин, поставила бутылочку из-под инсулина, доктор ничего бы не узнал. Очень мало данных о том, как распознавать эзерин в случае отравления. А так он взял пробу на инсулин (хотел проверить, не ввели ли слишком большую дозу), а это оказался вовсе не инсулин.

— Итак, эта миссис Леонидас или очень глупа, или, возможно, наоборот, очень умна.

— В каком смысле?

— Может быть, она и рассчитывала на то, что вы придете именно к такому выводу: никто бы не поступил так глупо. А есть еще кто-нибудь, кого вы подозреваете? Например, кто-то из членов семьи?

— Практически любой из семьи мог сделать это,— сказал отец.— В доме всегда был большой запас инсулина, по крайней мере на две недели. В одну из бутылоч-

чек могли налить эзерин и поставить ее на место, зная, что придет время — и бутылочку используют.

— И все имели доступ к лекарствам?

— Они не запирались: стояли на специальной полочке в аптечке, в ванной комнате.

— А повод для убийства?

Отец вздохнул.

— Дорогой Чарльз, Аристид Леонидас был безмерно богат. Он передал большую часть наследства семье, но, может быть, кому-то из них показалось мало.

— Больше всех деньги нужны его жене. У этого молодого человека есть деньги?

— Нет, он беден как церковная мышь.

«Мышь!» — я вспомнил Софью и детские стишки, которые она цитировала:

«По дороге по кривой
Человек хромал домой.
Человек хромым был с детства,
Дом кривой — его наследство.

По другой кривой дорожке
Шла домой кривая кошка.
Глаз кривой глядит вокруг,
Мышь кривую видит вдруг.

Вкривь метнулась быстро кошка —
Мышь лишь пискнула немножко.
Все они, включая мышку,
В том кривом живут домишке».

Я обратился к Тавернеру:

— Что вы думаете о миссис Леонидас?

— Трудно сказать. Она не так-то проста. Очень спокойная, говорит мало, о чем думает — неизвестно. Она напоминает мне кошку. Я совсем не против кошек, как раз с кошками все в порядке... — Он вздохнул. — Нам нужны улики...

Да, подумал я, всем нужны улики, доказывающие, что миссис Леонидас отравила мужа. И мне, и Софье, и инспектору Тавернеру. Тогда все будет хорошо!

Но ни я, ни Софья, ни инспектор не были уверены...

Глава 4

На следующий день мы с инспектором отправились в Свикли Дин.

У меня было довольно странное положение. Правда, в самом начале войны я был связан со спецотделом Скотланд-Ярда, и это давало мне официальное право на участие в расследовании.

Отец сказал:

— Для того чтобы раскрыть это преступление, нам необходима информация изнутри. Мы должны узнать все об обитателях этого дома. И именно ты можешь нам помочь.

Мне это не понравилось.

— Я должен стать полицейским шпионом? Я должен получать информацию от Софьи, которую люблю и которая, как я надеюсь, любит меня и доверяет мне?

Старик очень рассердился.

— Ради Бога, оставь эту банальную точку зрения. Надеюсь, ты не думаешь, что твоя приятельница убила своего дедушку?

— Конечно нет!

— Очень хорошо. Мы тоже не думаем этого. Она долго отсутствовала и всегда была с ним в самых лучших отношениях. У нее солидный годовой доход, и, я думаю, дед был бы счастлив узнать, что она выходит за тебя замуж. Он бы, наверное, сделал ей царский подарок. Ее мы не подозреваем. Но ты должен учесть одно. Если не выяснить все до конца, эта девушка не выйдет за тебя; ты и сам это знаешь. И еще одно. Преступления такого рода зачастую остаются нераскрытыми. Мы можем подозревать, что жена Леонидаса и ее поклонник были соучастниками убийства, но это надо доказать. И если у нас не будет достаточных улик против нее, опасное сомнение останется навсегда. Ты понимаешь?

Да, я понимал.

— Почему бы прямо не сказать ей об этом?

— Ты имеешь в виду Софью?..

— Да, да! Я не прошу, чтобы ты тайком втерся к ней в доверие. Нет. Узнай только, что она думает по этому поводу.

И вот на следующий день мы поехали в Свикли Дин.

Дом был очень странной архитектуры. Коттедж, то есть обычный сельский дом, разросшийся, однако, выше всякой меры. Ресторатору из Греции он, должно быть, казался английским, но на самом деле был просто уродлив.

Из дома вышла Софья. Увидев меня, она застыла на месте.

— Вы?!

— Софья, мне надо поговорить с вами. Где бы мы могли уединиться?

Она провела меня в сад, и мы уселись на скамью.

— Ну? — спросила Софья не очень дружелюбно.

Я рассказал ей все.

Она внимательно слушала и, когда я кончил говорить, тяжело вздохнула.

— Ваш отец — очень умный человек.

— Мне самому эта его идея показалась дикой..

— Нет, идея хорошая. Это единственное, что может помочь. Ваш отец, Чарльз, понимает, что я чувствую и думаю, лучше вас. Мне необходимо узнать правду, необходимо, — сказала она страстно.

— Ради нас? Но, дорогая...

— Не только ради нас, Чарльз, но и ради собственного спокойствия. Понимаете, Чарльз, я не сказала вам вчера, но... я боюсь.

— Боитесь?!

— Да, боюсь-боюсь-боюсь! Полиция, ваш отец, вы сами — все думают, что это сделала Бренда.

— Вероятность...

— О да, это вполне вероятно, но я не думаю, что это она. Как я и хотела, вы узнали об этом деле со стороны, а теперь я расскажу вам об этом «изнутри». Бренда не из тех, кто ставит себя под удар, — она слишком любит себя.

— А как насчет молодого человека? Лоуренса Брауна?

— Лоуренс — трус и слабый человек. У него для этого кишка тонка.

— Странно.

— Мы ничего не знаем. Я хочу сказать, люди иногда ведут себя неожиданно. Мы составляем о них какое-то мнение, и зачастую оно оказывается совершенно неверным. И все равно, Бренда... — Она покачала головой. — Она всегда вела себя очень последовательно. Я называю таких, как она, женщина из гарема. Она любит сладости, красивые платья, драгоценности, дешевенькие романы и кино. И, как ни странно, несмотря на дедушкин возраст, она восхищалась им. Дедушка был великолепен. Он умел сделать так, чтобы женщина чувствовала себя королевой, любящей султана. Я думаю, он сумел внушить и Бренде, что считает ее очень романтической и

интересной. Всю свою жизнь он был обходителен с женщинами.

— Почему вы сказали, что боитесь?

— Потому что это так. Очень важно, чтобы вы поняли меня. Знаете, у нас очень странная семья... В нас всех определенно есть жестокость, и это меня тревожит.

— Я не понял.

— Постараюсь объяснить. Например, дедушка однажды, рассказывая нам о своей юности в Смирне, упомянул, что убил двух человек. Там была какая-то ссора, какое-то ужасное оскорбление, но тем не менее он находил это вполне естественным. Но слушать об этом в Англии — невероятно!

Я кивнул.

— Это один вид жестокости. Потом бабушка — я едва помню ее, но много слышала о ней. Она была жестока, потому что начисто была лишена воображения. А моя мама? Она актриса и прелесть, но у нее совершенно нет чувства меры. Она из тех эгоисток, которые воспринимают жизнь только под одним углом зрения: как это отразится на них. Это тоже очень странно.

Есть еще Климентина — жена дяди Роджера. Она научный работник, но тоже жестока. Дядя Роджер — полная противоположность ей: он самый добрый и очаровательный человек на свете, но у него совершенно невыносимый характер. Он постоянно раздражается и в такие минуты не сознает, что делает. Мой папа... — Она сделала долгую паузу. — Папа, — продолжала она медленно, — слишком сдержан. Никогда не знаешь, о чем он думает. Вероятно, это инстинктивная защита от излишней эмоциональности мамы, но иногда он меня очень беспокоит.

— Дорогая моя, вы преувеличиваете. По-вашему, каждый способен на убийство.

— Да, даже я!

— Не может быть!

— О да, Чарльз, я — не исключение. Я допускаю мысль, что могла бы убить... Но если бы убила, то только за что-нибудь очень значительное...

Я рассмеялся. Софья тоже улыбнулась.

— Может быть, я дура, но вам необходимо узнать правду о смерти дедушки. Ах, если бы это была Бренда... Мне вдруг стало очень жаль Бренду Леонидас.

К нам приближалась высокая женщина, небрежно одетая.

— Тетя Эдит, — предупредила Софья.

Я встал.

— Это Чарльз Хейворд, тетя Эдит. Моя тетя, мисс де Хэвиленд.

Эдит де Хэвиленд было около семидесяти. Загорелое лицо, небрежно заколотые седые волосы и пронизательный взгляд.

— Здравствуйте, — обратилась она ко мне. — Я слышала о вас. Как поживает ваш отец?

Удивленный, я ответил, что хорошо.

— Я знала его еще мальчиком. Очень хорошо знала его мать. Вы похожи на нее. Вы приехали помочь нам или наоборот?

— Надеюсь, помочь, — ответил я, чувствуя себя чрезвычайно неловко.

Она кивнула.

— Ваша помощь нам пригодится. Дом так и кишит полицейскими. Некоторые мне особенно противны. Мальчик, который посещал приличную школу, не должен идти в полицейские. Вчера у Мраморной Арки видела сына Майры Койнель. Он регулировал уличное движение. Прямо не знаешь, на каком ты свете.

Потом обратилась к Софье.

— Тебя искала Нэнни. Что-то насчет рыбы.

— Черт возьми! Придется позвонить по телефону.

Она быстро направилась к дому. Мисс де Хэвиленд и я последовали за ней.

— Не знаю, что бы мы делали без таких вот Нэнни. Почти у всех своя старая «Нэнни». Они стирают, гладят, готовят, очень преданны. Эту я выбрала сама много лет назад.

Она вдруг нагнулась и злобно дернула какую-то травку.

— Какая гадость этот вьюнок! Давит, запутывает, и вы даже вырвать его не можете — он уходит под землю. И она принялась изо всех сил каблуком втаптывать травку в землю.

— Плохо дело, Чарльз Хейворд, — сказала она, глядя на дом. — Что думает об этом полиция? Хотя я, наверное, не должна задавать таких вопросов. Странно как-то, что Аристиды могли отравить, и странно думать о нем как

о покойнике. Я никогда не любила его, но не могу привыкнуть к мысли, что он умер... Дом кажется таким... пустым.

Я молчал. Несмотря на несвязные фразы, мисс де Хэвиленд была настроена на воспоминания.

— Думала сегодня утром — я живу здесь уже очень давно. Больше сорока лет. Приехала, когда умерла моя сестра. Он пригласил меня... Семеро детей... а младшему всего годик. Я не могла позволить, чтобы их воспитывал какой-нибудь итальянец. Конечно, это был невозможный брак. Я всегда чувствовала, что Марсию околдовали. Уродливый, вульгарный, маленький иностранец! Он дал мне полную свободу, должна признаться. Няни, гувернантки, лучшие школы... И хорошую, полезную пищу, а не ту гадость, которую ел сам.

— И вы так и живете здесь?

— Да, немного странно... Я ведь могла уехать, когда дети выросли и обзавелись своими семьями... Думаю, я слишком увлеклась садом. А потом еще Филипп. Если мужчина женится на актрисе, он не может надеяться на семейный уют. Не понимаю, зачем актрисы имеют детей. Как только ребенок рождается, они уезжают и играют свои роли в Эдинбурге или где-нибудь еще, но обязательно очень далеко от дома. Филипп очень разумно поступил, переехав сюда со своими книгами.

— Чем занимается Филипп Леонидас?

— Пишет книги. Сама не знаю зачем. Никто не хочет их читать. Все о каких-то неясных моментах в истории. Вы даже не слышали о его книгах?

Я вынужден был признаться, что не слышал.

— Слишком много денег, вот что. Большинство людей не могут позволить себе подобные причуды — они должны зарабатывать на жизнь.

— А разве его книги не окупаются?

— Конечно нет. Его считают большим авторитетом в истории, а деньги ему не нужны. Аристид положил на его имя какую-то фантастическую сумму, что-то около ста тысяч фунтов. Аристид всех обеспечил.

— Так что после его смерти никто особенно не выигрывал?

Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Все выигрывали. Они все получают деньги, но они и так могли их получить, если бы попросили.

— Как вы думаете, кто отравил его?

— Понятия не имею. И это меня расстраивает. Не

очень-то приятно думать, что кто-то типа Борджиа расхаживает по дому. Полиция, наверное, свалит все на бедняжку Бренду.

— Вы думаете, это несправедливо?

— Не знаю. Мне она всегда казалась на редкость глупой и банальной особой. Я себе не так представляю отравительницу. Но если молодая женщина двадцати четырех лет выходит за восьмидесятилетнего, естественно, она это делает ради денег. Она могла предвидеть, что очень скоро станет богатой вдовой. Но Аристид был чрезвычайно крепким стариком. Он вполне мог дожить и до ста лет. Думаю, ей надоело ждать.

— И в этом случае?..

— И в этом случае репутация семьи не пострадает. Конечно, противно, что это станет достоянием публики. Но, в конце концов, она ведь не член семьи.

— А больше вы никого не подозреваете?

— А кого еще я могу подозревать?

Конечно, она знала гораздо больше...

Мне пришла в голову мысль: а вдруг это она, мисс де Хэвиленд, сама отравила Аристида Леонида? Я вспомнил с какой злостью она втаптывала в землю вьюнок. Вспомнил слова Софьи — безжалостна...

Имея достаточные основания... Но что именно может быть для Эдит де Хэвиленд достаточным основанием?

Глава 6

Дверь в дом была открыта, и мы вошли в очень просторный холл.

— Видимо, вы хотите повидать Филиппа.

Хочу ли я видеть Филиппа, я и сам не знаю. Все, что я хотел, — это видеть Софью. И это мне удалось. Но она одобрила план Старика и исчезла, не оставив указаний, как действовать дальше. Должен ли я предстать перед Филиппом как жених его дочери или как случайный знакомый, который нашел «подходящее» время нанести визит? А может, сказать ему, что я связан с полицией?

— Пойдемте в библиотеку, — сказала мисс де Хэвиленд.

Это была большая комната с множеством книг. Книжки всюду: в шкафах, на столах, стульях и даже на полу. Филипп Леонидас, высокий, лет пятидесяти, показался мне необыкновенным красавцем. Все так подчеркивали уродство Аристида, что я невольно ожидал, что сын его

тоже некрасив. Поэтому меня так поразили эти безупречные черты лица.

— Это Чарльз Хейворд, Филипп.

— Здравствуйте.

Я так и не понял, слышал ли он обо мне раньше. Рука, которую он протянул, была холодной, лицо — непроницаемым. Я немного нервничал. Он стоял передо мной терпеливо, не проявляя никакого интереса.

— Где эти ужасные полицейские? — спросила мисс Эдит. — Они уже были здесь?

— Мне кажется, главный инспектор... (он взглянул на карточку на письменном столе) э-э... Тавернер скоро зайдет сюда поговорить со мной.

— А где он сейчас?

— Понятия не имею, тетя Эдит. Наверное, наверху.

— У Бренды?

— Право, не знаю.

Глядя на Филиппа, трудно было представить себе, что где-то поблизости от него могло совершиться убийство.

— Магда встала?

— Не знаю. Она обычно не встает до одиннадцати часов.

— Да, на нее это похоже. Но, кажется, она идет сюда.

Я услышал громкий голос — женщина что-то быстро говорила — и поспешные шаги.

Дверь отворилась, и в комнату вошла женщина. У меня было впечатление, что вошли трое. Она курила сигарету в длинном мундштуке. Розовый шелковый пеньюар, золотистые волосы, распущенные по плечам, огромные голубые глаза и низкий приятный голос.

— Дорогой мой, я больше не могу. Подумать только, ведь все появится в газетах! Я еще не решила, что надеть на следствие. Очень-очень скромное, но не черное? Может быть, темно-красное? А у меня не осталось ни одного купона — я потеряла адрес этого ужасного человека, который мне их присылает, а если я поеду его разыскивать, полиция будет следить за мной и задавать мне вопросы. Как ты спокоен, Филипп! Как ты можешь быть таким спокойным?! Разве ты не понимаешь, что мы не можем уехать из этого ужасного дома? Свобода, свобода! Это нехорошо с моей стороны... Бедный старый дедушка! Конечно, мы бы никогда не покинули его. Он очень заботился о нас, несмотря на все старания этой женщины встать между нами. Что, если бы мы уехали

раньше, он лишил бы нас наследства? Знаешь, Филипп, это прекрасная возможность — поставить пьесу об Эдит Томпсон. Это убийство сделает нас знаменитыми. Я даже знаю, как я буду играть банальную, глупую женщину: все будут верить до последней минуты, а потом...

Она вытянула руку, сигарета выпала из мундштука на стол Филиппа. Он бесстрастно поднял ее и положил в корзинку для мусора.

— А потом... — прошептала Магда, ее глаза вдруг широко открылись, лицо напряглось. — Просто ужас...

Вдруг выражение страха сошло с ее лица, и, обратившись ко мне, она спросила ледяным, деловым тоном:

— Вы не находите, что именно так надо играть Эдит Томпсон?

Я сказал, что тоже считаю: именно так и надо играть Эдит Томпсон. Я, правда, смутно понял, кто такая Эдит Томпсон, но хотел понравиться матери Софьи.

— Она похожа на Бренду, — сказала Магда. — Знаете, мне это раньше не приходило в голову. Сказать об этом инспектору?

Филипп слегка нахмурился.

— Тебе совсем ни к чему встречаться с ним, Магда. Я сам могу ему рассказать все, что его интересует.

— Не встречаться с ним?! — Она почти кричала. — Но, конечно, я должна ненавидеть его! Дорогой мой, у тебя совсем нет воображения. Ты не понимаешь, насколько важны детали.

— Мама, — сказала Софья, входя в комнату, — ты не должна врать инспектору.

— Софья, дорогая...

— Я знаю, что ты уже все прорепетировала и готова дать прекрасное представление. Но ты же все напутала.

— Чепуха. Ты не знаешь...

— Знаю, тебе нужно сыграть эту сцену иначе, дорогая. Очень сдержанно, говорить мало, быть настороже, защищать семью.

— Милая, ты действительно думаешь...

— Ну конечно. Я приготовила тебе шоколад.

— О, как хорошо. Я умираю с голоду.

На пороге она обернулась.

— Вы не представляете себе, как чудесно иметь дочь. — С этими словами она удалилась.

— Один Бог знает, что она скажет полиции, — подвела итог этой сцене мисс де Хэвиленд.

— Все будет в порядке, — возразила Софья.

— Она может сказать что угодно.

— Не беспокойся. Она сыграет эту сцену так, как ей подскажет режиссер. А режиссер — я.

Она тоже вышла, но тотчас вернулась.

— К тебе главный инспектор Тавернер, папа. Ты не возражаешь, если Чарльз останется?

Мне показалось, что лицо Филиппа выразило удивление, но только на мгновение. Он пробормотал:

— О, конечно, конечно.

Вошел Тавернер. Он взял стул и сел к письменному столу.

— Да, главный инспектор? — обратился к нему Филипп.

— Я не нужна вам, инспектор? — осведомилась мисс де Хэвиленд.

— Сейчас — нет. Позже, если позволите.

— Конечно, я буду наверху.

Она вышла из комнаты.

— Итак, инспектор? — повторил Филипп.

— Я знаю, что вы очень занятой человек, и не отниму у вас много времени. Должен сказать вам, что наши подозрения подтвердились. Вашего отца отравили. Смерть наступила в результате слишком большой дозы физостигмина, более известного под названием «эзерин».

Филипп опустил голову. Он не проявил особых эмоций.

— Может быть, это вам что-нибудь говорит? — продолжал Тавернер.

— Решительно ничего. По моему мнению, отец принял яд случайно.

— Вы в самом деле так думаете?

— Да, это вполне вероятно. Учтите, что ему было около девяноста лет и у него было очень плохое зрение.

— Поэтому он нерелил глазные капли в бутылочку из-под инсулина? Неужели вы верите этому, мистер Леонидас?

Филипп не ответил. Его лицо стало еще более непроницаемым.

— Мы нашли бутылочку от глазных капель в мусорном ящике. На ней не было отпечатков пальцев. Это само по себе очень любопытно. В обычных условиях они бы обязательно были: вашего отца, может быть, его жены или камердинера.

Филипп поднял голову.

— А как насчет камердинера?

— То есть предположить, что убийца — он? Конечно.

но, у него для этого были все возможности. Но когда мы пытаемся найти мотив, его попросту нет. Каждый год ваш отец выплачивал ему премию. С каждым годом она увеличивалась. Ваш отец ясно дал ему понять, что премия выплачивается вместо суммы, которую он мог бы получить по завещанию. Эта премия после семи лет службы составляла значительную цифру и продолжала повышаться. Очевидно, что в интересах камердинера было, чтобы ваш отец жил как можно дольше. Больше того, они были в прекрасных отношениях. Нет, мы не подозреваем Джонсона.

— Понимаю, — почти беззвучно сказал Филипп.

— А теперь, мистер Леонидас, может быть, вы скажете мне, что делали в день смерти вашего отца?

— Весь день я провел в этой комнате. Выходил только в столовую.

— Вы видели отца в тот день?

— После завтрака я зашел к нему поздороваться, как обычно.

— Вы были одни?

— Моя э-э... мачеха была в комнате.

— Он был такой, как всегда?

— По его лицу не было заметно, будто он заранее знает, что его убьют в тот день, — с иронией ответил Филипп.

— Часть дома, где жил ваш отец, полностью отделена от вашей половины?

— Да, туда можно попасть только из холла. Дверь там.

— Эта дверь запиралась?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

— Любой человек мог пройти от вас к нему?

— Конечно.

— Как вы узнали о смерти вашего отца?

— Мой брат Роджер, который занимает западное крыло верхнего этажа, вбежал ко мне и сказал, что у отца припадок. Он тяжело дышит, и ему очень плохо.

— Что вы сделали?

— Позвонил доктору. Об этом почему-то никто не подумал. Доктора не было, но я попросил передать ему, чтобы он приехал как можно скорее, и затем поднялся к отцу.

— А дальше?

— Отец был очень плох. Он умер до приезда доктора.

— Где были в это время остальные члены вашей семьи?

— Жена — в Лондоне. Она приехала вскоре после смерти отца. Софьи тоже не было. Младшие дети Юстас и Жозефина были дома.

— Поймите меня правильно, мистер Леонидас, но я хотел бы знать, как смерть отца отразилась на вашем финансовом положении?

— Я вполне вас понимаю. Мой отец обеспечил нас много лет тому назад. Моего брата он назначил председателем и главным держателем акций самой большой своей компании. Мне он передал соответствующую сумму — 150 тысяч фунтов в облигациях и ценных бумагах. Значительные суммы он выделил сестрам, которые умерли.

— И при этом оставался по-прежнему очень состоятельным?

— Нет, в то время он оставил себе сравнительно небольшой капитал. Он сказал, что эти деньги дадут ему интерес к жизни. — Филипп впервые улыбнулся. — Благодаря различным удачным операциям он разбогател. И в последние годы обладал значительным состоянием.

— Вы и ваш брат обосновались здесь, в этом доме. Это не было связано с финансовыми затруднениями?

— Конечно нет. Так было удобнее. Отец всегда говорил, что будет рад, если мы будем жить с ним. Я очень любил своего отца. Мы переехали сюда еще в 1937-м году.

— А ваш брат?

— Он приехал в 1943-м, после того как в Лондоне в его дом попала бомба.

— А теперь, мистер Леонидас, ответьте мне на такой вопрос. Вы знали содержание завещания вашего отца?

— Конечно, он составил новое завещание в 1946-м году. Мой отец, человек не скрытный, был очень привязан к семье. Он собрал нас всех, и его поверенный по его просьбе огласил завещание. Я думаю, мистер Гейтсхилл познакомил вас с его условиями. Примерно 100 тысяч фунтов завещалось моей мачехе, в дополнение к сумме, которую она получила, став его женой. Все остальное было поделено на три части: одна — мне, вторая — брату, третья — трем внукам.

— Какие-нибудь подарки слугам?

— Никому ничего. Если слуги оставались у него, их жалованье повышалось с каждым годом.

— Извините за вопрос, мистер Леонидас, а в настоящий момент вы не испытываете особой нужды в деньгах?

— Подоходный налог, как вы знаете, довольно велик, но нам хватает. Более того, отец часто делал нам ценные подарки, и, если бы что-нибудь случилось, он немедленно пришел бы на помощь. Уверяю вас, инспектор, у меня не было финансовых причин желать смерти отца.

— Очень сожалею, мистер Леонидас, если вы меня так поняли. Однако мне придется задать вам еще несколько вопросов. Каковы были отношения между отцом и его женой?

— Насколько я знаю, они были счастливы.

— Никаких ссор?

— Я не слышал о ссорах.

— У них была большая разница в возрасте?

— Да.

— Простите, а вы одобряли второй брак вашего отца?

— Меня об этом не спрашивали.

— Это не ответ, мистер Леонидас.

— Раз вы настаиваете, могу сказать, что считаю этот брак неразумным.

— Вы говорили об этом вашему отцу?

— Когда я услышал о браке, это был уже свершившийся факт.

— И для вас это оказалось ударом, да?

Филипп не ответил.

— Вы рассердились?

— Мой отец вправе был поступать, как считал нужным.

— Какие у вас отношения с миссис Леонидас?

— Самые дружелюбные.

— Вы дружите с ней?

— Мы встречаемся очень редко.

— Расскажите мне о мистере Брауне.

— Боюсь, что я ничего не знаю о нем. Его нанял отец.

— Но он учит ваших детей, мистер Леонидас.

— Да. Мой сын страдает детским параличом, к счастью, в легкой форме, и мы решили не отдавать его в школу. Отец предложил нанять учителя для него и моей младшей дочери Жозефины. В то время выбор был очень ограничен, так как учитель должен был иметь ос-

вобождение от военной службы. Рекомендации мистера Брауна были вполне удовлетворительными, и я согласился. Могу добавить, что он оказался хорошим учителем и добросовестно относился к своим обязанностям.

— Он жил на половине отца?

— Да, там больше места.

— Вы когда-нибудь замечали некую близость между Лоуренсом Брауном и вашей мачехой?

— У меня не было возможности это заметить.

— Может быть, вы слышали какие-нибудь сплетни?

— Я не слушаю сплетен, инспектор?

— Очень похвально. Итак, вы не видели ничего плохого, не слышали ничего плохого и не говорили ничего плохого.

— Если вам угодно выразить это таким образом, инспектор.

Инспектор Тавернер встал.

— Ну что ж, благодарю вас, мистер Леонидас.

Я вышел вслед за ним.

— Вот это хладнокровие! — восхитился Тавернер.

Глава 7

— А теперь мы пройдем к миссис Филипп Леонидас. Ее сценическое имя — Магда Вест.

— Она хорошая актриса? Я слышал это имя и, кажется, видел ее в нескольких спектаклях, но не помню где и когда.

— Несколько раз она выступала в Вест-Энде, много играет в маленьких театрах и воскресных клубах. По правде говоря, ей очень мешает избыток средств. Она может выбирать свои роли, а иногда даже финансировать постановку, в которой ей нравится какая-нибудь роль, как правило, совсем не подходящая для нее. В результате теперь она скорее любительница, чем профессиональная актриса. Магда особенно хороша в комедии, но в театрах ее не любят: слишком независима, и у нее скандальный характер.

Из гостиной вышла Софья.

— Мама здесь, инспектор, — обернувшись, сказала она.

Мы вошли в большую гостиную. Я едва узнал женщину, сидящую на парчовой кушетке. Безупречный туалет, красиво уложенные волосы — трудно было поверить, что совсем недавно я видел ее в пеньюаре.

— Инспектор Тавернер, входите и садитесь. Может быть, хотите курить? Это ужасно. Я просто не понимаю, что происходит.— Она говорила тихим, ровным голосом — чувствовалось, что она решила держать себя в руках.— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Благодарю вас, миссис Леонидас. Где вы были в момент убийства?

— Думаю, я ехала домой из Лондона. В тот день я завтракала с подругой в Айви. Потом мы пошли на распродажу одежды. В Беркли встретились с друзьями, выпили, и я поехала домой. Здесь застала страшную суматоху. Оказалось, что у моего свекра удар. Он... умер.— Ее голос чуточку задрожал.

— Вы любили его?

— Я была преданна...— Она повысила голос. Софья слегка поправила картину Дега. И голос Магды снова стал тихим и ровным.

— Я очень любила его. Мы все любили его. Он был очень добр к нам.

— Вы ладили с миссис Леонидас?

— Мы редко виделись с Брендой.

— Почему же?

— У нас мало общего. Бедняжка Бренда, ей доставалось!

Софья опять прикоснулась к картине.

— А именно?

— О, я знаю.— Магда печально улыбнулась и покачала головой.

— Миссис Леонидас была счастлива в браке?

— Думаю, да.

— Они не ссорились?

Снова улыбка.

— Я не знаю, инспектор. Они ведь жили отдельно.

— Она дружила с мистером Брауном?

Магда с упреком взглянула на Тавернера.

— Я не думаю,— сказала она с достоинством,— что вы вправе задавать мне подобные вопросы. Бренда дружила со всеми. Она очень милый человек.

— Вам нравится мистер Браун?

— Он очень тихий. Довольно мил, но всегда держится так, что его трудно заметить. И вообще я его мало видела.

— А как преподаватель он хорош?

— Наверное, да. Я не знаю. Филипп им доволен.

— Извините мне мой вопрос: как вы думаете, были

ли любовные отношения между мистером Брауном и миссис Леонидас?

Магда встала. Теперь это была великосветская дама.

— У меня нет никаких сведений на этот счет, и я не думаю, инспектор, что вы имеете право задавать мне такие вопросы. Она была женой моего свекра!

Я с трудом удержался от аплодисментов.

Инспектор тоже встал.

— Вы считаете, этот вопрос лучше задать слугам? — спросил он.

Магда не ответила.

— Благодарю вас, миссис Леонидас.— Инспектор вышел.

— Ты замечательно отвечала, дорогая,— сказала Софья.

Магда задумчиво поправила локон и посмотрела в зеркало.

— Да,— сказала она,— я думаю, только так и надо было сыграть.

— А вам не следует идти с инспектором,— обратилась ко мне Софья.

— Послушайте, Софья, что я должен...

Я замолчал, потому что не мог в присутствии матери Софьи спрашивать, что я должен делать. Магда не проявляла ко мне ни малейшего интереса. Я мог быть репортером, женихом ее дочери, полицейским и даже гробовщиком: для Магды все они — только публика.

Взглянув на свои ноги, миссис Леонидас сказала неодобрительно:

— Эти туфли не подходят.

Софья взглядом дала мне понять, что я могу уйти.

И я присоединился к Тавернеру.

— Собираюсь повидаться со старшим братом,— сказал он.

— Послушайте, Тавернер, если кто-нибудь спросит меня, что я делаю в этом доме, как я должен ответить?

— А вас кто-нибудь спрашивал?

— Нет.

— Ну так оставим пока все как есть. Никогда ничего не объясняйте, особенно в таких обстоятельствах. Все настолько заняты своими заботами и страхами, что им не до вопросов. Если вы будете держать себя уверенно, никто и не усомнится в вашем праве находиться здесь.

Так, теперь мы пройдем в эту дверь и поднимемся по лестнице. Нигде ничего не запирается. Конечно, вы пони-

маете, что вопросы, которые я им задаю, меня совершенно не интересуют. Абсолютно неважно, кто был дома в тот день, а кто не был, и вообще где они были...

— Тогда зачем же...

— Это дает мне возможность изучать их и послушать, что они могут сказать. Кроме того, всегда есть шанс, что кто-то скажет что-нибудь нужное мне. Я уверен, что миссис Магда Леонидас могла бы нас просветить, если бы захотела.

— А можно ли ей доверять?

— О нет! Конечно нет! Но мы могли бы все проверить. В этом проклятом доме каждый имел возможность совершить убийство. Но мне необходимо найти повод.

На верхней площадке дверь справа оказалась запертой. Инспектор постучал.

Дверь мгновенно открылась, как будто человек только и ждал стука. Это был неуклюжий великан, с мощными плечами, темными взлохмаченными волосами и чрезвычайно уродливым лицом.

— О, входите, пожалуйста! Я собирался... но теперь это неважно. Проходите в гостиную. Я позову Клеменса, ах, ты уже здесь, дорогая? Это инспектор Тавернер. Он... а где сигареты? Подождите минутку. Если вам не трудно.— Он наткнулся на электрический камин, извинился перед ним и вышел из комнаты.

Миссис Роджер Леонидас стояла у окна. Меня сразу заинтересовала и она, и атмосфера комнаты. Было очевидно, что это ее комната. Стены выкрашены белой краской. Никаких картин — только над камином геометрическая фантазия из треугольников. Мебели мало: несколько стульев, полированный стол, маленький книжный шкаф. Никаких украшений. Много света и воздуха. Комната отличалась от гостиной Магды, как мел от сыра. И миссис Роджер Леонидас настолько отличалась от миссис Филипп Леонидас, насколько одна женщина может отличаться от другой. Магда играла роли, Клеменс, я был уверен, всегда оставалась самой собой. Эта женщина была очень яркой индивидуальностью. Около пятидесяти, коротко подстриженные седые волосы, умное тонкое лицо, светло-серые внимательные глаза. На ней было простое темно-красное платье, которое очень гармонировало с ее стройной фигурой.

— Садитесь, инспектор. Что-нибудь прояснилось?

— Смерть наступила от эзерина.

— Значит, это убийство? Будьте помягче с моим му-

жем, пожалуйста. Он потрясен. Обожал отца и очень тяжело переживает его смерть.

— Вы были в хороших отношениях с покойным?

— Да.— И спокойно добавила: — Я не очень любила его.

— Почему же?

— Мне не нравились ни его цели, ни средства их достижения.

— А миссис Бренда Леонидас?

— Бренда? Я очень редко с ней виделась.

— А как по-вашему, между нею и мистером Браунном что-нибудь было?

— Вы имеете в виду любовные отношения? Не думаю.

В комнату быстро вошел Роджер Леонидас.

— Меня задержали,— сообщил он.— Телефон. Итак, инспектор, у вас есть новости? Чем вызвана смерть отца?

— Его отравили эзеринем.

— Боже мой! Отравили! Ах, эта женщина! Она не могла ждать! Он ее подобрал в канаве — и вот награда. Она хладнокровно убила его! Я не могу слышать об этом!

— У вас есть какие-то доказательства?

— Доказательства? Но кто же еще мог это сделать?

Я всегда не доверял ей, всегда не любил ее! Мы все не любили ее! А как мы испугались с Филиппом, когда однажды папа пришел домой и рассказал нам, что он вступил с ней в брак. В его-то возрасте! Это бездушно! Отец был удивительным человеком, инспектор! Ум сорокалетнего! Всем абсолютно я обязан ему. Он столько делал ради меня! И никогда не обманывал мои ожидания. Это я подвел его... когда я думаю об этом...

Он тяжело опустился на стул. Клеменс спокойно подошла к нему.

— Довольно, Роджер, успокойся!

— Я знаю, дорогая, я знаю.— Он взял ее руку.— Но как я могу быть спокойным, как я могу не переживать...

— Но мы все должны быть спокойными, Роджер. Инспектору Тавернеру нужна наша помощь.

— Это верно, миссис Леонидас.

Роджер вдруг закричал:

— Знаете, что я больше всего хочу сделать? Задуть эту женщину своими руками. Если бы она была здесь...— Он весь трясся от ярости.— Да, я свернул бы ей шею, свернул ей шею!

— Роджер! — повысила голос Клеменс.

Он смущенно взглянул на нее.

— Извини, дорогая.

Потом обратился к нам:

— Прошу прощения. Я потерял контроль над собой. Я... простите...

Он снова вышел из комнаты. Клеменс слегка улыбнулась.

— На самом деле он и мухи не обидит.

Тавернер начал задавать вопросы. Она отвечала кратко и точно.

— В тот день Роджер был в Лондоне. Вернулся рано и, как обычно, некоторое время провел с отцом. Я была на работе в институте Ламберта. Вернулась около шести часов.

— Вы видели своего свекра?

— Нет. В последний раз я видела его накануне — мы пили кофе после обеда.

— А в день смерти не видели его?

— Нет. Я пошла на его половину, потому что Роджер решил, что он оставил там свою трубку, очень ценную, но я обнаружила ее на столе в холле и решила не беспокоить старика. Он часто спал в это время.

— Когда вы услышали о том, что ему плохо?

— Прибежала Бренда. Это было в половине седьмого.

Тавернер спросил Клеменс о ее работе. Она ответила, что занимается вопросами радиации при расщеплении атома.

— Вы работаете над атомной бомбой?

— Наша работа не связана с уничтожением. Мы проводим опыты по лучевой терапии.

Тавернер встал и попросил разрешения осмотреть их часть дома. Она слегка удивилась, но разрешила.

Спальня напомнила мне больницу. Ванная оказалась очень скромной, кухня — безусловно чистой и полупустой.

Затем мы подошли к двери, которую Клеменс открыла со словами:

— Это комната моего мужа.

— Входите, — пригласил Роджер, — входите.

Я с облегчением вздохнул, потому что безупречный аскетизм квартиры начал действовать мне на нервы. Наконец-то я увидел комнату, отражавшую личность ее хозяина. Большой секретер, заваленный бумагами, ста-

рыми трубками и всякой всячиной, потертые кресла. На полу персидский ковер. Стены увешаны фотографиями, акварелями. Приятная комната милого, дружелюбного человека.

Роджер неловко разлил вино по бокалам, освободил стул, бросив книги прямо на пол.

— У меня не убрано. Я как раз разбирал старые бумаги.

Инспектор от вина отказался.

— Вы должны извинить меня, — продолжал Роджер. Он подал мне бокал. — Я не мог справиться с собой.

Он виновато огляделся, но Клеменс в комнате не оказалась.

— Она удивительная. Я говорю о своей жене. Все это время она была великолепна. Не могу вам передать, как я восхищаюсь этой женщиной. А ведь у нее была тяжелая жизнь, ужасная жизнь. Я бы хотел вам рассказать. Ее первый муж был хороший парень, я хочу сказать, у него была прекрасная голова, но очень болезненный — у него был туберкулез. Он занимался кристаллографией и вел очень важную научную работу, за которую ему очень мало платили. Клеменс содержала его, ухаживала за ним, зная, что он умирает. И никогда ни одной жалобы, ни слова недовольства. Она всегда говорила, что счастлива. А потом он умер, и она осталась одна. Наконец она согласилась выйти за меня замуж. Я был счастлив, что сумею дать ей отдых, старался сделать ее счастливой. Я хотел, чтобы она бросила работу, но она считала своим долгом работать во время войны и сейчас не хочет об этом слышать. Клеменс — чудесная жена. Мне очень повезло. Я для нее готов на все.

Тавернер сказал что-то приличествующее данной ситуации, а затем стал задавать вопросы.

— Бренда прибежала за мной. Отцу стало плохо. Она сказала, что у него какой-то приступ. За полчаса до этого я был у моего дорогого отца. Я бросился к нему. Он задышался, лицо было синюшным. Я кинулся к Филиппу. Он позвонил доктору. Я... Мы ничего не могли сделать. Конечно, я не думал, что кто-то виновен в его смерти.

С трудом мы вырвались из атмосферы этой приятной комнаты и расстались с чувствительным Роджером.

— Фьюить, — свистнул Тавернер. — Как он не похож на своего брата! Странное дело с этими комнатами: они так много говорят о людях, живущих в них.

Я согласился с ним.

— Странная штука брак, правда? — заметил инспектор.

Я не совсем понял, относится ли это замечание к Клеменсу и Роджеру или к Магде с Филиппом. И все же мне казалось, что эти две супружеских пары счастливы; по крайней мере, насчет Роджера и Клеменса у меня не было сомнений.

— Я бы не сказал, что Роджер похож на отравителя, — сказал Тавернер. — Конечно, ничего нельзя утверждать. А вот она как раз подходит. Безжалостная женщина. Может быть, даже помешанная.

Я снова с ним согласился.

— Но не думаю, — размышлял вслух я, — что она способна убить кого-то только потому, что не одобряет его цели и способы их достижения. Возможно, она действительно ненавидела старика... но разве убийства совершаются из одной только ненависти?

— Очень редко, — ответил Тавернер. — Я, во всяком случае, ни разу не сталкивался с таким убийством. Нет, я думаю, нам лучше придерживаться версии о миссис Бренде. Но один Бог знает, получим ли мы какие-нибудь доказательства.

Глава 8

Дверь нам открыла горничная. Увидев Тавернера, она испугалась, тем не менее смотрела на него с некоторым презрением.

— Вы хотите видеть госпожу?

— Да, пожалуйста.

Она проводила нас в большую гостиную и вышла.

Комната была обита светлым кретоном, окна задрапированы полосатыми шелковыми портьерами. Над камином я увидел портрет, от которого невозможно было оторваться. Не только потому, что это был великолепный портрет и сразу можно было определить, что писал его мастер, — лицо приковывало внимание. Это был портрет старика с темными, пронзительными глазами. Голова уходила в плечи, но, несмотря на маленький рост, человек излучал силу и удивительную энергию.

— Это он, — сказал Тавернер. — Портрет работы Августа Джона. Чувствуется индивидуальность, не правда ли?

— Да. — Я почувствовал, что это слово не передает

моего впечатления. Теперь я знал, что подразумевала Эдит де Хэвилленд, говоря, что без него дом опустел.

— А это портрет его первой жены. Типично английское лицо — красивое, но безжизненное. Совершенно неподходящая пара.

В комнату вошел сержант Ламб.

— Я сделал все, что мог, сэр, но ничего не добился. Слуги говорят, они ничего не знают.

Тавернер вздохнул.

Сержант вынул записную книжку и направился в дальний угол комнаты. Дверь снова отворилась, и в комнату вошла вторая жена Аристида Леонидаса.

Она была в черном, и это ей шло. Довольно милостивое лицо, красивые каштановые волосы, уложенные в слишком вычурную прическу, напудренная, накрашенная. Однако было заметно, что она недавно плакала. На шее ожерелье из очень крупных жемчужин, на одной руке большое кольцо с изумрудами, на другой — с громадным рубином. И еще я заметил, что она выглядела испуганной.

— Доброе утро, миссис Леонидас, — сказал Тавернер непринужденно. — Прошу прощения, но мне пришлось еще раз побеспокоить вас.

— Видимо, так нужно, — вяло ответила она.

— Вы понимаете, конечно, миссис Леонидас, что ваше желание пригласить адвоката вполне законно?

Очевидно, она не поняла значения этих слов и сердито ответила:

— Я не люблю мистера Гейтсхилла. Он мне не нужен.

— Вы можете пригласить другого адвоката, миссис Леонидас.

— А я должна? Я вообще не люблю адвокатов. Они смущают меня.

— Только вы сами можете решить этот вопрос. Продолжим наш разговор?

Сержант Ламб помусолил кончик карандаша. Бренда села на диван.

— Вы что-нибудь выяснили? — спросила она.

Я заметил, что пальцы ее судорожно вцепились в платье.

— Теперь мы можем определенно сказать, что ваш муж умер от отравления эзеринном.

— Вы хотите сказать, что эти глазные капли убили его?

— Мы выяснили, что, когда вы делали мистеру Леонидасу последний укол, вы впрыснули ему эзерин, а не инсулин.

— Но я не знала, я тут ни при чем. Правда, инспектор, я тут ни при чем.

— Значит, кто-то умышленно заменил инсулин глазными каплями.

— Нехорошо так делать!

— Да, миссис Леонидас!

— Вы думаете, кто-то сделал это с целью? Или случайно? Это же могла быть шутка!

— Мы не думаем, что это могла быть шутка, миссис Леонидас.

— Может быть, кто-нибудь из слуг?

Тавернер не ответил.

— Наверное, слуга. Я не вижу, кто еще мог это сделать.

— Вы уверены? Подумайте, миссис Леонидас. Может быть, в семье была ссора или кто-то был им недоволен?

— Я ничего не знаю.

— Вы сказали, что были в кино в тот день?

— Да... Я пришла в половине седьмого. Это было время укола... я сделала ему укол, как всегда, но вдруг он стал каким-то странным. Я ужасно перепугалась, побежала к Роджеру... Я говорила вам об этом раньше. Неужели я должна без конца повторять это? — Ее голос истерически задрожал.

— Простите меня, миссис Леонидас. Могу я поговорить с мистером Брауном?

— С Лоуренсом? Но зачем? Он ничего не знает.

— И все-таки я хотел бы с ним поговорить.

Она подозрительно уставилась на него.

— Он занимается с Юстасом латынью в классной. Вы хотите, чтобы он пришел сюда?

— Нет, мы сами пойдем к нему.

Тавернер быстро вышел из комнаты. Мы с сержантом последовали за ним.

— Вы здорово напугали ее, сэр, — заметил сержант.

Тавернер привел нас в большую комнату с окнами, выходящими в сад. За столом сидели светловолосый молодой человек лет тридцати и красивый шестнадцатилетний мальчик.

Брат Софьи Юстас уставился на меня. Лоуренс Браун смотрел измученными глазами только на инспектора. Я никогда не видел, чтобы человек был настолько пара-

лизован страхом. Он встал, снова сел. Потом сказал: — О, э-э... доброе утро, инспектор. — Голос был пи-склявым.

— Доброе утро. Могу я поговорить с вами?

— Да, конечно, я буду только рад. По крайней мере...

Юстас встал.

— Вы хотите, чтобы я ушел, инспектор?

У него был очень приятный голос, в котором сейчас звучали вызывающие нотки.

— Мы... мы продолжим занятия после, — сказал ему учитель.

Юстас небрежно направился к двери.

— Итак, мистер Браун, — начал Тавернер, — мы получили точные данные. Смерть мистера Леонидаса вызвал эзерин.

— Я... вы предполагаете... мистера Леонидаса отравили? Я надеялся...

— Его отравили, — сказал инспектор резко. — Кто-то заменил инсулин глазными каплями.

— Я не могу верить в это... Это невероятно...

— Вопрос в том, кому это было нужно?

— Никому. Решительно никому!

— Может быть, вы хотите пригласить адвоката? — осведомился Тавернер.

— У меня нет адвоката. И мне он не нужен. Мне нечего сказать, нечего...

— И вы понимаете, что все сказанное вами будет письменно зафиксировано?

— Я не виновен, уверяю вас. Я не виновен.

— А я вас ни в чем и не обвиняю. Миссис Леонидас была намного моложе своего мужа, не правда ли?

— Я... я думаю, что да, я хочу сказать — да.

— Она, наверное, иногда чувствовала себя одинокой?

Браун не ответил. Он облизнул сухие губы.

— Она, должно быть, была рада, что в доме живет человек ее возраста?

— Я... нет... я не знаю.

— Я считаю естественным, что между вами возникла дружба.

Молодой человек горячо запротестовал:

— Ее не было! Ничего подобного! Я знаю, о чем вы думаете, но это не так! Миссис Леонидас всегда была очень добра ко мне, и я питаю к ней глубочайшее уважение, но ничего больше, уверяю вас — ничего больше! Чудовищно предполагать такие вещи! Чудовищно!

Я бы не мог убить кого-нибудь, просто не мог! Я очень чувствительный и нервный! Сама идея убийства кажется мне кошмарной. На призывном пункте это хорошо поняли. Я не могу убивать, из религиозных убеждений. Я работал в госпитале на очень тяжелой работе, я больше не мог, и мне позволили заняться преподаванием. Я очень старался, занимаясь с Юстасом и Жозефиной, умной девочкой, но чрезвычайно трудной. И все были добры ко мне: мистер Леонидас, миссис Леонидас и мисс де Хэвиленд, а теперь случилась эта ужасная вещь... И вы подозреваете меня... меня в убийстве!

Инспектор Тавернер смотрел на него с интересом.

— Я этого не говорил,— заметил он.

— Но вы это думаете! Я знаю, что вы так думаете!

И все так думают! Они смотрят на меня. Я... я не могу продолжать наш разговор. Мне нехорошо.

Он выбежал из комнаты.

— Ну, и что вы думаете о нем? — спросил Тавернер.

— Он до смерти напуган.

— Да, я знаю, но ответьте мне, убийца он или нет?

— Если вы спросите меня,— сказал сержант,— я отвечаю, что ему духу бы не хватило.

— Я согласен, что разможнить голову или выстрелить он бы не смог,— возразил инспектор,— но в данном случае надо было просто подменить пузырек... Просто помочь очень старому человеку переселиться в лучший мир, и сравнительно безболезненно.

— Практически легкая смерть,— согласился сержант.

— А потом, выждав положенное время, жениться на женщине, получившей большое наследство. Ах, все это теории и догадки,— вздохнул Тавернер.— Я напугал его, но это еще ничего не доказывает. Он мог бы испугаться, даже если бы не был виновен. Кроме того, я очень сомневаюсь, что это сделал он. Скорее, это сделала женщина, но почему же она не выбросила пузырек из-под инсулина или хотя бы не сподоснула его? — Он повернулся к сержанту.

— Слуги ничего не рассказывали об их отношениях?

— Горничная сказала, что они влюблены друг в друга.

— На каком основании?

— Он как-то особенно смотрел на нее, когда она налила ему кофе.

— Прекрасная улика для суда! А более определенного они ничего не знают?

— Не замечали.

— Я думаю, слуги бы заметили, если бы было что заметить. Знаете, я начинаю верить, что между ними действительно ничего не было. Пойдите,— попросил он меня,— и поговорите с ней. Я хотел бы узнать ваше мнение о Бренде.

Я неохотно пошел, однако в то же время мне было интересно.

Глава 9

Бренда Леонидас сидела в той же позе.

— Где инспектор Тавернер? Он вернется?

— Пока нет.

— Кто вы?

Наконец мне задали вопрос, который я ожидал все утро.

Я ответил, насколько мог, правдиво.

— Я связан с полицией, но также и друг семьи.

— Семья! Звери! Я ненавижу их всех!

Она взглянула на меня, губы ее дрожали.

— Они всегда отвратительно относились ко мне, с самого первого дня. Почему я не должна была выйти замуж за их драгоценного папашу? Что им за дело? Они все получили кучу денег. Он дал им деньги. У них бы не хватило ума заработать их. Почему вдовец не должен жениться снова, даже если он староват? А он и не был старым. Я очень любила его. Я действительно любила его,— повторила она вызывающе.

— Я понимаю,— вставил я,— я понимаю.

— Вы, наверное, не верите мне, но это правда. Мне до смерти надоели мужчины. Я хотела иметь дом, хотела, чтобы кто-нибудь заботился обо мне и говорил мне ласковые слова. Аристид говорил очаровательные слова, и он умел рассмешить — он был умный. Я совсем не рада, что он умер. Я жалею об этом.

Она откинулась на спинку дивана.

— Я была счастлива здесь, я была спокойна. Ходила по самым модным портнихам и была не хуже других. Аристид делал мне чудесные подарки.

Она вытянула руку и взглянула на кольцо с рубином. На секунду мне показалось, что это не рука, а кошачья лапа, а голос ее звучал как мурлыканье довольной кошки.

— Что же здесь плохого? Я была мила с ним, я сле-

лала его счастливым! Вы не знаете, как мы познакомились? — И, не дожидаясь моего ответа, она продолжала:

— Это было в чайной. Он заказал яичницу и, когда я принесла ему ее, увидел, что я плачу. «Садитесь,— сказал он,— и расскажите мне, в чем дело». — «Я не могу,— сказала я,— если я это сделаю, меня уволят». — «Нет, не уволят,— сказал он,— я здесь хозяин».

Тогда я посмотрела на него. Какой странный человек, подумала я вначале, но в нём была какая-то сила. И я ему все рассказала:

«Вы, наверное, слышали от них, что я была дурного поведения, но это не так — меня хорошо воспитывали. У нас была лавка вышитых художественных изделий. Я всегда была очень скромна. Но с Терри было иначе. Он был ирландец и уезжал в далекие края. Он никогда не писал... я была в положении. Совсем как какая-нибудь дрянная служанка...»

Аристид был удивлен. Он сказал, что все будет хорошо. Еще сказал, что очень одинок и что мы поженемся. Это было как сон.

А потом я узнала, что он великий мистер Леонидас. Он был владельцем множества лавок, ресторанов и ночных клубов. Все было как в волшебной сказке. Нас обвенчали в маленькой церкви в Сити, и мы уехали за границу.

— А ребенок?

— Ребенка не было, я ошиблась. — Она криво улыбнулась. — Я дала себе клятву, что буду ему хорошей женой, и я была ею. Я заказывала блюда, которые он любил, носила его любимые цвета, делала все, что могла. Но мы так и не избавились от его семьи, они все время тянули из него деньги.

Старой мисс де Хэвиленд, я думаю, следовало уехать после его женитьбы. Я сказала ему об этом. Но Аристид ответил: «Она так долго жила здесь, что это ее дом». Правду сказать, ему нравилось, что они все жили с ним и ходили по его указке. Они отвратительно относились ко мне, но он, казалось, этого не замечал или не обращал внимания. Роджер ненавидит меня. Вы видели Роджера? Он всегда ненавидел меня. Он ревновал. А Филипп, с его высокомерием, — он никогда не разговаривал со мной. А теперь они хотят представить дело так, что я убила его... а я не убивала!

Она подалась ко мне:

— Пожалуйста, поверьте мне, я не убивала!

Я нашел, что Бренда очень трогательна.

Презрение семьи, их настойчивые усилия сделать эту женщину убийцей казались мне в этот момент бесцеловечными. Она была одинока, незащищена и очень несчастна.

— Они думают, что если убила не я, значит, Лоуренс.

— А при чем здесь Лоуренс?

— Я его очень жалею. У него слабее здоровье, и он не мог воевать. Но он не трус. Я старалась подбодрить его, поддержать его. Ему приходилось заниматься с этими ужасными детьми. Юстас всегда высмеивает его, а Жозефина... Вы видели Жозефину? Вы знаете, что она собой представляет?

Я сказал, что еще не встречался с Жозефиной.

— Иногда я думаю, что у этого ребенка не все ладно с головой. Она вечно подслушивает, высматривает и какая-то странная... Иногда я ее просто боюсь.

Я не хотел разговаривать о Жозефине — меня интересовал Лоуренс Браун.

— Кто он? — спросил я. — Откуда он взялся?

Я неудачно сформулировал свой вопрос, и она покраснела.

— Он — никто. Как я... Какой у нас шанс против всех?

— Вы не находите, что вы поддаетесь излишней панике?

— Нет, не нахожу. Они хотят доказать, что это сделал Лоуренс или я. Даже тот полицейский держит их сторону. У меня нет никаких шансов.

— Вы не должны нервничать.

— А почему не может быть, что кто-то из них убил его? Или кто-то посторонний. А может быть, слуга? Почему не могло быть так?

— Нет повода для убийства.

— А какой у меня повод? Или у Лоуренса?

Я почувствовал неловкость.

— Они, может быть, думают, что вы и... Лоуренс любите друг друга и хотите пожениться?

Она подскочила.

— Нехорошо так думать! И это неверно! Мы никогда даже словом не обмолвились на эту тему. Я жалела его и старалась облегчить его жизнь. Мы были друзьями — вот и все. Вы верите мне?

Я верил, то есть я верил, что они были просто друзья-

ми, но в то же время понимал, что она любит Брауна, хотя и не отдает себе в этом отчета.

С этой мыслью я и отправился искать Софью.

Только я собрался войти в гостиную, как увидел ее. Она выглядывала из комнаты, которая была расположена дальше по коридору.

— Привет, — сказала Софья. — А я помогаю Нэнни готовить завтрак.

Я хотел присоединиться к ней, но она вышла в коридор и, взяв меня под руку, ввела в гостиную, в которой никого не оказалось.

— Ну, вы видели Бренду? Что вы думаете о ней?

— Честно говоря, мне жаль ее.

Софью мое замечание позабавило.

— Понятно, вы попались.

Я рассердился.

— Дело в том, что я могу понять ее положение, а вы — нет.

— В каком смысле «ее положение»?

— Скажите откровенно, Софья, с тех пор, как она приехала сюда, хоть один человек относился к ней прилично?

— Нет. А почему мы должны были относиться к ней прилично?

— Хотя бы из обычной христианской добродетели.

— Ах, какая высокая мораль, Чарльз! Бренда, видимо, хорошо сыграла свою роль.

— Послушайте, Софья, я не понимаю, что с вами.

— Я говорю то, что думаю. Вы вошли «в положение» Бренды, как вы выразились. А теперь войдите в мое положение. Мне не нравятся молодые женщины, которые выдумывают трогательные истории и выходят замуж за очень богатых стариков, разжалобив их одной из этих историй. У меня есть все основания не любить таких молодых женщин, и я не вижу причин, почему я должна притворяться, что люблю их. И если бы все эти факты были изложены на бумаге, они бы вам тоже не понравились.

— Значит, она все выдумала?

— Вы имеете в виду ребенка? Я не знаю. Думаю, что да.

— И вас возмущает тот факт, что дедушка был обманут?

— О, дедушка не был обманут! — Софья рассмеялась. — Никто никогда не мог обмануть дедушку. Он

хотел Бренду. Он прекрасно знал, что он делает. С его точки зрения, этот брак был очень удачным, как, впрочем, и все, что он делал.

— А приглашение Лоуренса Брауна в качестве воспитателя — тоже? — спросил я с иронией.

— Может быть, и да. Он хотел, чтобы Бренда была счастлива и не скучала. Возможно, он думал, что одних драгоценностей и платьев будет недостаточно, что ей захочется любви. Он мог рассчитывать, что человек типа Брауна вполне для этого подойдет. Прекрасная душевная близость, немного печальная, помешает Бренде завести настоящий роман на стороне. Я бы не удивилась, узнав, что дедушка разработал весь этот план. Он был настоящим дьяволом.

— Вероятно.

— Он, конечно, не мог себе представить, что это приведет к его убийству... И именно поэтому я не верю, что Бренда могла это сделать. Если бы она задумала убить его, дедушка не мог не знать ее замыслов. Хотя это кажется невероятным...

— Да.

— Но вы не знали дедушку. Он не допустил бы этого! Я, кажется, зашла в тупик.

— Она напугана, Софья! Она ужасно напугана. Только что я убедился в этом.

— Инспектор Таверниер и его brave ребята? Да, есть от чего испугаться. Лоуренс, наверное, в истерике?

— Практически — да. Он держал себя отвратительно. Не понимаю, что женщина может в нем найти?

— Не понимаете, Чарльз? А ведь Лоуренс очень сексапильный.

— Такой слабак? — спросил я недоверчиво.

— Почему все мужчины считают, что только пещерный человек может привлекать внимание противоположного пола? В Лоуренсе есть секс, поверьте мне, но я и не ждала, что вы это заметите. А Бренда здорово вас зацепила.

— Не говорите глупостей. Она даже не очень красива. И она, конечно...

— Не очень соблазнительна? Нет, она просто вызвала у вас жалость. Она не очень красива, не умна, но у нее есть одно выдающееся качество. Она — нарушитель спокойствия. Она уже нас поссорила.

— Софья! — вскричал я в ужасе.

Софья направилась к двери.

— Забудьте об этом, Чарльз. Я должна приготовить завтрак.

— Я помогу вам.

— Нет, вы останетесь здесь. Нэнни будет смущаться, если на кухне появится джентльмен.

— Софья!

— В чем дело?

— Почему у вас нет слуг?

— У дедушки были повар, служанка, горничная и камердинер. Он любил, чтобы в доме были слуги. Он платил им по-царски, и они подолгу жили у него. У Клеменс приходящая прислуга, которая делает уборку. Им не нравится, когда в доме слуги, я хочу сказать, Клеменс не нравится. Если бы Роджер не обедал каждый день в Сити, он бы умер с голоду. Клеменс считает, что сырая морковь, редис и помидоры — вполне достаточная пища. У нас иногда нанимают слуг, но мама выкидывает очередной номер, и они уходят. Потом некоторое время мы пробавляемся приходящей прислужкой, а потом начинается все сначала. Сейчас у нас «приходящий» период. Только Нэнни не бросает нас в беде. Теперь вы все знаете.

Софья вышла из гостиной. Я опустил в большое кресло и начал размышлять.

Наверху я был на стороне Бренды. Здесь я услышал точку зрения Софьи. Я понимал справедливость ее слов, а также отношение всей семьи Леонидас к Бренде. Они возмущены, что в их семью затесался человек с помощью негодных средств. И имеют на это право. Но чисто по-человечески не мог с ними согласиться. Они всегда были богаты и хорошо устроены — им не понять соблазнов бедняков. Бренда Леонидас хотела иметь деньги, красивые вещи и дом. И считает, что в обмен на это она сделала своего старого мужа счастливым. Она была мне симпатична. Конечно, пока я разговаривал с ней... А теперь? Кто же из них прав? Я плохо спал предыдущей ночью. Рано встал. В гостиной было тепло, пахло цветами, я уселся поудобнее, закрыл глаза... И заснул...

Глава 10

Проснувшись, я не сразу пришел в себя. Передо мной плавал какой-то белый шар. Постепенно я понял, что это лицо человека. Я увидел вынуклый лоб, черные малюсенькие глазки, худенькое тельце.

— Привет! — сказал я.

— Я Жозефина.

Сестре Софьи Жозефине было лет одиннадцать-двенадцать. Это был фантастически уродливый ребенок, очень похожий на дедушку. Возможно, подумал я, она унаследовала и его ум.

— Вы Софьи молодой человек, — сказала она.

Я подтвердил справедливость этого замечания.

— Но сюда вы приехали с инспектором Тавернером. Почему вы приехали с инспектором?

— Он мой друг.

— Вот как! Он мне не нравится. Я ему ничего не скажу.

— А что ты можешь ему сказать?

— То, что я знаю. Я знаю многое, я люблю все знать.

Она уселась на ручку кресла и внимательно рассматривала меня.

— Дедушку убили. Вы знали об этом?

— Да, знал.

— Его отравили. Э-зе-ри-ном. Интересно, правда?

— Думаю, что да.

— Мы с Юстасом очень заинтересовались. Мы любим детективные истории. Я всегда хотела быть сыщиком. Я и теперь этим занимаюсь — собираю улики.

«Какой кровожадный ребенок!» — подумал я.

— Человек, который приехал с инспектором, тоже сыщик? В книге говорится, что переодетых сыщиков всегда можно узнать по их сапогам. А этот сыщик в замшевых ботинках.

— Все меняется, — заметил я.

Жозефина приняла это замечание по-своему.

— Да, я думаю, теперь у нас все изменится. Мы поедem в Лондон и будем жить в доме на набережной. Мама давно хотела уехать — она будет очень рада, а папе, наверное, все равно, лишь бы его книги были с ним. Раньше у него не было денег, чтобы жить в Лондоне. Он потерял кучу денег из-за «Иезавели».

— Иезавели?

— Да, вы не видели?

— Ах, это пьеса? Нет, не видел. Я был за границей.

— Она шла очень недолго. С треском провалилась. По-моему, мама и не может играть Иезавель — не тот тип. Дедушка всегда говорил, что пьеса провалится и что он не стал бы вкладывать деньги в историко-религиозную пьесу, но мама прямо с ума сходила. Мне эта

пьеса не очень понравилась. Она ни капельки не похожа на историю в Библии. Иезавель в пьесе совсем не такая злая, а наоборот, даже очень милая. Получилось скучно. Правда, конец хороший. Ее выбрасывают из окна. Только жаль, что не было собак, которые съедают ее. Мне нравится эта часть — про собак. Мама сказала, что нельзя показывать на сцене собак, но я не понимаю почему. Можно иметь собак-артистов. — Она с выражением процитировала: «И они съели ее всю целиком, кроме ладоней...» А почему они не съели ладони?

— Понятия не имею.

— Трудно представить себе, что собаки так разборчивы. Наши собаки не такие. Они едят абсолютно все.

Жозефина задумалась над этой библейской загадкой.

— Жаль, что пьеса провалилась, — сказал я.

— Да, мама очень расстроилась. Рецензии были ужасные. Когда она прочла их, то разрыдалась и плакала целый день. И швырнула поднос в Глэдис, а Глэдис попросила расчет. Вот была потеха!

— Я заметил, что ты любишь драку, Жозефина.

— А дедушку вскрывали. Чтобы узнать, от чего он умер.

— А тебе жаль, что дедушка умер?

— Не очень. Я его не особенно любила. Он не позволил мне учиться на балерину.

— Ты хотела учиться танцевать?

— Да, и мама была согласна, и папа не возражал, а дедушка сказал, что из меня ничего не выйдет.

Она соскользнула с ручки кресла, сбросила туфли и попыталась встать на кончики пальцев.

— Конечно, нужны специальные туфли, — объяснила она, — но даже и в них на пальцах образуются нарывы.

Жозефина надела свои туфли и спросила, как бы между прочим:

— Вам нравится этот дом?

— Я еще не знаю этого.

— Теперь его, наверное, продадут. Если Бренда не останется здесь. А дядя Роджер и тетя Клеменс теперь не уедут.

— А они собираются уезжать?

— Да, они должны уехать во вторник, куда-то за границу. Хотели лететь самолетом. Тетя Клеменс купила даже новый сундук.

— А я не слышал, что они собираются за границу.

— Никто об этом не знал. Это секрет. Они хотели уехать тайком и оставить письмо для бабушки. Они бы приколотили его к подушечке для булавок. Это только в старомодных книжках так поступают жены, покидая мужей. А теперь ни у кого и нет таких подушечек. Так что все это ерунда.

— Конечно, Жозефина. А ты знаешь, почему твой дядя Роджер хотел уехать?

Она бросила на меня хитрый взгляд.

— Знаю. Это связано с дядиной конторой в Лондоне. Мне даже кажется, что он растратил чужие деньги.

— А почему ты так думаешь?

Жозефина вплотную приблизилась ко мне.

— В тот день, когда отравили бабушку, дядя Роджер очень долго пробыл с ним наедине. Они все говорили, говорили... И дядя Роджер сказал, что он никогда ничего не стоил, что он подвел бабушку, что не так расстроен из-за денег, как из-за того, что не оправдал его доверия.

— Жозефина, неужели тебе никогда не говорили, что подслушивать некрасиво?

Она утвердительно закивала.

— Конечно говорили, но, если вы хотите что-нибудь узнать, вы просто вынуждены это делать. Спорю, инспектор Тавернер тоже так поступает. Ну, если не он, то тот, другой, в замшевых ботинках, определенно так делает. И они вечно роются в чужих столах, читают чужие письма и узнают все тайны. Только они глупые! Они не знают, где искать! Мы с Юстасом знаем много, но я больше, чем он. Я ему не скажу. Он говорит, что женщины не могут быть великими сыщиками, а я говорю, что могут. Я собираюсь записать все в книжку. А когда полиция зайдет в тупик, приду и скажу: «Я могу вам открыть, кто это сделал!»

— Жозефина, ты, наверное, читаешь много детективных романов?

— Очень много.

— Я думаю, ты уже знаешь, кто убил бабушку?

— Кажется, знаю, но мне нужно раздобыть еще кое-какие доказательства. Инспектор Тавернер думает, что это сделала Бренда? Или Бренда и Лоуренс вместе? Потому что они влюблены друг в друга.

— Ты не должна так говорить.

— Почему? Они влюблены друг в друга.

— Ты не можешь судить об этом.

— А вот и могу. Они пишут друг другу любовные письма.

— Жозефина! Откуда ты знаешь?

— Потому что я их читала. Ужасно слащавые письма. А Лоуренс — трус. Он даже не воевал. А когда прилетели бомбардировщики, он сделался зеленым. Мы с Юстасом так смеялись!

Я не знаю, что бы я ответил, но, к счастью, в этот момент к дому подъехала машина.

Жозефина кинулась к окну.

— Кто приехал? — спросил я.

— Мистер Гейтсхилл, дедушкин поверенный. Я думаю, он приехал с завещанием.

Страшно возбужденная, она выбежала из комнаты. Я остался один, так и не узнав ничего нового.

Вошла Магда Леонидас и, к моему удивлению, подошла ко мне и взяла мои руки в свои.

— Дорогой мой, благодарение Богу, вы еще здесь. Так нужен мужчина.

Она отпустила мои руки, подошла к креслу, взяла со стола изящную коробочку и задумчиво начала ее разглядывать.

Софья, заглянув, сказала шепотом:

— Гейтсхилл.

— Я знаю, — ответила Магда.

Вскоре Софья снова появилась в сопровождении маленького пожилого господина, и Магда пошла ему навстречу.

— Доброе утро, миссис Филипп. Я иду наверх. Какое-то недоразумение с завещанием. Ваш муж считает, что завещание хранится у меня. Я же знаю, что оно хранилось у мистера Леонидаса. Вы ничего об этом не знаете?

— О завещании бедного душечки? — Магда сделала удивленные глаза. — Нет, конечно нет. Только не говорите, что она, эта противная женщина наверху, уничтожила его!

— Послушайте, миссис Филипп, что за нелепые предположения! Весь вопрос в том, где ваш свекор хранил его.

— Но он отослал завещание вам! Он сам сказал нам об этом!

— Полиция, насколько я знаю, уже просмотрела бумаги покойного. Я переговорю с инспектором, — Он вышел.

— Дорогая, — обратилась Магда к Софье, — она уничтожила его. Я знаю, что права.

— Глупости, мама. Она никогда не сделала бы такой глупости.

— Это не такая уж нелепость. Если не будет завещания, все перейдет к ней.

— Ш-ш-ш, Гейтсхилл возвращается.

Вошел Гейтсхилл, за ним — Тавернер и Филипп.

— Видимо, мистер Леонидас поместил свое завещание в банк, — сказал поверенный.

Тавернер покачал головой.

— Мы связались с банком. У них нет частных бумаг, принадлежащих мистеру Леонидасу.

— Может быть, Роджер или тетя Эдит... Софья, будь добра, попроси их прийти сюда.

Но Роджер ничем не мог помочь.

— Это нелепость, совершеннейшая нелепость, — горячился он. — Отец написал завещание и недвусмысленно заявил, что на следующий день отправит его мистеру Гейтсхиллу.

— Если память мне не изменяет, — проговорил мистер Гейтсхилл, откидываясь в кресле, — 24 ноября прошлого года я направил ему проект завещания согласно его желанию. Он одобрил проект, вернул его мне и вскоре я послал ему завещание на подпись. Прошла неделя. Я позволил себе напомнить ему, что еще не получил подписанного завещания. Он ответил, что завещание подписал и отослал его в банк.

— Совершенно верно, — подтвердил Роджер. — Это было в конце ноября прошлого года. Помнишь, Филипп, папа пригласил нас и прочел завещание.

— Вы помните этот день, мистер Леонидас? — обратился к Филиппу Тавернер.

— Да.

— Это было так интересно, — вставила Магда.

— Мисс Софья?

— Да, я хорошо все помню.

— А что было в завещании? — спросил инспектор.

Только мистер Гейтсхилл собрался ответить, как Роджер его опередил:

— Это было совсем простое завещание. Электра и Джойс умерли, и их доля вернулась к отцу. Сын Джойса Вильям погиб в Бирме, и его деньги тоже отошли к отцу. Филипп и я, дети — вот все его родственники. Отец завещал тете Эдит пятьдесят тысяч фунтов. Этот дом и сто

тысяч фунтов — Бренде. Остальные деньги следовало поделить на три части: одна — мне, одна — Филиппу, а третья — детям Филиппа. Папа прочел нам завещание и спросил, нет ли у нас замечаний. Замечаний, конечно, не было.

— Бренда высказалась, — возразила мисс де Хэвилленд.

— Да, — подхватила Магда. — Она сказала, что не может слышать, как ее возлюбленный Аристид говорит о смерти. И что, когда он умрет, она не притронется к этим деньгам!

— Это, — заметила тетя Эдит, — очень типично для людей ее класса.

Только после этого язвительного замечания я понял, насколько мисс де Хэвилленд ненавидит Бренду.

— Мистер Леонидас прекрасно распорядился своим состоянием, — сказал мистер Гейтсхилл.

— А что было потом? — спросил инспектор.

— Потом отец подписал завещание, — ответил Роджер.

— Как и когда это произошло?

Роджер умоляюще посмотрел на свою жену. Клеменс заговорила:

— Вы хотите знать, что было дальше?

— Пожалуйста, миссис Роджер.

— Мой свекор положил завещание на свой стол и попросил, чтобы кто-нибудь позвонил и пригласил слугу. Роджер так и сделал. Когда Джонсон вошел, отец попросил, чтобы он позвал и горничную, Дженет Бульмер. Когда они оба пришли, он подписал завещание и попросил их поставить свои подписи.

— Все верно, — заметил мистер Гейтсхилл. — Завещание должно быть подписано завещателем в присутствии двух свидетелей, которые тоже подписываются одновременно с ним.

— А дальше?

— Свекор поблагодарил их, и они ушли. Свекор взял завещание, вложил его в большой конверт и сказал, что на следующий день отошлет его мистеру Гейтсхиллу, — закончила Клеменс.

— Вы все подтверждаете, что именно так все и было?

Все присутствующие согласно кивали.

— Вы сказали, что завещание лежало на столе. Кто-нибудь сидел близко от стола?

— Нет.

— Когда мистер Леонидас читал завещание, он сидел за столом?

— Да.

— Он отходил от стола перед тем, как подписать завещание?

— Нет.

— Могли ли слуги прочесть документ, когда подписывали его?

— Нет, — ответила Клеменс, — свекор накрыл его листом бумаги.

— И хорошо сделал, — заметил Филипп, — содержание завещания — не их дело.

— Понятно, — сказал Тавернер. И вдруг добавил: — Нет, не понятно. — Быстрым движением руки он вынул из кармана большой конверт и передал его поверенному. — Взгляните и скажите мне, что это такое?

Мистер Гейтсхилл удивленно вертел в руках лист бумаги.

— Это сюрприз, — озадаченно сказал он. — Я ничего не понимаю, где вы это взяли?

— В сейфе, среди бумаг мистера Леонидаса.

— В чем дело? — вмешался Роджер.

— Это завещание, которое я послал вашему отцу для подписи, Роджер, но после всего, что вы рассказали, я не могу понять, в чем дело, — оно НЕ подписано.

— Что? Ну, это, наверное, проект.

— Нет. Мистер Леонидас вернул мне проект, затем я составил завещание и именно его отослал вашему отцу. Вы только что сообщили, что он подписал завещание в присутствии вас всех и что два свидетеля заверили его подпись, однако оно не подписано.

— Но это невозможно! — воскликнул Филипп с неожиданной жаром.

— У вашего отца было хорошее зрение? — спросил Тавернер.

— У него была глаукома, и для чтения он пользовался очками с очень сильными стеклами.

— В тот вечер он был в очках?

— Конечно. Он снял очки только после подписания завещания.

— И вы уверены, что никто не подходил к столу перед тем, как он его подписал?

— Никто, — сказала Софья. — Дедушка все время сидел на своем месте.

— Стол стоял там же, где теперь?

— Да.

— Видимо, подменили бумагу. Мистер Леонидас был уверен, что подписал документ, который только что прочел.

— А не могли стереть подписи? — спросил Роджер.

— Нет, мистер Леонидас, в этом случае остались бы следы. Остается только единственно возможная версия: это не тот документ, который подписал мистер Леонидас.

В комнате воцарилось молчание.

— Я могу поклясться, что послал мистеру Леонидасу именно этот документ, — возразил Гейтсхилл. — В верхнем левом углу было пятно, по форме напоминающее самолет, я хорошо его запомнил. — Все переглянулись. — Очень любопытно, — продолжал адвокат. — В моей практике такого еще не было.

— Просто невероятно, — согласился Роджер. — Мы же все были там. Этого просто не могло быть.

Мисс де Хэвиленд сухо кашлянула.

— Ну что толку говорить — этого не могло быть, но случилось же! Каково положение дел сейчас — вот что я хотела бы знать.

Гейтсхилл сразу насторожился.

— В этом надо будет очень тщательно разобраться. Этот документ, конечно, отменяет все прежние варианты. Имеется множество свидетелей, видевших, как мистер Леонидас подписывал документ, который он считал своим завещанием. Гм... очень интересно. Прямо юридический казус.

Тавернер взглянул на часы.

— Время завтракать. Не буду вас задерживать.

— Может быть, вы позавтракаете с нами, инспектор? — спросил Филипп.

— Благодарю вас, мистер Леонидас, но я сейчас должен встретиться с доктором Греем.

— Вы останетесь, Гейтсхилл?

— С удовольствием, Филипп.

Все встали. Я незаметно протиснулся к Софье.

— Я ухожу или остаюсь?

— «Ухожу», я думаю, — пошутила она.

Я хотел разыскать Тавернера и по пути встретил Жозефину.

— Полицейские — дураки, — объявила она.

Из гостиной вышла Софья.

— Что ты делала, Жозефина?

— Помогала Нэнни.

— А мне кажется, ты подслушивала.

Жозефина состроила рожу и убежала.

— Этот ребенок, — заметила Софья, — тоже проблема.

Глава 11

Я поехал в Скотланд-Ярд и застал Тавернера в кабинете отца. Он как раз заканчивал свой рассказ обо всем, что успел узнать.

— Ну и вот, — заключил он, — я вывернул их наизнанку, и что я имею — ничего! Нет мотива для убийства. И единственное, в чем мы можем обвинить жену и ее молодого человека, — это в том, что он смотрел на нее блестящими глазами, когда она наливала ему кофе.

— Послушайте, Тавернер, у меня кое-что есть, — вмешался я.

— Да? Ну, мистер Чарльз, что же вы узнали?

Я уселся и закурил сигарету.

— Роджер Леонидас с женой собирались удрать за границу в следующий вторник. У Роджера было бурное объяснение с отцом в день смерти старика. Старый Леонидас узнал что-то неладное, и Роджер признал свою вину.

Тавернер побагровел.

— Откуда, черт побери, вы все это узнали? Если от слуг...

— Нет, не от слуг. От частного агента.

— Что это значит?

— И я должен сказать в соответствии с канонами хорошего детективного романа, что он, или, скорее, она, или, лучше сказать, оно разбило полицию наголову. И думаю, мой частный агент знает гораздо больше.

Тавернер открыл рот и снова закрыл. Он хотел задать мне множество вопросов сразу, но не знал, с чего начать.

— Роджер! — воскликнул он. — Итак, он виновник?

Я с большой неохотой говорил о Роджере. Он мне нравился. Я вспомнил его уютную, располагающую к себе комнату, его обаяние. Мне чертовски не хотелось направлять ищеек по его следу. Возможно, конечно, что информация Жозефины окажется недостоверной, но я сомневался в этом.

— Так это ребяенок вам все рассказал? — спросил Тавернер. — Она вроде знает все, что происходит в доме.

— Дети обычно знают все, — заметил отец сухо.

Информация Жозефины меняла всю ситуацию. Если Роджер залез в кассу компании и старик об этом узнал, его надо было заставить замолчать любой ценой и как можно скорее покинуть Англию. Возможно, Роджеру грозило судебное разбирательство. Решили прежде всего проверить дела компании.

— Будет страшный шум, если это подтвердится,— заметил отец.— Этот концерт ворочает миллионами.

— Если это действительно так, нам больше ничего не надо,— сказал Тавернер.

— Старик вызывает Роджера, тот не выдерживает и во всем сознается. Бренда в кино. Роджеру надо только выйти из комнаты, пройти в ванную, вылить инсулин и налить в ту же бутылочку концентрированный раствор эзерина. Если не он, его жена могла это проделать. Она была на половине старика в тот день, искала трубку, как она сказала, но могла и подменить лекарство. Она вполне способна на это.

Я кивнул.

— Да, я легко могу себе представить ее в этой роли. У нее хватит хладнокровия на что угодно. Роджер не подумался бы до такого способа. Это, скорее, похоже на женщину.

— Большинство отравителей — мужчины,— возразил отец.

— О, я это знаю,— сказал Тавернер.— Все равно, на Роджера это не похоже.

— Ну, допустим, они делали это вместе.

— Как леди Макбет,— продолжал отец, когда Тавернер ушел.— Что ты об этом думаешь, Чарльз?

Я представил себе тоненькую, изящную фигуру, стоящую у окна своей строгой комнаты.

— Видишь ли, леди Макбет была очень жадной. Я не думаю, чтобы Клеменс жаждала денег.

— Но она могла пойти на убийство, чтобы спасти мужа.

— Это — да. И она, конечно, может быть безжалостной.

«Разного рода безжалостность...» — это были слова Софьи.

Я поднял глаза и увидел, что Старик наблюдает за мной.

— О чем ты думаешь, Чарльз?

Я не сказал ему.

На следующий день меня вызвали к отцу. Тавернер был явно доволен собой и возбужден.

— Компания на мели,— сообщил отец.— Крах может произойти в любую минуту.

— Вчера акции резко упали,— возразил я,— но сегодня утром положение как будто бы стабилизировалось. Откуда у вас эти сведения?

— Нам пришлось действовать очень осторожно,— сказал Тавернер.— Никаких прямых расспросов, ничего, что могло бы вызвать панику. У нас есть свои источники информации, и довольно надежные. Компания вот-вот обанкротится. Все дело в том, что уже много лет в руководстве творится что-то неладное.

— И кто отвечает за это? Роджер?

— Да.

— Он взял деньги компании?

— Нет,— ответил Тавернер.— Мы так не думаем. Он может быть убийцей, но он не мошенник. Откровенно говоря, он вел себя чрезвычайно глупо. Такое впечатление, что он просто не разбирается в делах. Он все время делал не то, что нужно, доверял, кому не следовало бы, заключал сделки не вовремя, медлил, когда нужно было действовать.

— Да, есть такие люди,— сказал отец,— и это не значит, что они глупы. Они плохо разбираются в других и не знают, куда направить свою энергию.

— Такие люди не должны заниматься большим бизнесом,— заметил Тавернер.— Он бы и не занимался, если бы не был сыном Аристида Леонидаса. Предприятие при старике процветало. Это была золотая россыпь. Роджеру надо было сидеть в сторонке и смотреть, как все делается само собой. Но само собой ничего не делается. Кого-то надо уволить, кого-то назначить. Примечательно, что Роджер всегда принимал неправильные решения. Иногда ему в голову приходили нелепые мысли, и он настаивал на их реализации, несмотря на громадные расходы.

— Но ничего криминального? — настаивал отец.

— Нет.

— Тогда зачем убийство? — спросил я.

— Он мог быть просто дураком, но не мошенником, однако результат от этого не меняется. Единственное, что могло спасти компанию,— это баснословная сумма, которую надо было внести не позднее среды.

— Эту сумму он надеялся получить по завещанию отца?

— Именно.

— Но он не смог бы получить ее наличными.

— Нет, но получил бы кредит, а это одно и то же. Отец кивнул.

— А не проще ли было попросить старого Леонидаса о помощи?

— Я думаю, он просил. Видимо, этот разговор и подслушала Жозефина. Надо полагать, старик отказался наотрез.

Видимо, Тавернер был прав. Да, это был достаточный повод для убийства.

Отец взглянул на часы.

— Я пригласил его сюда,— сказал он.

— Роджера?

— Да.

— «Не пройти ли мне в свою каморку»,— сказал паук мухе,— пробормотал я.

Тавернер взглянул на меня с возмущением.

— Мы предупредим его.

Через несколько минут в комнату вошел Роджер. Он вошел быстро, но как-то неуклюже, споткнулся о стул. И опять напомнил мне большого, доброго пса. Он не подменял лекарство — я был уверен в этом. Он бы обязательно разбил пузырек, пролил бы что-нибудь и вообще все перепутал.

— Вы хотели видеть меня? Что-нибудь выяснилось? Здравствуйте, Чарльз, я вас не заметил. Очень мило, что вы пришли. Но, пожалуйста, скажите же мне, сэр Артур...

Какой милый парень! Но множество убийц были хорошими ребятами, как впоследствии говорили о них их удивленные друзья. Чувствуя себя Иудой, я улыбнулся ему.

Отец был сдержан и сугубо официален.

Были произнесены привычные формулы: «...заявление... добровольно... адвокат... стенограмма...»

Роджер нетерпеливо слушал. Я увидел едва заметную ироническую усмешку Тавернера и понял ее так: «Они всегда уверены в себе, эти парни. И не делают ошибок. Они достаточно умны для этого».

— Я пригласил вас сюда, мистер Леонидас,— продолжал отец,— не для того, чтобы сообщить вам важные сведения, а для того, чтобы услышать от вас то, что вы утаили.

Роджер чрезвычайно удивился.

— Утаил?! Но я рассказал вам абсолютно все.

— Я имею основания думать, что это не так. Вы имели беседу с отцом в день его смерти?

— Да, да. Я пил с ним чай. Я ведь говорил вам об этом.

— Но вы не сказали, что у вас был серьезный разговор.

— Мы просто беседовали.

— О чем?

— О доме, о Софье, о всяких мелочах.

— А о делах компании?

Я очень надеялся, что Жозефина придумала всю эту историю, но мои надежды не оправдались.

Лицо Роджера исказилось — оно выражало отчаяние, а бы сказал.

— Боже мой! — Он закрыл лицо руками.

Тавернер улыбнулся, как сытый, довольный кот.

— Теперь, мистер Леонидас, вы признаете, что не были откровенны с нами?

— Как вы узнали? Я думал, что никто об этом не знает.

— У нас есть свои возможности...

Наступила многозначительная пауза.

— Я надеюсь, вы понимаете, что в ваших интересах рассказать нам всю правду.

— Да, конечно, я все скажу. Что вы хотите знать?

— Верно ли, что компания накануне краха?

— Да. Ах, если бы только отец умер, ничего не узнав! Мне так стыдно!

— Компании предстоит судебное преследование?

Роджер подскочил.

— Нет, это банкротство, но кредиторам заплатят по двадцать шиллингов за фунт — я вложу свои личные деньги. Я чувствую себя опозоренным только потому, что не оправдал надежд моего отца. Он доверял мне. Он передал мне свое самое большое и самое любимое предприятие, никогда не вмешивался, целиком полагаясь на меня. А я подвел его.

— Вы сказали, что судебного преследования не будет. Почему же вы с женой собирались тайно уехать за границу?

— Это вы тоже знаете?

— Да, мистер Леонидас.

— Ну как вы не понимаете?! Я не мог сказать ему правду. Он мог подумать, что я прошу деньги. Он очень любил меня и захотел бы помочь, но я не мог больше

стоять во главе этого предприятия — я опять запутался бы, я просто для этого не гожусь. У меня нет его способностей, и я всегда это знал. Я очень старался, но ничего не вышло. Бог мой! Вы не знаете, как я страдал. Я перепробовал все, чтобы выпутаться, надеялся, что он ничего не узнает. А потом крах оказался неизбежным. Клеменс, моя жена, она поняла и согласилась со мной. Мы придумали этот план. Уехать, никому ничего не сказав. Решили, что я оставляю отцу письмо, в котором открою всю правду и попрошу простить меня. Он всегда был очень добр ко мне, но на этот раз не смог бы помочь мне. Я хотел начать все сначала. Жить просто и скромно. Выращивать фрукты, например. Иметь только самое необходимое. Конечно, для Клеменс это тяжело, но она была согласна. Это удивительная женщина...

— Понятно,— сухо заметил отец,— и что же заставило вас передумать?

— Передумать?

— Что заставило вас пойти к отцу и попросить финансовую помощь?

Роджер уставился на него.

— Но я не делал этого...

— Послушайте, мистер Леонидас...

— Вы неправильно меня поняли. Я не ходил к нему. Он сам послал за мной. Услышал в Сити какие-то слухи и потребовал объяснений. Тут я не выдержал и все ему рассказал. Я сказал, что меня не столько беспокоят деньги, сколько тот факт, что я не оправдал его доверия.— Роджер судорожно проглотил слезы.— Вы не можете представить себе, как он был добр ко мне. Никаких упреков. Я сказал ему, что мне нужна помощь, что я хотел бы уехать, но он не стал меня и слушать. Отец твердо решил помочь мне и на этот раз.

— Вы хотите, чтобы мы поверили, будто ваш отец хотел помочь вам деньгами? — спросил Тавернер резко.

— Конечно. Он сразу же написал своим маклерам.

Очевидно, по выражению лиц Роджер понял, что ему не верят. Он покраснел.

— Письмо при мне. Я должен был отправить его, но, когда это случилось, совсем забыл об этом.

Он вытащил бумажник и достал смятый конверт.

— Если вы мне не верите, прочтите сами.

Отец надорвал конверт. В письме, адресованном господам Креато и Ханберну, давались указания о реализации определенных вкладов и приглашался агент, ко-

торый должен был заняться делами компании. Очевидно, Аристид Леонидас твердо решил поставить компанию на ноги.

— Мы дадим вам расписку на это письмо, мистер Леонидас,— сказал Тавернер.

Роджер взял расписку и встал.

— Теперь вам понятно, как все произошло?

— Мистер Леонидас дал вам это письмо, и вы ушли? Что вы делали потом?

— Я кинулся к себе. Жена только что вернулась. Я рассказал ей об отце, какой он замечательный! Я был так взволнован, что даже не сознавал, что делаю.

— Ваш отец почувствовал себя плохо через какое-то время?

— Кажется, через полчаса или, может быть, через час. К нам вбежала Бренда. Она была страшно испугана. Я побежал к отцу. Но я вам все это уже рассказывал.

— Во время первого визита к отцу вы заходили в ванную комнату?

— Не думаю. Нет-нет, я уверен, что не заходил. Вы думаете, что я...

Отец прервал этот взрыв негодования. Он встал и протянул ему руку.

— Благодарю вас, мистер Леонидас. Вы нам очень помогли. Но вам следовало бы рассказать нам это раньше.

Дверь за Роджером закрылась. Я подошел к столу, чтобы взглянуть на письмо.

— Это может быть и подлогом,— сказал Тавернер с надеждой в голосе.

— Может быть,— согласился отец,— но я этого не думаю. Нам придется поверить в то, что старый Леонидас хотел вызволить сына. Живой, он мог сделать это гораздо лучше, чем Роджер после его смерти, особенно если учесть, что завещания не оказалось и вопрос о сумме, получаемой Роджером по наследству, остается открытым. При теперешнем положении дел крах неизбежен. Нет, Тавернер, Роджер и его жена не были заинтересованы в смерти старика. Напротив...— Он остановился и задумчиво повторил: — Напротив...— Чувствовалось, что ему пришла в голову какая-то неожиданная мысль.

— О чем вы думаете, сэр? — спросил Тавернер.

— Если бы Аристид прожил еще двадцать четыре

часа, у Роджера было бы все в порядке. Но он не прожил этих суток. Он умер через час при весьма странных обстоятельствах.

— Гм,— сказал Тавернер.— Вы считаете, кто-то в доме был заинтересован в разорении Роджера? Не похоже.

— Кто получает по завещанию деньги старого Леонидаса?

— Вы же знаете этих юристов. Я никак не могу получить прямого ответа. Существует прежнее завещание, составленное после его женитьбы на Бренде. Ей завещается та же сумма, немного меньше — мисс де Хэвиленд, а остальное делится между Филиппом и Роджером. Я считал, что, поскольку новое завещание оказалось неподписанным, будет действительным составленное ранее. Ничего подобного! Сам факт составления нового завещания, свидетели — все это аннулирует прежнее завещание. Если же оба они будут признаны недействительными, вдова, очевидно, получит очень большую сумму.

— Значит, если завещание не найдется, выиграет от этого Бренда?

— Да, я уверен, что в этой темной игре Бренда замешана. Но, убей Бог, не понимаю, как они это проделали.

Я тоже не понимал. Мы были удивительно, неправдоподобно глупы, но это потому, что выбрали изначально неверную точку зрения.

Глава 12

После ухода Тавернера мы некоторое время молчали.

— Папа, на что похожи убийцы?

Старик задумчиво посмотрел на меня. Мы настолько хорошо понимали друг друга, что он сразу уловил, что я хотел спросить.

— Да, сейчас это очень важно для тебя... Убийство вошло в твою жизнь, и ты не можешь отнестись к этому как посторонний наблюдатель.

Я всегда по-дилетантски интересовался делами Скотланд-Ярда, но расследование убийства Аристиды Леонидаса стало самым важным в моей жизни, и Софья поняла это гораздо раньше меня.

Отец продолжал:

— Какие бывают убийцы? Я встречал среди них очень симпатичных.

Я был удивлен.

— О да! Обычные, милые люди, как ты и я, как Роджер. Понимаешь, убийство — это зачастую не профессиональное преступление. Я не говорю о гангстерах. Иногда я чувствую, что человек не собирался убивать, но его вынудили обстоятельства. Может быть, он чего-то страстно добивался, то ли денег, то ли женщины — и вот убил... Тормоз не работал.

Ребенок обычно, когда чего-то хочет, действует инстинктивно. И в этот момент не испытывает угрызений совести. Он рассердится, например, на котенка и говорит: «Я убью тебя!» И ударяет котенка молотком по голове, а потом сам чуть не умирает с горя. Многие дети пытаются утопить крошечного брата или сестренку только потому, что им мешают играть или отвлекают на себя внимание взрослых. Дети рано начинают понимать слово «нельзя» — они знают, что, если не послушаются, их ждет наказание. Позже они уже чувствуют, что можно и чего нельзя делать.

Думаю, что некоторые, повзрослев, так и остаются в этом отношении инфантильными, морально не созревшими. Разумом они понимают, что убивать нельзя, но не ощущают этого всем своим существом. В своей практике я не встречал, однако, убийцу, не испытывавшего угрызений совести. Это, вероятно, и есть Каинова печать. Они знают, что убивать нельзя, но всегда находят для себя оправдания: для них это был единственный выход, жертва сама запросилась и тому подобное...

— Как ты думаешь, если кто-нибудь ненавидел старого Леонидаса — это достаточный повод для убийства?

— Только ненависть? Думаю, это весьма сомнительно. Когда ты говоришь «ненависть», ты имеешь в виду нелюбовь, доведенную до предела. Ненависть на почве ревности возникает из любви и крушения надежд. Все утверждали, что Констанция Кент очень любила своего брата, которого она убила. Но ей нужны были внимание, любовь, она ревновала. Я думаю, люди чаще убивают тех, кого они любят, чем тех, кого ненавидят. Может быть, потому, что только люди, которых мы любим, могут сделать нашу жизнь невыносимой. Но это все не то, что тебе нужно. Насколько я понимаю, тебе нужен какой-то универсальный признак, по которому ты мог бы отличить убийцу в нормальной и милой семье.

— Да.

— Существует ли такой общий знаменатель? Знаешь, если и существует, то я склонен думать, что это тщеславие.

— Тщеславие?

— Да, я никогда не встречал убийцу, который не был бы тщеславным. И именно тщеславие губит их. Убийцы, конечно, бояться, что их поймают, но не могут не важничать и не хвастаться. Они уверены, что действовали очень умно. Кроме того, убийца жаждет общения.

— Общения?

— Да. Видишь ли, совершив убийство, человек становится страшно одиноким. Ему хочется рассказать кому-нибудь о том, что произошло, но он не может себе это позволить. Поэтому, если он не может говорить о том, как убил, то, по крайней мере, может обсуждать убийство чисто теоретически и так далее.

Если бы я был на твоём месте, я бы учел это. Поезжай туда, побудь с ними и заставь их говорить. Конечно, это совсем не просто. Виноваты они или нет, каждый будет рад возможности высказаться, потому что тебе они могут сказать то, что побоятся сказать друг другу. Но, возможно, ты сумеешь заметить разницу.

Человек, который что-то скрывает, вообще не может позволить себе много говорить. Те, кто во время войны работали в разведке, хорошо это знали. Если ты окажешься в руках врага, можешь назвать свое имя, звание, номер — и ни слова больше. Люди, которые пытались дать ложную информацию, всегда делали ошибки и попадались. Слушай, что они говорят, и следи.

Я рассказал, как Софья говорила о безжалостности членов семьи в разных ее проявлениях. Это его заинтересовало.

— Да, твоя барышня права. В большинстве семей есть какой-нибудь дефект, какая-то слабость или даже порок. Хорошо, если что-нибудь одно. А теперь представь себе, что кто-то из потомков унаследовал безжалостность Хэвиллендов и беззащитность в достижении целей Леонидасов. Адская смесь!

Но я бы не ломал голову над вопросами наследственности. Это слишком сложно. Поезжай туда, мой мальчик, и дай им возможность общаться с тобой. Твоя Софья права в одном отношении. Вам обоим нужна только правда. И позаботься о ребенке.

— Жозефина? Ты имеешь в виду, что она не должна догадываться о моих наблюдениях?

— Нет, не это. Последи за ней, позаботься о том, чтобы с ней ничего не случилось.

Я с удивлением уставился на него.

— Ну как ты не понимаешь, Чарльз? В доме убийца. А Жозефина знает больше, чем надо.

— Да, вот про Роджера она же все правильно рассказала.

— Я всегда доверяю показаниям детей. Но на суде они никуда не годятся. Плохо отвечают и теряются, бормочут что-то невнятное. И ужасно любят пускать пыль в глаза. Жозефина это и делала. Не задавай ей вопросов, притворись, что ты не веришь в ее осведомленность. Это заставит ее говорить. Позаботься о ней. Она может кому-то помешать.

Глава 13

Я поехал в «Кривой дом» (как я мысленно называл его), чувствуя себя виноватым. Я передал Тавернеру все, что узнал от Жозефины о Роджере, а про любовные письма Бренды и Лоуренса умолчал. Я убеждал себя, что Жозефина все придумала, но мне просто не хотелось быть источником доказательств виновности Бренды. Ее одиночество в доме, враждебность окружающих заставили меня встать на сторону Бренды. Если эти письма существуют, Тавернер и его люди разыщут их. Кроме того, она торжественно заверила меня, что между нею и Лоуренсом нет недозволенных отношений, и я склонен был скорее верить ей, чем злобному гному Жозефине. Разве не сама Бренда говорила, что у Жозефины «не все дома»? Но, вспомнив ее черные умненькие глаза, я подумал, что, к сожалению, у Жозефины «все дома» и, по-видимому, она говорила правду.

Я позвонил Софье и попросил разрешения приехать.

— Пожалуйста, приезжайте, Чарльз.

— Как дела?

— Не знаю. Хорошо. Все еще обыскивают дом. Что они ищут?

— Понятия не имею.

— Мы все очень нервничаем. Приезжайте как можно скорее. Я, наверное, сойду с ума, если не поговорю с кем-нибудь.

Я сказал, что выезжаю.

Около дома никого не было. Дверь была открыта. Пока я раздумывал, войти мне или позвонить, услышал

за спиной легкое движение. Я быстро повернулся. У тисовой изгороди стояла Жозефина и наблюдала за мной. Ее лицо было наполовину скрыто огромным яблоком. Увидев, что я заметил ее, она отвернулась.

— Здравствуй, Жозефина.

Она не ответила и исчезла за изгородью. Я последовал за ней. Девочка сидела на каменной лестнице у пруда с золотыми рыбками, болтала ногами и ела яблоко. Она посмотрела на меня со злостью.

— Я опять приехал, Жозефина.

Это было не очень удачное начало разговора, но ее молчание и немигающий взгляд действовали мне на нервы.

С отличным чувством стратегии она продолжала молчать.

— Хорошее яблоко?

На этот раз она снизила до ответа.

— Безвкусное.

— Жаль, я не люблю безвкусных яблок.

— Никто не любит.

— Почему ты не поздоровалась со мной?

— Не хочу.

— Почему?

— Вы донесли полиции.

— Ты говоришь о...

— О дяде Роджере.

— Но все выяснилось. Все в порядке. Полиция теперь знает, что он не сделал ничего дурного,— я хочу сказать, он не присваивал чужих денег.

Жозефина бросила на меня презрительный взгляд.

— Какой вы глупый!

— Очень сожалею об этом.

— Я ничуть не беспокоилась о дяде Роджере. Просто настоящие сыщики так не поступают. Разве вы не знаете, что полиция не должна ни о чем догадываться до самого последнего момента?

— Понимаю. Извини, Жозефина. Я не должен был рассказывать.

— Вы плохо поступили. Я доверилась вам.

Я извинился в третий раз. Жозефина немного смягчилась и опять принялась за яблоко.

— Но полиция все равно узнала бы: мы не смогли сохранить этот секрет.

— Потому что дядя Роджер объявит себя банкротом?

Как всегда, она была хорошо осведомлена.

— Думаю, что все идет к этому.

— Сегодня вечером собираются обсуждать дядю Роджера. Папа, мама, дядя Роджер и тетя Эдит. Тетя Эдит хочет дать ему денег, но у нее их еще нет, а папа, наверное, не даст. Он говорит, что если Роджер попал в переул, то сам виноват, и какой смысл бросать хорошие деньги вслед за плохими? А мама слушать об этом не хочет, потому что она надеется, что папа даст деньги на постановку «Эдит Томпсон». Вы слышали об Эдит Томпсон? Она была замужем, но не любила своего мужа. Она любила одного молодого человека, который сошел с парохода, а муж пошел из театра другой дорогой и заколол их кинжалом.

Я еще раз удивился обширности знаний Жозефины.

— Звучит-то хорошо,— продолжала Жозефина,— но пьеса не получится. Опять будет вроде «Иезавели».— Она вздохнула.— Как бы я хотела узнать, почему собаки не ели ее ладони!

— Жозефина, ты сказала мне, что почти наверное знаешь, кто убийца.

— Ну и что?

— Кто он?

Она презрительно посмотрела на меня.

— Ах, понимаю! До самого последнего момента... Даже если я пообещаю вообще ничего не рассказывать инспектору Тавернеру?

— Мне не хватает нескольких улик. И все равно,— продолжала она, кидая огрызок яблока в пруд,— я бы вам не сказала. Вы знаете, кто вы,— вы Ватсон!

Я проглотил это оскорбление.

— О'кей, я — Ватсон. Но ведь Ватсону рассказывали какие-то факты, а он делал неправильные выводы. Разве тебе не будет смешно слушать, как я делаю неправильные выводы?

Жозефина на секунду заколебалась, но потом покачала головой.

— Нет. И вообще мне не очень нравится Шерлок Холмс. Он ужасно старомоден.

— А как насчет писем?

— Каких писем?

— Которые Бренда и Лоуренс писали друг другу. Ты же сама мне о них говорила.

— А я выдумала.

— Не верю.

— Да, выдумала. Я часто выдумываю. Мне это нравится.

— Послушай, Жозефина, я знаком с одним человеком в Британском музее, который очень хорошо знает Библию. Если он узнает, почему собаки не ели ладони Иезавели, ты расскажешь мне про эти письма?

На этот раз Жозефина не знала, на что ей решиться. Недалеко от нас внезапно хрустнула ветка.

— Нет, все равно не скажу.

Я признал свое поражение. Слишком поздно я вспомнил совет отца.

— Ну ладно,— сказал я,— это только игра, ты сама ничего не знаешь.

Ее глаза вспыхнули, но она не заглотила приманку. Я встал.

— Мне пора разыскать Софью. Пошли.

— Я останусь здесь.

— Нет, ты не останешься. Ты пойдешь со мной.

Я бесцеремонно схватил ее за руку и заставил встать. Она удивилась, но пошла за мной. Скорее всего потому, что ей хотелось посмотреть, как отнесется семья к моему присутствию. Почему я настаивал, чтобы она пошла со мной? Позже я понял. Потому что вдруг хрустнула ветка.

Глава 14

Из большой гостиной доносились голоса. Я не решился войти. Пройдя дальше по коридору, открыл какую-то дверь и попал в большую светлую кухню. На пороге стояла старая женщина в белоснежном переднике.

Насколько я знал, Нэнни никогда не видела меня, но она сказала:

— Вы ведь мистер Чарльз, не правда ли? Входите, я угощу вас чаем.

Я сел к столу, и Нэнни принесла мне чашку чая и бисквит. Мне казалось, что я снова в детской. Все было хорошо, и я ничего не боялся.

— Мисс Софья будет рада, что вы приехали. Она слишком нервничает.

— Где же Жозефина? Ведь она пришла со мной.

Нэнни неодобрительно щелкнула языком.

— Подслушивает у дверей и записывает все в свою дурацкую книжечку. Ее давно следовало отправить в школу, чтобы она росла с детьми. Я сказала об этом

мисс Эдит, и она согласилась со мной, но хозяин считал, что ей лучше оставаться дома.

— Он, видимо, очень любит ее?

— Любил, сэр. Он их всех очень любил.

Я удивился тому, что она говорит о любви Филиппа к своей дочери в прошедшем времени. Нэнни заметила мое удивление и слегка покраснела.

— Когда я сказала «хозяин», то имела в виду старого мистера Леонидаса.

Прежде чем я успел ответить, в кухню вошла Софья.

— О, Чарльз! Нэнни, я так рада, что он приехал.

— Я знаю, родная.

Нэнни собрала посуду и вышла. Я подошел к Софье и обнял ее.

— Любимая, вы дрожите, в чем дело?

— Я боюсь, Чарльз.

— Я люблю вас. Если бы мы могли уехать!

Она отодвинулась и покачала головой.

— Это невозможно, мы должны быть здесь до конца. Но знаете, Чарльз, невыносимо жить, зная, что кто-то в доме, кто-то, с кем я встречаюсь и разговариваю каждый день,— хладнокровный, расчетливый отравитель.

Я не знал, что сказать.

— Только бы узнать правду. Больше всего меня пугает, что мы никогда не узнаем ее.

Я легко представил себе, какой это будет кошмар.

— Скажите, Софья, сколько людей в доме знали о глазных каплях? Кто мог знать, что они опасны для жизни?

— Я понимаю ваш вопрос, но это нам ничего не даст. Дело в том, что мы все о них знали.

— Но все знали примерно...

— Однажды мы пили кофе у бабушки. Он любил, чтобы все собиравались у него. У него ужасно болели глаза. Бренда принесла капли, и Жозефина, которая вечно задает вопросы, спросила: «Почему на бутылочке написано „Глазные капли — не трогать!“? Что будет, если выпить всю бутылочку?» Дедушка засмеялся и ответил: «Если Бренда по ошибке впрыснет мне эти капли вместо инсулина, лицо посинеет и я умру, потому что у меня не очень крепкое сердце». А Жозефина сказала: «О-о!» И дедушка продолжал: «Поэтому мы должны тщательно следить за тем, чтобы Бренда не впрыснула мне вместо инсулина эзерин».

После паузы Софья добавила:

— Мы все это слышали. Понимаете, все!
Я понимал. Старый Леонидас сам подсказал убийце, как можно просто и легко убрать его.

Я тяжело вздохнул. Софья угадала мои мысли.

— Это ужасно!

— Знаете, Софья,— медленно произнес я,— вы правы. Бренда не могла этого сделать. Сделать именно так, как сказал он, было бы слишком опасно.

— Не знаю. Бренда иногда бывает невероятно глупа.

— Ну не настолько же! Это, конечно, не Бренда.

Софья отошла от меня.

— Вы не хотите, чтобы убийцей оказалась Бренда?

Ну что я мог сказать? Я просто не мог произнести: «Да, я надеюсь, что это не Бренда».

А почему не мог? Только потому, что Бренда была совсем одна и на нее была направлена ненависть всей семьи Леонидас? Жалость к более слабому? Ее беззащитность? Я вспомнил, как она сидела на диване в роскошном траурном туалете, страх, застывший в ее глазах...

Очень вовремя вошла Нэнни.

— Только и разговоров что об убийствах. Забудьте о них, вот что я вам скажу. Пусть этим занимается полиция, это их дело, а не ваше.

— О, Нэнни, неужели ты не понимаешь, что в доме убийца?

— Глупости, мисс Софья. У меня не хватает терпения с вами. Двери всегда открыты, ничего не запирается. Очень удобно для воров и грабителей.

— Но это не мог быть грабитель. Ведь ничего не пропало. И зачем грабителю понадобилось входить в дом и кого-то травить?

— Я не говорю, что это грабитель. Я только сказала, что все двери открыты. Любой мог войти. Если вы спросите меня, я скажу, что это сделали коммунисты.

— А зачем им убивать бедного дедушку?

— Ну, все говорят, что они всегда во всем замешаны. Если не коммунисты, то уж наверняка католики.

С видом человека, сообщившего свое окончательное решение, она вышла.

Мы расхохотались.

— Добрая старая протестантка,— сказал я.

— Теперь пойдём в гостиную, там идет семейный совет. Он был назначен на вечер, но почему-то начался раньше.

— Может быть, неудобно?

— Если вы собираетесь войти в семью, вам лучше увидите их, так сказать, «без перчаток».

— О чем там речь?

— О делах Роджера. Вы уже, кажется, приложили к этому свою руку. Но надо быть сумасшедшим, чтобы подумать, будто Роджер убил дедушку. Он его обожал.

— Я и не думал, что Роджер убил... Я подозревал Клеменс.

— Только потому, что я подала вам эту мысль. Но вы ошибаетесь. Клеменс, по-моему, ничуть бы не расстроилась, если бы Роджер потерял все свои деньги. Я думаю, она была бы даже рада. У нее какая-то странная страсть — не обременять себя вещами.

— Пошли!

Когда мы вошли в гостиную, голоса разом смолкли. Все усталились на нас.

Семья была в сборе. Филипп сидел в большом кресле, в простенке. Его прекрасное лицо напоминало суровую маску. Он был похож на судью, произносящего приговор. Роджер пристроился сбоку на пуфе, около каминна. Волосы взъерошены, галстук сбился в сторону. Он был очень взволнован. Клеменс сидела рядом с ним. Она смотрела в сторону. Эдит вязала в дедушкином кресле. Ее губы были плотно сжаты. Магда и Юстас напоминали прекрасный портрет Гейнсборо. Они сидели вместе на диване — красивый темноволосый мальчик и очаровательная герцогиня в роскошном платье из тафты, из-под которого выглядывала маленькая ножка в высокой туфельке.

Филипп нахмурился.

— Софья, прости, но мы обсуждаем семейные дела.

Я приготовился извиниться и уйти, но Софья опередила меня. Она решительно сказала:

— Мы с Чарльзом надеемся пожениться. И я хочу, чтобы он остался.

— А почему бы и нет? — вскричал Роджер, вскакивая с места.— Я повторяю, Филипп, что в этом нет ничего секретного. Весь мир узнает об этом завтра или послезавтра. Во всяком случае, мой мальчик,— он подошел ко мне и дружески положил руку на мое плечо,— вы все знаете. Вы были там утром.

— Ну, пожалуйста, расскажите нам, как выглядит Скотланд-Ярд,— воскликнула Магда.— Стол? Стулья? Какие занавески? Цветов, наверное, нет? Диктофон?

— Вы были там утром? — резко спросил Филипп. — Зачем? Ах да, ваш отец...

Он нахмурился. Я еще раз почувствовал, насколько мое присутствие нежелательно, но Софья сжала мою руку.

Клеменс пододвинула мне стул.

— Садитесь, пожалуйста!

Я взглянул на нее с благодарностью и сел.

— Вы можете говорить что угодно, — сказала мисс де Хэвиленд, очевидно, продолжая прерванный разговор, — но я считаю, что мы должны уважать желания Аристида. Когда вопрос о завещании выяснится, мое наследство переходит в твою пользу, Роджер.

— Нет-нет, тетя Эдит, нет!

— Я хотел бы иметь возможность сказать то же самое, — вставил Филипп, — но надо все обсудить.

— Дорогой Фил, ну как ты не понимаешь?! Я ни у кого не возьму ни копейки.

— Конечно, он не может взять! — отрезала Клеменс.

— Послушайте, Эдит, — вмешалась Магда, — если вопрос с завещанием выяснится, у него будет свое собственное наследство.

— Но это выяснение может затянуться, — заметил Юстас.

— Ты ничего не понимаешь, Юстас, — оборвал его Филипп.

Он сказал эту фразу с заметным удовольствием.

— И нечего обсуждать, — заявила Клеменс.

— Для меня, во всяком случае, — сказал Роджер, — это не имеет значения.

— Я думаю, что это имеет очень большое значение, — проворчал Филипп.

— Нет, — возразил Роджер, — нет! Разве что-нибудь имеет значение по сравнению с тем, что отец мертв?! А мы сидим здесь и обсуждаем денежные дела.

Филипп слегка покраснел.

— Мы только стараемся помочь...

— Я знаю, Фил, старина, я знаю. Но никто ничего не может сделать.

— Я, наверное, мог бы собрать некоторую сумму. Акции очень упали в цене, и я не могу трогать основной капитал, но...

Магда быстро перебила Филиппа:

— Конечно, ты не можешь достать денег, дорогой.

Было бы абсурдно пытаться и нечестно по отношению к детям...

— Еще раз повторяю, я ни у кого ничего не прошу! — заорал Роджер. — Я уже охрип, доказывая вам это. Я хочу, чтобы все шло как идет.

— Это вопрос престижа, — возразил Филипп, — отца и нашего.

— Это не было семейным делом. Это был полностью мой концерт.

— Да, — сказал Филипп, со значением глядя на него, — это был твой концерт.

Эдит встала.

— Я думаю, мы уже все обсудили.

Филипп и Магда тоже поднялись. Юстас вышел из комнаты, и я обратил внимание на его напряженную походку. Он слегка прихрамывал.

Роджер взял Филиппа под руку.

— Ты молодчина, Фил, я ценю твоё желание помочь мне.

Братья вышли вместе.

Магда пробормотала:

— Какой шум из-за пустяков. — И последовала за ними.

Софья, сославшись на то, что должна приготовить мне комнату, ушла.

Эдит де Хэвиленд собирала свое вязанье. Она взглянула на меня, и я было решил, что она хочет поговорить со мной. Но она, видимо, передумала, вздохнула и тоже вышла.

Клеменс стояла у окна и смотрела в сад, я подошел и встал рядом.

— Благодарение Богу, все позади, — сказала она и добавила: — Что за ужасная комната!

— Она вам не нравится?

— Я не могу в ней дышать. В ней всегда пахнет засохшими цветами и пылью.

Я подумал, что она не права. Это была очень «женская» комната, экзотическая, обволакивающая, и я бы предпочел ее комнате Клеменс.

— Это декорация, фон для Магдиных представлений. — Она взглянула на меня. — Вы понимаете, что мы тут делали? Акт II — семейный совет. Это Магда устроила. И совершенно напрасно. Обсуждать было нечего. Все решено и кончено. — Ее голос звучал почти радостно.

Потом она заметила мое недоумение.

— О, как вы не понимаете! Наконец-то мы свободны! Уже много лет Роджер — самый несчастный человек на свете. У него никогда не было способностей к бизнесу. Он любит лошадей и коров, любит жить в деревне. Но он обожал отца и не хотел его огорчать. Я не хочу сказать, что старик был тираном, что он навязывал детям свою волю. Он давал им деньги и свободу, был очень предан им.

— А разве это плохо?

— Я думаю, да. Когда дети вырастают, они должны жить отдельно и не зависеть от родителей. Это ведь вы подсказали полиции мысль, что Роджер убил отца из-за денег. Вы даже не представляете себе, насколько это смешно.

— Теперь я понимаю.

— Когда Роджер увидел, что крах неизбежен, он почувствовал огромное облегчение. Он предвкушал новую жизнь.

— Куда вы собирались уехать?

— На Барбадос. Недавно умерла моя дальняя родственница и оставила мне крошечное поместье. Совсем пустяк, но мы могли бы там жить. Конечно, мы будем очень бедны, но на скромную жизнь нам хватит. Зато мы будем вместе, без нервотрепки, далеко от всех.

Она вздохнула.

— Роджер смешной. Он ужасно переживает из-за того, что мы будем бедны. Это у него семейное — он придает деньгам слишком большое значение. Когда я жила с первым мужем, мы бедствовали. Роджер считает, что это был какой-то подвиг с моей стороны. Он не понимает, что я была счастлива. С тех пор я уже никогда не была так счастлива, хотя и не любила Ричарда так, как люблю Роджера. Меня не интересуют деньги, и уж, конечно, я не стала бы из-за них кого-то убивать.

Я безоговорочно поверил ей.

— А вас не смущает, что вам придется отказаться от работы, когда вы переедете на Барбадос? Вы ведь едете?

— Да, как только разрешит полиция. Нет, меня не смущает вопрос работы. Я бы не хотела бездельничать, но на Барбадосе найдется дело и для меня. — И, помолчав, добавила: — Ах, только бы скорее все это выяснилось, чтобы мы могли уехать.

— Клеменс, а вы не знаете, кто это сделал? При вашей сообразительности у вас, наверное, есть какие-то подозрения?

Она как-то странно, сбоку, взглянула на меня.

— Нельзя строить догадки, это не научно, — сказала она смущенно, — но наиболее очевидными виновниками мне кажутся Бренда и Лоуренс.

— Так вы подозреваете их?

Клеменс пожала плечами.

Потом секунду постояла, как бы прислушиваясь к чему-то, и вышла из комнаты. В дверях она столкнулась с Эдит.

Та сразу подошла ко мне.

— Мне надо поговорить с вами. — Я вспомнил слова отца. Может быть, это... Но Эдит продолжала: — Я надеюсь, у вас не создалось ложного представления. Я имею в виду Филиппа. Его довольно трудно разгадать. Он мог показаться вам сдержанным и холодным, но он не такой. Это просто его манера держать себя.

— Я не думал... — начал я.

Но она перебила меня.

— Вот и сейчас, с Роджером. Филипп не жадный, он никогда не дорожил деньгами, он чудесный человек, но его надо знать. Частично это можно объяснить тем, что он был вторым ребенком. Он обожал отца. Конечно, все дети его любили, и он любил детей, но Роджер был его особой гордостью. Он был старший и первый. Я думаю, Филипп чувствовал это. Он замкнулся, занялся историей, книгами, прошлым. Видимо, он страдал — дети обычно страдают...

Она сделала паузу, потом заговорила снова.

— Я хочу сказать, что, по моему мнению, он ревновал Роджера к отцу. Может быть, это было безотчетно, но теперь, когда Роджер потерпел поражение, мне кажется, хотя об этом страшно говорить, что Филипп не слишком огорчен.

— Вы хотите сказать, он доволен тем, что Роджер оказался в дураках?

— Да, именно это я и хочу сказать. — Нахмурившись, она добавила: — Меня страшно огорчает, что он не сразу предложил свою помощь брату.

— А почему он должен был предлагать свою помощь? В конце концов, Роджер сам во всем виноват. Он взрослый человек. У него нет детей, как у Филиппа, с интересами которых надо считаться. Если бы он заболел или действительно нуждался, семья, конечно, помогла бы ему, но я уверен, что Роджер предпочтет встать на ноги без посторонней помощи.

— О да! Он только переживает из-за Клеменс. А Клеменс — необыкновенный человек. Ей действительно нравится жить без всяких удобств, ей достаточно иметь одну чашку. Это, наверное, в ее представлении модерн. У нее нет чувства прекрасного.

Эдит устремилась на меня пронизательный взгляд.

— Это ужасное испытание для Софьи. Очень жаль, что ее молодость омрачена такими переживаниями. Я люблю их всех. Роджера, Филиппа, а теперь Софью, Юстаса и Жозефину. Все они для меня дорогие дети, дети Марсии. Да, я их очень люблю.

Она замолчала, потом вдруг резко сказала:

— Обратите внимание, это одностороннее обожание. Потом быстро повернулась и вышла.

У меня было чувство, что последние слова были сказаны с особым значением, но я его не понял.

Глава 15

Софья стояла рядом со мной и смотрела в сад. Он выглядел мрачным и серым, полуголые деревья раскачивались на ветру.

— Он выглядит таким заброшенным...— как бы угадав мою мысль, сказала Софья.

Вдруг мы увидели, как из-за тисовой изгороди появилась тень, за ней другая. Они казались ирреальными в сумеречном свете.

Впереди шла Бренда Леонидас в серой шиншилловой шубке крадущейся, кошачьей походкой. Когда она проходила под окном, я видел, что губы ее искривлены в полуулыбке. Через несколько секунд появился Лоуренс. В сумерках он казался меньше ростом и тоньше. Они не были похожи на людей, возвращающихся с прогулки. В этих двух фигурах была какая-то тайна. Они напоминали призраков.

Я подумал, не под их ли ногами хрустнула тогда ветка. И по ассоциации спросил:

— Где Жозефина?

— Наверное, с Юстасом в классной.

Софья нахмурилась.

— Я очень беспокоюсь за Юстаса, Чарльз.

— Почему?

— Он все время угрюм, замкнут и вообще какой-то странный. Он страшно изменился с тех пор, как переболел. Я не могу понять, что происходит в его больном во-

ображении. Иногда мне кажется, что он ненавидит нас всех.

— С годами это пройдет.

— Может быть. Но я все равно нервничаю.

— Почему, любимая?

— Наверное, потому, что папа и мама никогда о нем не беспокоятся. Они не похожи на родителей.

— А это и к лучшему. Дети обычно больше страдают от вмешательства в их жизнь, чем от безразличия к их судьбе.

— Верно. Знаете, я раньше не задумывалась над этим, а вот когда вернулась из-за границы, поняла, что это так. Они действительно странные люди. Отец живет в мире туманных исторических образов, а мама прелестно проводит время, придумывая спектакли. Сегодняшняя дурацкая комедия была абсолютно не нужна, но маме хотелось разыграть сцену семейного совета. Ей здесь скучно — вот она и сочиняет драму.

Мне на секунду представилась фантастическая сцена, в которой мать Софьи отравляет своего пожилого свекра, чтобы наблюдать кровавую драму, сотворенную ею самой, и разыграть роль героини. Забавная мысль! Я отогнал ее, но неприятное чувство осталось.

— За мамой надо все время следить,— продолжала Софья,—никогда не знаешь, что она вытворит.

— Забудьте про свою семью.

— Я бы с величайшей радостью забыла, но теперь это невозможно. Как я была счастлива в Каире — там я не думала о них.

— Вы никогда ничего не рассказывали о семье. Вы действительно хотели забыть о них?

— Наверное, мы слишком долго жили вместе. Слишком любили друг друга. У нас не так, как в других семьях, где, бывает, царит ненависть. Это очень плохо, но еще хуже жить, запутавшись в своих привязанностях. Я, наверное, именно это имела в виду, когда сказала, что мы живем все вместе в маленьком кривом доме. Дело не в какой-то нечестности: просто у нас не было возможности вырасти независимыми, прямыми. Мы все немного скрюченные, как вьюнок.

В комнату вошла Магда.

— Дорогие мои, почему вы не зажигаете свет — совсем темно.

Она повернула выключатель и расположилась на тахте.

— А Юстас какой сердитый! Он сказал, что находит все это просто неприличным. Забавные эти мальчики! — Она вздохнула.— Роджер — душка. Я ужасно люблю, когда он ерошит волосы и опрокидывает мебель.

Ну а Эдит? Разве не прелесть? Вот так просто взять и предложить ему деньги... И ведь это не было широким жестом. Она и впрямь собиралась так поступить. Но это ужасно глупо: Филипп мог подумать, что он должен сделать то же самое. Конечно, Эдит готова на все ради семьи. В чувствах старой девы к племянникам есть что-то трогательное. Когда-нибудь я сыграю такую преданную тетушку, старую деву.

— Ей, наверное, было очень тяжело после смерти сестры? — спросил я, отказываясь быть втянутым в очередное обсуждение Магдиных ролей.— Особенно учитывая ее нелюбовь к старому Леонидасу?

— Нелюбовь? Кто вам это сказал? Чепуха! Она была влюблена в него!

— Мама! — не выдержала Софья.

— Ну-ну, только не спорь со мной. Конечно, в твоём возрасте любовь — это красивая пара в лунном свете.

— Она сама говорила мне, что всегда ненавидела его, — сказал я.

— Может быть, только в самом начале. Она не могла простить сестре этот брак. Я готова признать, что между ними не было согласия, но это не мешало ей любить его. Дорогие мои, ведь я-то знаю! Конечно, только что овдовев, он не мог жениться на ней, да, наверное, и не собирался. Но она была вполне счастлива, воспитывая его детей. И ее ужасно рассердила его женитьба на Бренде. Это, по ее мнению, оскорбляло память сестры.

— Не больше, чем тебя и папу.

— Ну конечно, нам это тоже не понравилось, но Эдит... она просто взбесилась. Я же видела, как она смотрела на Бренду.

— Ну ладно, мама...

Магда бросила на нее любящий взгляд, взгляд шаловливого, избалованного ребенка. И продолжила без всякой связи с предыдущим:

— Я твердо решила отправить Жозефину в школу.

— Жозефину в школу?!

— Да. В Швейцарию. Я займусь этим завтра же. Ее надо отправить немедленно. Ей вредно находиться в такой обстановке. Она болезненно интересуется всем про-

исходящим. И будет гораздо лучше, если ее будут окружать сверстники. Я всегда так считала.

— Дедушка не хотел, чтобы Жозефина посещала школу, — возразила Софья.— Он всегда был против этого.

— Дорогой добрый дед любил, чтобы мы все были у него на глазах. Очень старые люди бывают эгоистичными. Ребенок должен расти вместе с другими детьми. А Швейцария пойдет Жозефине на пользу: зимний спорт, чистый воздух, прекрасная пища — гораздо лучше, чем здесь.

— Но это будет не просто, учитывая проблему с валютой, — сказал я.

— Ерунда, Чарльз. Это все легко уладить. Я завтра же дам телеграмму Рудольфу Альстнеру — он сейчас в Лозанне. Он все устроит. К концу недели мы ее отправим.

Подарив нам очаровательную улыбку, Магда вышла.

— Да, — сказала Софья, — мама просто невозможна. Ей приходят в голову самые неожиданные идеи, она начинает рассылать тысячи телеграмм и требует немедленного исполнения ее просьб. Зачем надо так поспешно увозить Жозефину?

— Сама идея школы неплохая. Ей действительно будет полезно побыть среди детей ее возраста.

— Дедушка этого не находил, — возразила Софья упрямо.

Я почувствовал легкое раздражение.

— Моя дорогая Софья, неужели вы думаете, что человек, которому за восемьдесят, лучше всех знает, в чем благополучие ребенка?

— Да, он лучше всех знал, в чем благополучие каждого в этом доме.

— Лучше, чем тетя Эдит?

— Нет, наверное, не лучше. Тетя была как раз сторонницей школы. Я согласна, что у Жозефины ужасные привычки, она повсюду сует свой нос, подслушивает. Может быть, потому, что играет в сыщиков.

Только ли желание добра Жозефине вызвало внезапное решение Магды? Ведь девочка была отлично осведомлена обо всем, что произошло в доме перед убийством, хотя это ее не касалось. Конечно, хорошая школа будет очень полезна для Жозефины, но меня смущало, что Магда так внезапно приняла это решение.

Отец сказал: «Дай им возможность общаться и говорить с тобой».

На следующее утро во время бритья я обдумывал, что это мне дало. Эдит де Хэвиленд говорила со мной и специально с этой целью ко мне подошла. И Клеменс говорила со мной (или я говорил с ней). Затем Магда — во всяком случае, я был частью аудитории, перед которой она вещала. Софья, естественно, многое мне рассказала. Даже Нэнни. Но узнал ли я что-нибудь от них? Прозвучало ли в этих беседах какое-нибудь важное слово или фраза? Больше того, проскользнуло ли хоть какое-то свидетельство их повышенного тщеславия, которое подчеркивал отец? Нет, я ничего не заметил.

Единственным, кто не выказал абсолютно никакого желания говорить со мной, был Филипп. Не странно ли это? Он наверняка знал, что я хочу жениться на его дочери, и, несмотря на это, вел себя так, как будто меня не было в доме. По-видимому, его возмущало мое присутствие. Эдит извинилась за него. Она сказала, что это просто его манера вести себя. Она явно была расстроена из-за Филиппа. Почему? Я долго думал о Софьином отце и понял, что это человек с подавленной индивидуальностью. Ребенком он ревновал к отцу и был несчастлив. Потом замкнулся в себе. Под его сдержанностью могли таиться очень сильные чувства. Я не думал, что Филипп мог убить отца из-за денег. Но, может быть, какая-нибудь психологическая причина? Филипп поселился в доме отца, позже туда же приехал Роджер. День за днем Филипп был вынужден наблюдать, с какой любовью старший Леонидас относился к своему старшему сыну. Возможно, в своем разгоряченном воображении он не видел иного выхода, как только смерть отца? А если он еще и рассчитывал на то, что эта смерть будет инкриминирована его брату Роджеру? Роджер был накануне краха. Ничего не зная о последнем свидании Роджера с отцом и его готовности помочь сыну, Филипп мог думать, что нужда в деньгах будет достаточным поводом для обвинения Роджера. Была ли психика Филиппа настолько расстроена, чтобы довести его до убийства?

Я порезался и выругался. Что я делаю. Пытаюсь доказать, что отец Софьи — убийца? Разве для этого Софья настаивала на моем приезде? А может быть, для этого? В ее словах было что-то недосказанное. Если она втайне

подозревает, что ее отец убийца, она никогда не согласится выйти за меня замуж, если это подтвердится. А так как это была Софья, умная и храбрая, ей нужна была только правда. Неопределенность будет вечным барьером между нами.

Эдит де Хэвиленд тоже что-то подозревает. Она слишком много говорила о Филиппе. Что хотела она выразить словами «одностороннее обожание»? А что имела в виду Клеменс, когда как-то странно посмотрела на меня и назвала Бренду и Лоуренса. Вся семья хотела, чтобы виновниками оказались Бренда и Лоуренс, — надеялась на это, но не верила. Конечно, все они могут ошибаться, и в конце концов окажется, что убийцы не Бренда и Лоуренс. А может быть, только Лоуренс? Ах, это было бы самым лучшим выходом.

Я вышел к завтраку, полный решимости поговорить с Лоуренсом как можно скорее. Когда я допивал вторую чашку кофе, мне пришло в голову, что Кривой дом уже оказывает свое влияние и на меня. Я тоже хотел узнать не правду, а вариант, который бы меня больше всего устроивал.

Софья сказала, что я найду Лоуренса в классной комнате. У двери Бренды я задумался: позвонить или просто войти? Наконец я решил не рассматривать дом как частную резиденцию Бренды и вошел без стука. Всюду тишина, никого не видно. Дверь в большую гостиную оказалась закрытой. Открытая дверь справа вела в спальню и в примыкавшую к ней ванную. Я знал, что там хранятся лекарства, и тихонько проскользнул внутрь. Теперь я убедился, что любой человек в доме, и даже извне, мог проникнуть сюда незамеченным.

Я огляделся. На стене увидел белый эмалированный шкафчик и открыл его. На полках стояло множество аккуратно расставленных лекарств, на всех были этикетки. Я мог сделать с этими бутылочками что угодно, а потом тихонечко спуститься вниз. И никто не узнал бы, что я был в ванной. Это не было для меня новостью, но я еще раз убедился, как трудно придется полиции.

Выйдя из ванной комнаты, я пошел по коридору. Слева столовая. Справа, в спальне Бренды, возилась горничная. Из соседней комнаты слышался голос Эдит. Она звонила в рыбную лавку. Небольшая винтовая лестница вела вверх. Я знал, что там расположена спальня Эдит, гостиная и комната Лоуренса. Рядом — несколько ступенек, ведущих в классную.

Я подошел к двери и прислушался. Видимо, привычка Жозефины передалась мне. Не испытывая ни малейшего стыда, я прилип к замочной скважине. Это был урок истории. Разбиралась эпоха Директории во Франции. Я широко раскрыл глаза от удивления — Лоуренс Браун оказался превосходным педагогом. Я даже не знаю, почему я так удивился. Аристид Леонидас считался великим знатоком людей, и, естественно, он не взял бы плохого учителя.

Несмотря на мышиную наружность, Лоуренс, очевидно, обладал талантом вызывать интерес у своих учеников и будить их воображение. Драма Термидора, объявление Робеспьера вне закона, величие Барраса, хитрость Фуше, Наполеон, полуголодный молодой офицер, — все вдруг ожило.

Потом Лоуренс задавал вопросы. Голос Жозефины звучал так, как будто у нее был насморк, но Юстас отвечал превосходно. Он говорил умно, со знанием дела и выказал тонкое чувство истории. Видимо, он унаследовал это от отца.

Раздался стук отодвигаемых стульев. Я отступил от лестницы и сделал вид, что только что поднялся. В этот момент дверь отворилась. На пороге стояли Юстас и Жозефина.

— Хэлло, — сказал я.

Юстас очень удивился.

— Вы что-нибудь хотите? — спросил он вежливо.

Жозефина не проявила никакого интереса к моему появлению и проскользнула мимо.

— Я просто хотел посмотреть классную, — объяснил я неловко.

— Вы же на днях ее видели. Раньше это была детская. В ней и сейчас полно игрушек.

Юстас придержал дверь, и я вошел. Браун стоял у стола. Он поднял голову, покраснел, пробормотал что-то в ответ на мое приветствие и торопливо вышел.

— Вы испугали его, — сказал Юстас. — Он очень легко пугается.

— Он тебе нравится, Юстас?

— Ничего. Ужасный осел, конечно.

— Но учитель он неплохой?

— Нет, даже интересный. Он страшно много знает. Начинаешь видеть вещи под другим углом. Я понятия не имел, что Генрих Восьмой писал стихи Анне Болейн, и знаете, вполне приличные стихи,

Мы поговорили о Чосере, о крестоносцах и, к удивлению Юстаса, о том, что Оливер Кромвель запретил праздновать Рождество. Он показался мне любознательным и способным мальчиком.

Постепенно я понял причину его всегдашнего плохого настроения. Его болезнь оказалась не только страшным испытанием — она в корне изменила его жизнь, лишив ее всякого интереса.

— В следующем семестре я был бы уже в одиннадцатом классе. Хватит сидеть дома и готовить уроки с сопливой девчонкой. Ей ведь всего двенадцать лет.

— Но у вас разная программа?

— Ну конечно. Она не проходит латынь и математику, но кому же приятно делить учителя с девчонкой!

Я попытался успокоить его мужскую гордость, заметив, что Жозефина очень развита для своих лет.

— Вы так думаете? А я считаю, что она ужасно тупая. Она просто помешана на детективных романах, повсюду сует свой нос и все записывает в свою черную книжечку. Делает вид, что очень много знает. Просто глупый ребенок — вот кто она, — высокомерно заявил Юстас. — Во всяком случае, девчонки не могут быть сыщиками, — продолжал он, — я так ей и сказал. Она, конечно, взбесилась. Я думаю, мама права: чем раньше Дефо отправят в школу, тем лучше.

— А ты не будешь скучать без нее?

— Нет конечно! Боже мой! Этот дом невозможен! Мама вечно мотается в Лондон, заставляет драматургов заново писать пьесы для нее и поднимает ужасный шум из-за всяких пустяков. Папа запирается в своей комнате с книгами и иногда даже не слышит, когда к нему обращаются. Не понимаю, почему небо наградило меня такими родителями. А мой дядя Роджер — он всегда такой сердитый, что даже страшно. С тетей Клеменс полный порядок — она никогда не пристаёт, но я часто думаю, что у нее не все дома. Тетя Эдит неплохая, но очень старая. Конечно, после приезда Софьи стало немного лучше, но она тоже бывает колючей. Странная семейка, правда? Имеют мачеху, которая по возрасту годится в сестры. Чувствуешь себя круглым дураком.

Я хорошо понимал его. Я еще помнил свою обостренную чувствительность в этом возрасте.

— А как насчет дедушки? Ты любил его?

Лицо Юстаса приняло странное выражение.

— Дедушка был явно антиобщественным элементом.

— В каком смысле?

— Он ничем не интересовался, кроме наживы. Лоуренс говорит, что это очень плохо. Кроме того, он был ужасным индивидуалистом. Такой человек должен был уйти, как вы думаете?

— Ну,— сказал я резко,— он и ушел.

— Вот и хорошо. Не хочу быть желчным, но ведь нельзя получать удовольствие от жизни в таком возрасте.

— А разве он не получал?

— Он не мог... Во всяком случае, ему пора было уйти. Он...

В этот момент в комнату вошел Лоуренс. Он начал возиться с книгами, но мне показалось, что он поглядывает на меня. Потом взглянул на часы и сказал:

— Пожалуйста, будь здесь ровно в одиннадцать, Юстас. Мы и так потеряли слишком много времени.

— О'кей, сэр.— Юстас неторопливо направился к двери и вышел, насвистывая.

Лоуренс Браун кинул на меня быстрый взгляд, облизнул губы. Я был уверен: он вернулся только для того, чтобы поговорить со мной. Делая вид, что ищет какую-то книгу, он спросил:

— Ну как, они продвигаются?

— «Они»?

— Полиция.

Его нос дергался, руки дрожали. Мышь в ловушке, подумал я.

— Они не посвящают меня в свои секреты.

— О, я думал, что ваш отец — полицейский офицер.

— Да, но, естественно, не разглашает служебные тайны.

— Значит, вы не знаете... что... если... — Его голос замер.— Они не собираются произвести арест?

— Насколько я знаю, нет. Но я могу и не знать.

Он нервно заговорил:

— Вы не представляете себе, что это такое... Постоянное напряжение... Не знаешь, что... Я хочу сказать, они приходят и уходят... задают вопросы, которые явно не относятся к делу...

Он замолчал. Я спокойно ждал. Хочет говорить — пусть говорит.

— Вы были здесь, когда инспектор высказал свое чудовищное предположение? Насчет миссис Леонидас и меня... Это чудовищно! Чувствуешь себя таким беспомощным! Нельзя помешать людям придумывать всякие

гадости. Только потому, что она была намного моложе мужа... У них грязные мысли. Я чувствую, что это заговор.

— Заговор? Интересно!

— Понимаете, семья мистера Леонидаса всегда держалась со мной очень высокомерно. Они презирали меня, смотрели на меня сверху вниз только потому, что богаты. Что я для них? Учитель. Да, я не воевал, но я всегда следовал своим убеждениям. Я считаю, что война — это величайший грех. Надо мной всегда смеялись. Однажды я кинулся в горящий дом, где оставалась женщина. Но сразу заблудился в дыму и потерял сознание. Пожарники с трудом нашли меня. Я слышал, как они говорили: «Мы бы справились и без этого дурака». Мне не стоит пытаться — все равно все против меня. Кто-то убил мистера Леонидаса, чтобы погубить меня.

— А что вы думаете о миссис Леонидас?

Он стал менее похож на мышь — больше на мужчину.

— Миссис Леонидас — ангел. Ее нежность и доброта к старику мужу были просто удивительны. Считать ее убийцей — смехотворно. И тупоголовый инспектор не понимает этого.

— В его картотеке много дел о молодых, нежных женах, отравивших своих престарелых мужей...

— Круглый идиот ваш инспектор,— сказал Лоуренс сердито.

Он подошел к книжному шкафу. Я решил, что ничего больше от него не узнаю, и медленно вышел из комнаты.

Когда я шел по коридору, открылась какая-то дверь и прямо на меня вывалилась Жозефина. Ее лицо и руки были перепачканы, на одном ухе висела паутина.

— Где ты была, Жозефина?

Я заглянул в приоткрытую дверь. Несколько ступенек вели на чердак, где стояли какие-то канистры.

— Вы не видите?

— Что ты там делала?

— Занималась розыском.

— Что можно искать на чердаке?

На это Жозефина ответила:

— Мне надо помыться.

— Я бы сказал, просто необходимо.

Жозефина исчезла в ближайшей ванной. В дверях она бросила:

— Я считаю, пора бы случиться следующему убийству. А что вы на это скажете?

— Что ты мелешь, Жозефина?

— А в книгах к этому времени всегда происходит еще одно убийство. Кто-то кого-то убирает с дороги раньше, чем тот успеет рассказать то, что знает.

— Ты читаешь слишком много детективных историй. В жизни так не бывает, а если в этом доме кто-то что-то и знает, то пока не собирается никому ничего рассказывать.

Ответ Жозефины был приглушен шумом воды.

— Иногда они и сами не подозревают о том, что что-то знают.

Я даже заморгал, стараясь понять смысл этих слов. Затем, оставив Жозефину мыться, спустился вниз.

На лестнице я встретил Бренду. Она, подойдя, положила руку мне на плечо.

— Ну?

— Ничего,— покачал я головой.

Бренда тяжело вздохнула.

— Я ужасно боюсь, Чарльз.

Я жалел ее и хотел успокоить, отчетливо представляя себе ее одиночество в этом враждебном окружении. Кто был на ее стороне? Браун? Но он слабее ее. Разве можно опереться на него в трудную минуту? Я хотел помочь ей, но что я мог сделать? Кроме того, у меня было чувство, что глаза Софьи с упреком наблюдали за мной. Я вспомнил, как Софья сказала: «Итак, она вас уже прибрала к рукам». Софья не видела, вернее, не хотела видеть отчаянного положения Бренды. Одна, без всякой поддержки, подозреваемая в убийстве...

— Следствие назначено на завтра,— сказала Бренда.— Что же будет?

— Ничего. Вам нечего беспокоиться. Следствие обяжет полицию продолжать поиски. Вероятно, газеты поместят соответствующую информацию. До сих пор ведь ничего не сообщали о насильственной смерти мистера Леонидаса. Видимо, его семья обладает очень большим влиянием. Но после следствия поднимется шумиха. Вы должны быть готовы к этому.

— Газетчики — это страшно.

— Будь я на вашем месте, Бренда, я бы не давал никаких интервью. И знаете, вам следует взять адвоката...

Она пришла в дикий ужас.

— Нет-нет, не в этом смысле. Но ведь кто-то должен

защищать ваши интересы, наставлять вас, советовать вам. Понимаете, вы очень одиноки...

Она сжала мою руку.

— Да. Вы все понимаете. Вы очень помогли мне, Чарльз. Очень...

Я спустился по лестнице с приятным чувством удовлетворения.

У входной двери стояла Софья.

— Как вас долго не было,— сказала она сухо.— Вам звонили из Лондона. Отец ждет вас.

— В Скотланд-Ярде?

— Да.

— Интересно, зачем я им понадобился. Они не скажали?

Софья покачала головой. В ее глазах я прочел беспокойство.

Я привлек ее к себе.

— Не беспокойтесь, дорогая, я скоро вернусь.

Глава 17

В кабинете отца обстановка была напряженной. Мой Старик сидел за столом. Инспектор Тавернер стоял у окна. В кресле для посетителей — мистер Гейтсхилл, очень возбужденный.

— ...просто поразительное недоверие! — услышал я конец фразы.

— Конечно, конечно,— сказал отец примирительным тоном.— Хэлло, Чарльз, как ты долго ехал! Произошло неожиданное событие!

— Беспрецедентное! — воскликнул мистер Гейтсхилл. Он был потрясен до глубины души.

— Сегодня утром,— продолжал отец,— мистер Гейтсхилл получил письмо от мистера Агродополуса, владельца ресторана «Дельфы». В молодости Леонидас оказал ему большую услугу, и мистер Агродополус был ему беспрельдно предан. Как оказалось, Леонидас очень ему доверял.

— Я бы никогда не поверил, что Леонидас так скрытен и недоверчив,— перебил Гейтсхилл.— Конечно, он был в преклонном возрасте...

— Сказалась национальность. Понимаете, Гейтсхилл, когда человек стареет, он больше думает о молодости и о друзьях тех лет.

— Но я вел дела Леонидаса свыше сорока лет. Если быть точным, сорок три года и шесть месяцев.

— Что случилось? — спросил я.

Мистер Гейтсхилл открыл рот, но отец опередил его.

— Мистер Агродополус сообщил в своем письме, что он выполняет инструкции, полученные им от мистера Леонидаса.

Около года тому назад Леонидас передал ему запечатанный конверт с просьбой переслать это мистеру Гейтсхиллу сразу после его смерти. В том случае, если Агродополус умрет раньше, его сын, крестник Леонидаса, должен был выполнить это поручение. Мистер Агродополус извиняется за задержку. Он был очень болен и только вчера узнал о смерти своего друга.

— Все это в высшей степени непрофессионально, — пробормотал мистер Гейтсхилл.

— Когда мистер Гейтсхилл вскрыл конверт и ознакомился с содержанием письма, он решил, что его долг...

— При данных обстоятельствах, — вставил Гейтсхилл.

— ...показать нам письмо. К письму было приложено завещание, составленное по всей форме.

— Итак, наконец-то обнаружилось завещание?

Мистер Гейтсхилл стал багровым.

— Это не то завещание, которое я писал по просьбе мистера Леонидаса. Это завещание, написанное его собственной рукой, что чрезвычайно опасно для неспециалиста. Видимо, он сделал это сознательно, чтобы оставить меня в дураках.

Тавернер попытался пролить бальзам на уязвленное самолюбие адвоката.

— Он был очень стар, — заметил он. — В таком возрасте люди становятся эксцентричными.

— Мистер Гейтсхилл по телефону познакомил нас с главным пунктом завещания. Я попросил его зайти к нам и захватить с собой оба документа, а также позвонил тебе, Чарльз, — пояснил отец.

Я не совсем понимал, зачем надо было вызывать меня. Поведение отца и Тавернера показалось мне странным и необычным. В свое время я бы узнал об этом завещании, и, в конце концов, какое мне дело, как распорядился старый Леонидас своими деньгами.

Отец пристально смотрел на меня, Тавернер старательно избегал моего взгляда. Я вопросительно взглянул на Гейтсхилла.

— Это не мое дело, — начал я, — но...

— Завещательное распоряжение мистера Леонидаса не является секретным. Я счел своим долгом изложить факты полицейским властям и получил от них соответствующие указания. Насколько я понимаю, между вами и Софьей Леонидас существует, скажем, взаимное понимание.

— Я хочу жениться на ней, но при существующих обстоятельствах она не дает на это согласия.

— И правильно делает.

Я не мог с ним согласиться, но сейчас было не время спорить.

— По этому завещанию, — продолжал мистер Гейтсхилл, — датированному 29-м ноября прошлого года, мистер Леонидас оставил своей жене сто тысяч фунтов. Все остальное имущество переходит к его внучке, Софье Катерине Леонидас.

Я чуть не задохнулся. Меньше всего на свете я ожидал этого.

— Все Софье? Чрезвычайно странно. Но почему же?

— Он очень ясно изложил причины в сопроводительном письме, — сказал отец. — Вы не возражаете, мистер Гейтсхилл, если Чарльз прочтет его?

— Я в ваших руках, — холодно ответил Гейтсхилл. — Это письмо в какой-то мере объясняет странное поведение мистера Леонидаса.

Отец протянул мне письмо.

«Дорогой Гейтсхилл!

Вы будете удивлены, получив это письмо, и, по всей вероятности, оскорблены. Но у меня есть особые причины для нижеизложенного. Во всякой семье (я заметил это еще в детстве и запомнил навсегда) имеется одна сильная личность, которой приходится брать на себя ответственность за всех остальных. В моей семье таким человеком был я. Я приехал в Лондон, устроился, содержал мать и ее престарелых родителей, вызволил из тюрьмы брата, помог сестре освободиться от неудачного замужества и так далее. Бог дал мне долгую жизнь, и я мог позаботиться о своих детях и внуках. Многих унесла смерть, остальные, к моей большой радости, находятся при мне. Когда меня не станет, бремя, которое нес я, должен взять на себя кто-то другой. Сначала я думал разделить мое состояние между всеми близкими, но потом передумал. Кто-то один должен стать моим наследником и взять на себя ответственность за всю семью. Я не считаю,

что мои сыновья подходят для этого. Мой любимый сын Роджер не обладает деловыми качествами, и, хотя у него прекрасный характер, он слишком порывист, чтобы принимать правильные решения. Мой второй сын Филипп настолько не уверен в себе, что способен только на то, чтобы удалиться от практических дел. Юстас, мой внук, очень молод, и я не думаю, что он обладает нужными для этого качествами. Он слишком легко поддается чужому влиянию. Только моя внучка Софья обладает здравым смыслом, она умна, смела и великодушна. Ей я вверяю благополучие семьи и заботу о моей доброй невестке — Эдит де Хэвиленд, которой я бесконечно благодарен за ее долголетнюю привязанность.

Теперь, я надеюсь, вам понятно, почему я завещаю все свое состояние Софье. Мне гораздо труднее объяснить вам, старый друг, почему я прибегнул к обману. Мне хотелось избежать обид и осуждения, а так как сыновья были обеспечены мною раньше, не думаю, что это завещание поставит их в унижительное положение. Чтобы избежать лишних разговоров, я попросил вас составить для меня текст завещания. Я положил его на стол, закрыл верхнюю часть промокательной бумагой и попросил позвать слуг. Когда они пришли, я немного передвинул промокательную бумагу, открывая тем самым конец какого-то документа, подписал свое имя и попросил подписать их.

Едва ли нужно объяснять то, что мы подписали завещание, приложенное к этому письму, а не составленное вами и прочитанное мною вслух.

Я не могу надеяться, что вы поймете причины, побудившие меня поступить именно так. Я просто прошу вас простить мне этот маленький обман. Все очень старые люди любят иметь свои секреты.

Благодарю вас, дорогой друг, за вашу преданность. Передайте Софье, что я очень любил ее и просил позаботиться о семье.

Искренне ваш Аристид Леонидас.»

Я прочел это замечательное письмо с глубоким интересом.

— Невероятно!

— В высшей степени невероятно, — подтвердил мистер Гейтсхилл, вставая. — Я повторяю, что мой старый друг мистер Леонидас должен был довериться мне, — добавил он с обидой.

— Нет, Гейтсхилл, — сказал отец, — он не мог так по-

ступить. Он был прирожденный обманщик. Ему нравилось, если так можно выразиться, поступать криво.

Гейтсхилл вышел. Он был оскорблен в своем профессиональном достоинстве.

— Это здорово потрясло его, — заметил Тавернер. — Очень почтенная, уважаемая фирма. Когда старый Леонидас хотел проверить сомнительную сделку, он обращался к другим. Да, он определенно был обманщик.

— Особенно в вопросах завещания, — сказал отец.

— Мы дураки, — продолжал Тавернер. — Если подумать хорошенько, единственным человеком, который мог проделать фокус с завещанием, был сам старик. Нам просто не пришло в голову, что ему это понадобится.

Я вспомнил презрительную усмешку Жозефины и ее слова: «Какая полиция глупая!»

Но Жозефина не присутствовала при чтении завещания, и, даже если она подслушивала под дверью (в чем я почти не сомневался), она вряд ли могла догадаться о том, что задумал ее дедушка. Откуда же это высокомерие? Что она могла знать о глупости полиции? Или она просто пускала пыль в глаза?

Удивленный их молчанием, я поднял глаза. Отец и Тавернер наблюдали за мной. Что-то в их глазах заставило меня сказать им с вызовом:

— Софья ничего об этом не знала!

— Нет?! — произнес отец.

Я не понял, было это согласием или вопросом.

— Она будет ужасно удивлена.

— Да?

Наступила пауза. И вдруг в тишине неожиданно резко прозвучал звонок телефона. Отец взял трубку.

— Слушаю. Соедините.

Он взглянул на меня.

— Звонит твоя барышня. Хочет поговорить с нами. Что-то срочное. — Он передал мне трубку.

— Алло, Софья?

— Чарльз? Это вы? Жозефина...

— Что с ней?

— Ранена в голову. Сильное сотрясение мозга. Она в тяжелом состоянии...

Я повернулся к отцу.

— Ранили Жозефину.

Отец взял трубку, резко бросив мне:

— Я предупреждал, что ты должен проследить за ре-бенком...

Мы с Тавернером немедленно выехали на полицейской машине. Я вспомнил нашу встречу на чердаке и небрежное замечание Жозефины:

— Пора произойти второму убийству.

Бедная девочка не подозревала, что сама может оказаться жертвой. Конечно, я виноват в том, что недосмотрел за ней. Вполне возможно, что Жозефина знала, кто отравил старого Леонидаса. Занимаясь своим любимым делом — подслушиванием, она могла узнать что-то такое, чему сама не придавала должного значения.

Вспомнил я и ветку, хрустнувшую под чьими-то ногами. В тот момент у меня было предчувствие опасности, но потом я подумал, что мои подозрения мелодраматичны и беспочвенны. А ведь я должен был понимать, что тот, кто совершил убийство, оказался в отчаянном положении и, следовательно, готов совершить еще одно, если это как-то поможет ему отвести от себя подозрения. Но, увы, теперь уже ничего нельзя поправить!

Софья вышла мне навстречу.

Жозефину увезли в больницу. Доктор Грей должен сообщить о результатах рентгеновского обследования.

— Как это случилось? — спросил Тавернер.

Софья повела нас в маленький, заброшенный дворик позади дома. На одном из углов мы увидели отворенную дверь.

— Это что-то вроде прачечной, — пояснила Софья. — В низу двери есть отверстие для кошек. Жозефина обычно становилась на край выемки и раскачивалась на двери. Это было ее любимым занятием.

Прачечная оказалась маленькой и темной. В ней стояли какие-то сундуки, ломаная мебель, кое-какой садовый инструмент. У двери валялся кусок мрамора, изображающий льва.

— Это осколок от парадной двери, — сказала Софья. — Видимо, в момент покушения его установили на верхней перекладине.

Тавернер поднял руку. Он легко достал до перекладины — дверь была низкой. Потом несколько раз открыл и закрыл дверь. Затем нагнулся к куску мрамора.

— Кто-нибудь трогал его?

— Нет, я никому не позволила.

— Хорошо. Кто нашел Жозефину?

— Я. Она не пришла к обеду (она обедает в час дня).

Нэнни звала ее, но безрезультатно. Тогда я сказала, что сама схожу за ней.

— Вы говорили, что она часто играла здесь? Кто знал об этом?

Софья пожала плечами.

— Думаю, все знали.

— Кто еще заходил сюда? Садовник?

— Вряд ли.

— Этот дворик не просматривается из дома? Значит, любой мог проскользнуть сюда и устроить эту ловушку. Но не так много шансов... — Он снова открыл и закрыл дверь. — Да, мрамор мог пролететь мимо. Но ей не повезло.

Софья вздрогнула.

Тавернер посмотрел на пол. На нем видны были отметины.

— Похоже, что кто-то сначала экспериментировал, чтобы убедиться, насколько все это слышно в доме.

— Нет, мы и понятия не имели, что с Жозефиной что-то случилось, пока я не нашла ее распростертой на земле, лицом вниз. На волосах была кровь.

— Это ее шарф?

— Да.

Обернув руку шарфом, он поднял кусок мрамора.

— Могут быть отпечатки пальцев. Хотя тот, кто это сделал, очень осторожен. На что вы смотрите?

Я внимательно осмотрел комочки земли на сиденье табуретки.

— Любопытно, — сказал Тавернер. — Кто-то становился на табуретку ногами. Зачем бы это? — Он покачал головой. — Когда вы нашли ее, мисс Леонидас?

— Минут пять второго.

— А ваша Нэнни видела ее за двадцать минут до этого. Кто последний входил в прачечную?

— Не знаю. Вероятно, сама Жозефина. Утром она здесь качалась.

Тавернер кивнул.

— За это время кто-то и подстроил ловушку. Вы говорили, что этот кусок мрамора обычно находился над парадной дверью. Не знаете, когда он исчез оттуда?

Софья покачала головой.

— Сегодня дверь не держали открытой. Слишком холодно.

— Вы случайно не знаете, что делали утром остальные члены семьи, где каждый из них был в это время?

— Я была на прогулке. Юстас и Жозефина делали уроки до половины первого. В половине одиннадцатого у них был перерыв. Отец, я думаю, все утро провел в библиотеке.

— А ваша мама?

— Она как раз выходила из спальни, когда я вернулась с прогулки. Это было в начале первого. Она поздно встает.

Мы направились в дом. Я последовал за Софьей в библиотеку. Филипп, бледный и осунувшийся, сидел на своем обычном месте за столом. Магда, свернувшись у его колен, тихо плакала.

Софья спросила, звонили ли из больницы.

Филипп отрицательно покачал головой. Магда зарыдала.

— Почему мне не позволили поехать с ней? Мое дитя, мое забавное, уродливое дитя! А я еще называла ее подкидышем, и она злилась! Как я могла быть такой жестокой? А теперь она умрет.

— Успокойся, дорогая,— сказал Филипп.

Я почувствовал себя лишним и тихо вышел. На кухне плакала Нэнни.

— Это меня Бог наказал, мистер Чарльз, за мои мысли.

Я не стал вдумываться в значение ее слов.

— В этом доме завелось зло. Я не хотела верить этому, но теперь вижу. Кто-то убил хозяина, а теперь пытался убить Жозефину.

— А зачем ему надо было убивать Жозефину?

Нэнни отняла от лица носовой платок и бросила на меня пронизательный взгляд.

— Вы сами хорошо знаете, мистер Чарльз, что это был за ребенок. Ей нравилось все знать. Совсем еще крошкой она пряталась под столом и подслушивала разговоры слуганок, а потом запугивала их. Понимаете, хозяйка не очень любила ее. Жозефина всегда была очень некрасива, не такая, как остальные дети. Хозяйка виновата в том, что Жозефина стала злой. А теперь, когда в доме убийца, очень опасно заниматься подсматриванием и подслушиванием.

Да, это было опасно. И я спросил Нэнни:

— Вы не знаете, где она хранит свою черную записную книжку?

— Нет, не знаю.

— Когда ее нашли, книжки при ней не было?

— Нет.

Взял ли кто-нибудь эту книжку, или она спрятала ее в своей комнате? Я решил проверить, но не знал, где комната Жозефины, а пока стоял в коридоре, раздумывая, услышал голос Тавернера:

— Я в ее комнате, входите же! Вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

Я переступил порог и замер.

Было похоже, что по этой комнате пронесся ураган. Все ящики были выдвинуты, а их содержимое разбросано по полу. Кровать разворочена, ковры перевернуты, стулья опрокинуты, фотографии вынуты из рамок.

— Бог мой! — воскликнул я. — Сразу видно — что-то искали. Но все это невозможно сделать, чтобы не услышали и не увидели остальные обитатели дома.

— Почему невозможно? Миссис Леонидас проводит все утро в своей спальне, делает маникюр, выбирает туалет, звонит по телефону. Филипп занимается в библиотеке, нянька — на кухне. В доме, где каждый знает привычки друг друга, это несложно. Если хотите, любой обитатель дома мог устроить ловушку для ребенка и обыскать ее комнату. Правда, этот человек очень торопился.

— Так уж и любой?

— Да, я проверил. И Филипп, и Магда, и нянька, и даже ваша невеста. Бренда почти все время одна. У Лоуренса и Юстаса был получасовой перерыв. Мисс де Хэвиленд была в саду, тоже одна. Роджер — в своем кабинете.

— Только Клеменс была в Лондоне.

— Нет, она оставалась дома из-за головной боли. Любой мог это сделать, будь они неладны, но я понятия не имею, кто именно. Что они искали?

Он еще раз окинул комнату взглядом. Что-то заневелилось в моей памяти.

— Что она делала, когда вы ее видели в последний раз?

И тут я вспомнил.

— Подождите! — Я опрометью выскочил из комнаты и побежал на чердак. Жозефина сказала, что производила там «розыск». Вероятно, она прятала там то, что боялась хранить в своей комнате.

Через три минуты я нашел то, что искал, — пачку писем, завернутых в порванную коричневую бумагу. Я прочел первое письмо.

«О, Лоуренс, дорогой мой, любимый мой... Когда я вчера читала стихи, то была счастлива. Я знала, что они предназначались мне, хотя вы и не смотрели в мою сторону. Аристид сказал: „Вы хорошо читаете“. Он не догадался, что мы оба переживаем. Дорогой мой, я уверена, что скоро все будет хорошо. Мы будем рады, что он ничего не узнал и умер спокойно. Он был очень добр ко мне, и я не хочу, чтобы он страдал. Но я не думаю, что после восьмидесяти лет интересно жить. Я бы не хотела. Скоро мы будем навсегда вместе. Как чудесно будет, когда я сумею назвать вас моим дорогим мужем. Любимый мой, мы созданы друг для друга. Я люблю вас, люблю, люблю. Я не вижу конца нашей любви, она будет вечной...»

Там было еще очень много написано, но мне не захотелось читать дальше. Я спустился вниз в отвратительном настроении и передал письма Тавернеру.

— Возможно, наш неизвестный друг искал именно это.

Тавернер прочел несколько строк, свистнул и поглядел на меня, как кот, наевшийся вкусных сливок.

— Ну,— сказал он,— песенка миссис Бренды спета. И Лоуренса — тоже. Так это все-таки были они...

Глава 19

Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне странно вспомнить, что вся моя жалость и симпатия к Бренде мгновенно исчезли, как только я нашел эти письма. Может быть, пострадало мое самолюбие, когда я узнал, что она лгала мне и любит Лоуренса? Не знаю. Я не психолог. Предпочитаю думать, что меня мучили мысли о Жозефине.

— Теперь ясно, что ловушку подстроил Браун,— сказал Тавернер.— Письма каким-то образом оказались у девочки. И ему необходимо было отобрать их у нее. Даже если она станет болтать, ей без писем никто не поверит. Но он не мог их найти. Тогда осталось одно — убрать ее. Он знал, что она любит играть в заброшенном дворике. Идеальным было дожидаться ее прихода за дверью и ударить кочергой или другим тяжелым предметом. Там их было полно. Казалось бы, зачем возиться с мраморным львом, который может и не попасть в нее, а если и попадет, может и не убить, как и случилось. Я спрашиваю, зачем?

— Ну и каков ответ?

— Сначала я думал, что кто-то обеспечивал себе алиби, но потом оказалось, что ни у кого его нет. Кроме того, все равно кто-то нашел бы девочку, увидел кусок мрамора и понял, как было совершено покушение. Если бы убийца отнес мрамор на место, я бы не знал, что и думать.

— А как вы это теперь объясняете?

— Вы помните идиосинкразию Брауна? Он не терпит насилия — из-за этого и не воевал. Он просто не мог ударить ее по голове, но мог подстроить ловушку и уйти, чтобы не видеть, как все произойдет.

— Понимаю,— сказал я.— Это то же, что эзерин в пузырьке из-под инсулина.

— Именно.

— Вы думаете, Бренда не знала об этом?

— Думаю, что нет. Только этим можно объяснить тот факт, что она не выбросила бутылочку. Конечно, они могли это придумать вместе — легкая смерть для ее усталого, старого мужа — и все к лучшему в этом лучшем из миров. Но я готов спорить, что к покушению на Жозефину она не имела никакого отношения. Женщины, как правило, не очень верят во всякие чисто механические действия. И они правы. Это не наверняка. Видимо, эзерин был ее идеей, а все остальное придумывал он. Бренда из тех людей, кто избегает действовать напрямую, поэтому у них совесть спокойна. Я думаю, эти письма помогут нам завершить следствие. А потом, если ребенок поправится, все будет великолепно. Интересно, как чувствует себя человек, который скоро вступит в брак с миллионом фунтов стерлингов?

Я нахмурился. За это время я успел забыть о завещании.

— Софья еще ничего не знает? Хотите, чтобы я ей сказал?

— Насколько я понял, Гейтсхилл собирается преподнести им это печальное (или радостное?) известие завтра, после следствия. Интересно, как прореагирует на это семья?

Глава 20

Предварительное следствие закончилось быстро.

Все были в хорошем настроении, потому что накануне из больницы сообщили, что Жозефина поправляется.

Доктор Грей подчеркнул, что к ней, однако, никого не пропустят, даже мать.

— Ее — ни в коем случае, — тихо сказала Софья. — Я специально предупредила об этом доктора Грея.

Видимо, мой взгляд выразил недоумение, потому что Софья резко добавила:

— Я очень рада, Чарльз, что у вас сохранились хоть в чем-то старомодные взгляды. Но вы еще не знаете, на что способна моя мама. Она просто ничего не может поделать с собой: она бы закатила грандиозную драматическую сцену, а это не лучшее лекарство для человека, который поправляется после ранения в голову. Нет, Жозефине необходим полный покой.

— Вы успеваете обо всем подумать, любимая.

— Кто-то должен думать обо всем теперь, когда дедушки нет с нами.

Я задумчиво посмотрел на нее. Здравый смысл старого Леонидаса не обманул его. Софья уже чувствует свою ответственность за всю семью.

После завершения следствия мы все отправились домой. Гейтсхилл пошел с нами. Собрав всю семью, он откашлялся и торжественно объявил:

— Я должен исполнить свой долг и сделать вам следующее заявление.

Так как я уже знал, о чем пойдет речь, то приготовился наблюдать за реакцией присутствующих.

Гейтсхилл говорил коротко и сухо, ничем не выдавая своего раздражения.

Сначала он прочел письмо Аристиды, потом завешание.

Мне было очень интересно наблюдать за всеми — я только жалел, что не могу видеть их всех одновременно. Я не смотрел на Бренду и Лоуренса. По этому завещанию Бренда получала ту же сумму.

Больше всего меня интересовали Роджер и Филипп. У меня сложилось впечатление, что все держались очень хорошо. Губы Филиппа были плотно сжаты, красивая голова откинута на спинку кресла. Он так ничего и не сказал.

Магда же начала трещать, как только мистер Гейтсхилл выполнил свою миссию.

— Дорогая Софья, как это удивительно, как романтично! Подумать только — наш старый дедушка всех перекричал! Он не доверял нам, он думал, мы рассердимся? Он никогда не выказывал к Софье больше любви,

чем ко всем нам. Нет, это действительно очень драматично!

Магда легко вскочила на ноги, сделала пируэт и присела перед Софьей в придворном реверансе.

— Мадам Софья, ваша бедная, разоренная мамочка просит подаяния. — Она перешла на жаргон: — Подай мне грошик, дорогуша. Твоя мама хочет пойти в кино.

Ее рука жадно протянулась к Софье.

Не разжимая губ и не пошевелившись в кресле, Филипп сказал:

— Пожалуйста, Магда, успокойся. Нет нужды устраивать шутовские представления.

— О Роджер! — воскликнула Магда, поворачиваясь к нему. — Бедный, дорогой Роджер! Любимый папочка готов был прийти вам на помощь — и вдруг умер. А теперь Роджер ничего не получит. Софья, ты непременно должна что-то сделать для Роджера.

— Нет, — возразила Клеменс, делая шаг вперед. — Нам ничего не надо.

Роджер подошел к Софье и ласково взял ее за руки.

— Мне не нужно денег, дорогая девочка. Как только все выяснится, мы с Клеменс уедем в Вест-Индию и начнем новую жизнь. Если мы будем нуждаться, я, конечно, обращусь к главе семьи. — Он ободряюще улыбнулся Софье. — Но пока мне ничего не нужно. Я живу очень просто, у меня небольшие потребности.

— Все это очень хорошо, — неожиданно сказала Эдит, — но надо считаться с общественным мнением. Если тебя объявят банкротом, Роджер, а потом ты уедешь на другой конец света, будет много разговоров, задевающих Софью.

— Какое нам дело до мнения толпы! — презрительно заметила Клеменс.

— Мы знаем, что тебе до этого нет дела, но Софья живет здесь. У нее доброе сердце, и она — умница. Я не сомневаюсь, что Аристид поступил правильно, избрав ее хранительницей семейного состояния, хотя обделять сыновей, по нашим, английским понятиям, по меньшей мере странно. Но я думаю, будет неприлично, если станут говорить, что она оказалась жадной.

Роджер подошел к Эдит и обнял ее.

— Тетя Эдит, ты прелесть! Ты упрямый боец, но не хочешь понять одного: мы с Клеменс сами знаем, что нам нужно и чего не нужно.

На худом лице Клеменс выступили красные пятна.

— Никто из вас,— вызывающе сказала она,— не понимает Роджера. Вы никогда его не понимали и, наверное, никогда не поймете. Пойдем, Роджер.

Они удалились.

Мистер Гейтсхилл начал собирать бумаги. Лицо его выражало неодобрение.

Я взглянул на Софью. Она стояла у камина, очень спокойная и очень красивая. Она только что получила громадное наследство, но я думал сейчас только о том, какой одинокой вдруг стала Софья. Между нею и ее семьей вырос невидимый барьер. С этой минуты она была отделена от них, и мне показалось, что она уже поняла это. Старый Леонидас передал ей свое время. Он был уверен, что Софья справится, но мне было безумно ее жаль. Я уже чувствовал скрытую враждебность семьи к ней.

— Позвольте мне поздравить вас, Софья,— обратился к ней мистер Гейтсхилл.— Вы теперь очень богатая женщина. Я бы советовал вам не принимать опрометчивых решений. Если вы пожелаете обсудить со мной дальнейшее устройство дел, я буду счастлив помочь вам. Когда вы все обдумаете, позвоните мне.

— Роджер...— начала Эдит упрямо.

— Роджер,— продолжал мистер Гейтсхилл,— должен сам позаботиться о себе. Он уже взрослый — ему пятьдесят четыре года, если не ошибаюсь. Аристид был совершенно прав — у Роджера нет деловой жилки. И не будет.— Он взглянул на Софью.

— Если вы захотите поставить компанию на ноги, не думайте, ради Бога, что Роджер сможет успешно вести дела.

— Мне и в голову не придет ставить компанию на ноги,— парировала Софья.

Это были ее первые слова. Она сказала их деловым, решительным тоном.

— Это было бы идиотизмом,— добавила она.

Гейтсхилл взглянул на нее исподлобья и улыбнулся. Затем попрощался и вышел.

Несколько мгновений все молчали.

— Я должен вернуться в библиотеку,— сказал Филипп вставая.— Я и так потерял слишком много времени.

— Папа...— умоляюще произнесла Софья.

Я увидел, как она вздрогнула и отступила, когда Филипп поднял на нее холодные, враждебные глаза.

— Извини, я не поздравил тебя, но я слишком потрясен. Никогда не думал, что мой отец так унижит меня, настолько пренебрежет моей любовью и преданностью.

Впервые он отбросил свою привычку сдерживаться и стал самим собой.

— Бог мой! — воскликнул он.— Как мог отец так поступить со мной?! Он всегда был несправедлив ко мне... всегда...

— О нет, Филипп,— вступилась Эдит,— ты не должен так думать. Не надо относиться к этому как к очередной обиде. Это не обида. Уверю тебя, что это не так. Когда люди старятся, они, естественно, обращаются к молодому поколению. Кроме того, Аристид был деловой человек. Я часто слышала, как он говорил, что две доли налогов на наследство...

— Он никогда не любил меня! — перебил ее Филипп.— Роджер, всегда Роджер. Ну, по крайней мере,— неистовая злоба исказила его лицо,— отец понял, что Роджер дурак и неудачник. Он его тоже обошел.

— А как насчет меня? — спросил вдруг Юстас.

До этого я его почти не замечал, но теперь увидел, что он весь дрожит. Он чуть не плакал.

— Позор! — истерически кричал он.— Проклятый позор! Как посмел дедушка так поступить со мной?! Как он посмел? Я его единственный внук. Как он мог отдать все Софье? Это нечестно! Я ненавижу его, никогда не прощу ему. Отвратительный старый тиран! Я так хотел, чтобы он умер. Я мечтал уехать из этого дома, освободиться от всех. А теперь Софья будет вмешиваться в мою жизнь, и я вечно буду в дураках... Боже мой! Как я хочу умереть!

Его голос прервался, и он выбежал из гостиной.

— Никакого самообладания,— пробормотала Эдит де Хэвиленд.

— А я его хорошо понимаю! — воскликнула Магда.

— Не сомневаюсь в этом,— ехидно ответила Эдит.

— Бедный мальчик! Я должна поговорить с ним!

— Послушай, Магда...— Эдит поспешила за ней.

Их голоса замерли в отдалении.

Софья продолжала смотреть на Филиппа. Я прочел в ее взгляде мольбу, но он холодно взглянул на нее.

— Ты хорошо сыграла эту игру, Софья.— И он вышел.

— Как он мог произнести такие жестокие слова! — воскликнул я.— Софья...

Она протянула ко мне руки. Я обнял ее.

— Это уж слишком, дорогая.

— Я их понимаю.

— Этот старый дьявол, ваш дедушка, не должен был ставить вас в такое положение.

Она выпрямилась.

— Он верил, что я справлюсь. Так и будет. Но я бы хотела, чтобы Юстас не так тяжело это переживал.

— Со временем пройдет.

— Не похоже. Он из тех людей, кто мрачно смотрит на вещи. И я страшно огорчена, что отец так уязвлен.

— Ну, хоть мама спокойна.

— Не совсем. Не очень приятно приходиться к дочери и выпрашивать деньги на постановку пьесы. Она накинется на меня со своей Эдит Томпсон раньше, чем вы успеете оглянуться.

— А что вы ей ответите? Если деньги могут сделать ее счастливой...

— Я скажу — нет. Это очень плохая пьеса, и мама не справится с ролью. Это все равно, что выбросить деньги на ветер.

Я не мог не рассмеяться.

— В чем дело?

— Я начинаю понимать, почему дедушка оставил все деньги вам. Яблоко от яблони недалеко падает.

Глава 21

Единственное, о чем я сожалел, — это то, что не было Жозефины. Она бы получила огромное удовольствие от этих распрей. Но Жозефина быстро поправлялась, и ее ждали со дня на день домой.

А тут произошло еще одно важное событие, которое она тоже пропустила. Я как раз был в саду с Софьей и Брендой, когда к дому подъехала машина, из которой вышли Тавернер и сержант Ламб. Они быстро направились к дому.

Бренда замерла и как-то странно посмотрела на полицейскую машину.

— Опять эти люди. Они вернулись. А я думала, что все уже позади. — Она вздрогнула.

Бренда присоединилась к нам за несколько минут до этого. Завернувшись в шинилловое манто, она сказала:

— Если я не подышу свежим воздухом, то сойду с ума. Когда бы ни вышла за ворота, там дежурит репор-

тер, который набрасывается на меня. Это похоже на осадное положение. Неужели так будет продолжаться вечно?

Софья сказала, что репортерам все это скоро надоест.

— Вы можете ездить на машине, — добавила она.

— Я же сказала, что мне нужно двигаться! — Потом вдруг резко спросила: — Вы отказали Лоуренсу от места, Софья, почему?

— У нас другие планы насчет Юстаса, — спокойно ответила Софья, — а Жозефина уезжает в Швейцарию.

— Вы очень расстроили Лоуренса. Он думает, что вы не доверяете ему.

Софья ничего не ответила, в этот момент и подъехала машина.

Совершенно расстроенная, Бренда повторила:

— Что им надо? Зачем они приехали?

Я ничего не сказал Софье о письмах, но знал, что они были переданы общественному обвинителю, поэтому меня не удивило появление полиции.

Тавернер вышел из дома и направился к нам. Бренда вся дрожала.

— У меня есть ордер на ваш арест, — обратился он к ней, — по обвинению в отравлении Аристиды Леонидаса 19-го сентября сего года. Должен предупредить вас, что все, что вы скажете, может послужить уликой в суде.

И тут Бренда не выдержала: она бросилась ко мне, заплакала, закричала.

— Нет-нет-нет! Это не правда! Чарльз, скажите им, что это неправда! Я не делала этого, я ничего об этом не знала. Это заговор. Не позволяйте им увозить меня. Это неправда... неправда... я ничего не делала!..

Это было ужасно, невыносимо. Я пытался успокоить ее, обещал ей, что найму адвоката, советовал ей сохранять спокойствие.

Тавернер мягко взял ее под руку.

— Пойдемте, миссис Леонидас. Вам не нужна шляпа? Нет? Тогда мы сейчас же едем.

Она вырвалась, глядя на него огромными глазами.

— Лоуренс? Что вы сделали с Лоуренсом?

— Мистер Лоуренс Браун тоже арестован.

Она сразу поникла, по щекам потекли слезы, и тихо пошла к машине. В эту минуту из дома вышел Лоуренс в сопровождении сержанта Ламба.

Я глубоко вздохнул и повернулся к Софье. Она была очень бледна, лицо ее выражало отчаяние.

— Это ужасно, Чарльз!

— Да.

— Вы должны нанять самого лучшего адвоката. Ей надо оказать помощь.

— Некоторые вещи трудно себе представить. Я никогда не видел, как арестовывают.

Мы молчали. Я вспомнил выражение беспредельного ужаса на лице Бренды. Да, Бренда не была бойцом. Я поражаюсь, как ее хватило на убийство. А может быть, она не убивала? Может быть, убил Лоуренс? С его манер преследования, неустойчивой психикой, он представлялся мне опасным человеком. Перелить содержимое одной бутылочки в другую просто и легко. И женщина, которую ты любишь, становится свободной...

— Итак, все кончено? — спросила Софья. — Но почему их арестовали именно теперь? Я думала, что улики недостаточны.

— Выяснились некоторые дополнительные обстоятельства. Найдены письма.

— Вы хотите сказать, их любовная переписка?

— Да.

— Какие идиоты сохраняют такие вещи?

— Действительно, идиоты. Каждый день в газетах пишут об этой абсурдной мании сохранять письменные доказательства любви, к чему это ведет, однако почему-то это никого не научило еще.

— И все равно, это ужасно.

— Да, это очень страшно, Софья, но не стоит так мучиться. В конце концов, разве не на такой исход вы надеялись все это время? Еще тогда, в ресторане, вы говорили об этом. Вы сказали, что все будет в порядке, если дедушку убил «определенный человек». Вы имели в виду Бренду, не правда ли? Бренду или Лоуренса?

— Не надо, Чарльз. Вы мучаете меня.

— Надо смотреть на вещи реально. Теперь мы можем пожениться, Софья. Нам незачем больше откладывать свадьбу. Семья Леонидасов вышла сухой из воды.

— Да, я думаю, мы вышли сухими из воды. Но вы уверены в этом?

— Дорогая моя! Но ни у кого из вас не было настоящего повода для убийства.

Она страшно побледнела.

— Кроме меня, Чарльз. У меня был повод.

— Да, конечно... — Я был растерян. — Хотя нет, вы ничего не знали о завещании.

— В том-то и дело, что знала, — прошептала она.

— Что?! — У меня все похолодело внутри.

— Я давно знала, что дедушка сделал меня своей наследницей.

— Но каким образом?

— Он сам сказал мне об этом за две недели до смерти. Однажды он сказал мне: «Все свои деньги я оставляю тебе, Софья. Ты должна позаботиться о семье, когда меня не станет».

— Но вы ничего не говорили мне об этом!

— Понимаете, когда с завещанием произошло недоразумение, я подумала, что дедушка ошибся, что это была игра его воображения. А если и было завещание в мою пользу, я надеялась, что оно потерялось. Я не хотела, чтобы оно нашлось. Я боялась.

Софья обладала трезвым умом и прекрасно знала, что последнее завещание Леонидаса бросало на нее тень. Теперь мне стал понятен ее отказ обручиться со мной и ее стремление во что бы то ни стало добиваться истины. Она говорила, что ей нужна только истина, — ничто другое ее не устраивало. Я вспомнил, как страстно она говорила об этом.

Мы уже направились к дому, когда я вдруг вспомнил ее следующую фразу. Она сказала, что могла бы совершить убийство — но только ради чего-то очень значительного.

Глава 22

На повороте дороги мы столкнулись с Роджером и Клеменс. Роджер был очень возбужден, Клеменс хмурилась.

— Хэлло, — сказал Роджер. — Наконец-то! Я думал, они никогда не арестуют эту гадину. Не понимаю, чего они ждали? Надеюсь, теперь-то они повесят ее и ее несчастного кавалера.

Клеменс еще больше нахмурилась.

— Не будь таким грубым, Роджер!

— Грубым? Чепуха! Совершенно хладнокровное, предумышленное отравление беспомощного, доверчивого старика! И когда я радуюсь, что убийцы пойманы и понесут наказание, мне говорят, что я груб. Я бы сам с наслаждением задушил эту женщину.

Потом спросил:

— Она была с вами, когда приехала полиция? Как она отнеслась к аресту?

— Это было ужасно,— сказала Софья тихо,— она до смерти испугалась.

— Так ей и надо.

— Не будь мстительным, Роджер.

— Извини, дорогая, но тебе этого не понять. Это был ведь не твой отец. Я любил отца, понимаешь, любил!

— Мне бы пора уже понять это.

— Ну представь себе, Клеменс, что это меня отравили.

Ее веки дрогнули, руки сжались в кулаки.

— Не говори таких вещей,— резко сказала она,— даже в шутку.

— Успокойся, дорогая, скоро мы будем далеко от всего этого.

Роджер с Софьей пошли вперед, мы с Клеменс позади.

— Я думаю, теперь мне разрешат уехать,— сказала Клеменс.

— А вы так сильно хотите этого?

— У меня нет больше сил.

Я взглянул на нее с удивлением.

— Разве вы не заметили, Чарльз, что я все время борюсь? Борюсь за свое счастье, за Роджера. Я опасалась, что они уговорят его остаться в Англии. Я боялась, что Софья предложит ему деньги и ради моего комфорта он настоит, чтобы мы остались здесь. Беда в том, что Роджер никого и ничего не хочет слушать. Он думает, что сам все знает. Он в достаточной степени Леонидас, чтобы считать, будто для женщины все счастье — в деньгах. Но я больше не хочу жить в этой семье, не хочу быть связанной. Я буду бороться за свое счастье, увезу Роджера и создам ему такую жизнь, в которой он не будет чувствовать себя неудачником. Я хочу его для себя, только для себя.

Она говорила тихо, но страстно. Только теперь я понял, насколько она раздражена. И еще я понял, каким сильным и собственническим было ее чувство к Роджеру.

И тут я вспомнил странные слова Эдит: «одностороннее обожание». Может быть, это относилось к Клеменсу. Роджер, думал я, любил своего отца больше всех на свете, даже больше, чем жену, хотя он обожал ее. Теперь я понял, насколько велико было желание Клеменса

завоевать его безраздельную любовь. Ее чувство к Роджеру составляло смысл ее существования. Он был ее ребенком, мужем, любовником.

У дома остановилась машина.

— Хэлло! — воскликнул я. — А вот и Жозефина!

Магда и Жозефина вышли из машины. У Жозефины голова была забинтована, но выглядела она замечательно.

— Я хочу посмотреть моих золотых рыбок.— Она тут же направилась к пруду.

— Дорогая девочка,— возразила Магда,— может быть, ты сначала полежишь и выпьешь бульона?

— Не приставай, мама. Я хорошо себя чувствую и ненавижу бульон.

Магда растерялась.

Я знал, что Жозефина могла выйти из больницы несколько дней тому назад и только по распоряжению Тавернера ее удерживали там. Он не хотел рисковать и не разрешал ей вернуться домой до ареста подозреваемых в убийстве.

— Я думаю, свежий воздух будет ей полезен,— обратился я к Магде.— Я пройду с ней.

Потом догнал Жозефину.

— Пока тебя не было, тут произошли всякие события.

Жозефина не ответила. Она близоруко всматривалась в пруд.

— Я не вижу Фердинанда,— вдруг заявила она обеспокоенно и капризно.

— А какая из них Фердинанд?

— Рыбка с четырьмя хвостами.

— А мне нравится эта яркая золотая рыбка.

— Самая обычная.

— Ну а эта — какая-то противная, как молью съеденная.

— Много вы понимаете!

— Разве ты не хочешь узнать, что произошло в твое отсутствие?

— Я, наверное, уже все знаю.

— А ты знаешь, что найдено другое завещание и что дедушка оставил все деньги Софье?

Жозефина кивнула.

— Мама мне говорила, но я и раньше это знала.

— Ты хочешь сказать, что узнала об этом в больнице?

— Да нет же. Я сама слышала, как он говорил ей об этом.

— Ты подслушивала?

— Конечно.

— Это очень стыдно, и учти, что тот, кто подслушивает, может услышать и о себе всякие неприятные вещи. Она как-то странно взглянула на меня.

— Я слышала, что он сказал обо мне, если вы это имеете в виду.

И добавила:

— Нэнни просто бесится, если поймает меня у двери. Она говорит, что маленькая леди не должна этим заниматься.

— Нэнни совершенно права.

— Глупости! Теперь нет леди. Говорят, это понятие устарело.

Я переменял тему.

— Ты немножко опоздала и пропустила великое событие. Главный инспектор Тавернер арестовал Бренду и Лоуренса.

Я ожидал, что Жозефина будет в восторге от этой информации, но она повторила скучающим голосом:

— Да, я знаю.

— Ты не можешь знать. Это только что случилось.

— Мы встретили их машину, и я сразу догадалась, что их арестовали. Я надеюсь, Тавернер предупредил их как полагается.

Я заверил ее, что все было сделано по закону.

— Мне пришлось рассказать ему о письмах,— признался я извиняющимся тоном.— Я нашел их на чердаке. Сначала я хотел, чтобы ты сама ему об этом сказала, но тебя ранили.

— Меня должны были убить,— заявила она с явным удовольствием.— Я же говорила вам, что пора произойти второму убийству. Глупо было прятать письма на чердаке. Когда я однажды увидела, как он выходил оттуда, я сразу догадалась, что он что-то прячет. Больше ему там нечего было делать.

— Но я думал...— Я замолчал, услышав повелительный голос Эдит:

— Жозефина, сейчас же иди сюда!

Жозефина вздохнула.

— Опять пристаюг. Но я, пожалуй, пойду. Приходитесь слушаться, когда имеешь дело с тетей Эдит.

Она побежала по траве. Обменявшись с Эдит не-

сколькими словами, Жозефина вошла в дом. Я подошел к Эдит, которая осталась на террасе.

В это утро она выглядела гораздо старше своих лет. Я испугался, увидев на ее лице глубокие морщины усталости и страдания. Она была без сил.

Увидев мою озабоченность, Эдит попыталась улыбнуться.

— Этому ребенку ничего не делается. Но в будущем мы должны за ней лучше смотреть. Правда, теперь в этом нет необходимости.— Она вздохнула и продолжала:— Я рада, что все кончилось. Но что за зрелище! Если вас арестовали по обвинению в убийстве, вы должны сохранять достоинство. Терпеть не могу таких людей, как Бренда. Совершенно не умеет себя держать. У них нет мужества. А Браун был похож на пойманного зайца.

— Бедняга,— посочувствовал я.

— Да, бедняга. Я надеюсь, у нее хватит ума позаботиться о себе. Я имею в виду хорошего адвоката и тому подобное.

Странно, подумал я, как они все не любят Бренду и тем не менее заботятся о том, чтобы она была обеспечена хорошей защитой.

— Как долго все это продлится?

Я сказал, что не знаю. В полиции им предъявят обвинения и, вероятно, передадут дело в суд. Месяца три или четыре, а если их осудят, еще добавочное время на апелляцию.

— Вы думаете, их осудят?

— Я не знаю. Все зависит от улик. Имеются письма.

— Любовные письма? Значит, они были любовниками?

— Они любили друг друга.

— Мне все это не очень нравится, Чарльз. Я не люблю Бренду, а в прошлом ненавидела ее, часто говорила о ней плохо, но теперь мне бы хотелось, чтобы она имела все шансы... Аристид бы тоже этого хотел. Я чувствую, что именно я должна позаботиться о том, чтобы с Брендой обошлись честно.

— А Лоуренс?

— О, Лоуренс!— Она нетерпеливо пожалала плечами.— Мужчины должны сами заботиться о себе. Аристид никогда бы нам не простил, если бы...

Она не закончила фразу. Затем сказала:

— Наверное, уже время ленча. Нам пора идти.

Я объяснил ей, что уезжаю в Лондон.

— На своей машине?

— Да.

— Гм. Я подумала, не возьмете ли вы меня с собой.

Я надеюсь, нам теперь можно ходить без повода.

— Я с удовольствием возьму вас, но после завтрака Магда и Софья едут в город. Вам будет удобнее с ними, чем в моей двухместной машине.

— Я не хочу ехать с ними. Я поеду с вами, но вы не очень об этом распространяйтесь.

Я удивился, но смолчал.

По дороге мы почти не разговаривали. Я спросил, куда ее отвезти.

— Харлей-стрит.

У меня появилось неприятное предчувствие, но я ничего не сказал.

Она продолжала:

— Нет, пожалуй, еще рано. Высадите меня у Дебен-хейса. Я позавтракаю там, а потом пойду к доктору.

— Я надеюсь...— начал я.

— Вот поэтому я и не хотела ехать с ними. Магда во всем видит драму.

— Мне очень жаль.

— Не надо меня жалеть. Я прожила хорошую жизнь.— Она широко улыбнулась.— И она еще не кончена.

Глава 23

Я не видел отца несколько дней. Мы поздоровались, но он был очень занят, и я отправился искать Тавернера. Он как раз отдыхал и с удовольствием принял мое предложение пойти куда-нибудь выпить.

Я поздравил его с благополучным окончанием дела, и он принял мои поздравления, но вид у него был далеко не радостный.

— Как вы думаете, они будут осуждены?

— Не могу сказать. Улики недостаточные. Многое зависит от впечатления, которое они произведут на присяжных.

— А письма?

— На первый взгляд, они кажутся компрометирующими. Они пишут о совместной жизни после смерти мужа, что недолго осталось ждать. Но, конечно, защита приложит все усилия, чтобы придать этим словам дру-

гой смысл: «Муж был очень стар, и они могли ожидать его естественной смерти». Об отравлении в письмах ничего не говорится, но есть несколько подозрительных фраз.

Все зависит от судьбы. Если это будет старый Корбери, им достанется. Он ярый противник свободной любви. Защищать, по-видимому, будет Иглз или Хэмфри Керр. Хэмфри великолепен в таких делах, но он любит, чтобы было на что опереться — хороший послужной список или отличия на войне.

Знаете, Чарльз, эта парочка не очень симпатична. Она, красивая женщина, из-за денег вышла замуж за старика. Браун — неврастеник. Преступление это обычное, целиком укладывается в привычные рамки — просто трудно поверить, что они его не совершали. Конечно, присяжные могут решить, что виновен он, а она ничего не знала, или наоборот.

— А вы сами что думаете?

— Я ничего не думаю. Я собрал факты и передал дело в суд. Исполнил свой долг — и вышел из игры.

Однако я видел, что Тавернер чем-то удручен.

Только через три дня я получил возможность поговорить с отцом.

Отношения между нами были натянутые, он ни разу не упомянул о деле Леонида, и я почувствовал, что должен поговорить с ним начистоту.

— Я хотел бы узнать, что происходит, — обратился я как-то вечером к нему. — Тавернер не очень верит в их виновность, и, похоже, ты тоже не веришь.

Отец покачал головой и повторил слова Тавернера:

— Мы уже ничего не можем поделать. Этим займется суд.

— Ради Бога, не отговаривайся. Скажи мне, что думаешь лично ты.

— Мое личное мнение стоит не больше твоего, Чарльз.

— У тебя больше опыта.

— Откровенно говоря, я не знаю.

— Могут они быть виновны?

— О да!

— Но у тебя нет уверенности в этом?

Отец пожал плечами.

— Ну как можно быть уверенным?

— Ты опять увливаешься, папа. В других делах ты был уверен. У тебя не было сомнений.

— Иногда не было, иногда были.

— Я бы многое дал, чтобы ты испытал эту уверенность в данном случае.

— И я.

Мы помолчали.

Я думал о двух тенях, скользнувших в сумерках, одиноких, преследуемых. Они с самого начала испытывали страх. Разве это не говорит о нечистой совести? И сам себе ответил — не обязательно. Бренда и Лоуренс были запуганы жизнью, им не хватало уверенности в себе, и они не верили в свою способность миновать опасности и поражения.

— Послушай, Чарльз, — продолжал отец, — давай поговорим откровенно. Ты все еще думаешь, что истинный виновник убийства — член семьи Леонидас?

— Нет, я только хотел бы знать...

— Ты все время думаешь об этом. И чем больше ты отгоняешь эту мысль, тем настойчивее она возвращается.

— Пожалуй, ты прав.

— Почему?

— Потому что... они сами так думают.

— Сами так думают? Интересно! Они только подозревают друг друга или знают что-нибудь наверняка?

— Я точно не знаю. Все это очень запутанно и туманно. Мне кажется, что они пытаются скрыть это от самих себя.

Отец кивнул.

— Это не Роджер. Он от всей души верит в виновность Бренды и откровенно надеется, что ее повесят. С ним очень легко — он непосредственный. Но остальные — они как будто извиняются, просят меня обеспечить Бренду наилучшей защитой. Они не спокойны. Почему?

— Потому что в глубине души не уверены в ее виновности. Но кто мог это сделать? Ты говорил с ними? Кто больше всех подозрителен?

— Я не знаю. И это доводит меня до бешенства. Никто из них не подходит под твою схему убийцы, и все же я чувствую, что один из них — убийца.

— Софья?

— Нет, Боже сохрани, нет!

— Но такая мысль приходила тебе в голову. Не отрицай. Может быть, Филипп?

— Он всю свою жизнь ревновал отца к Роджеру. Предпочтение, которое тот оказывал Роджеру, доводило

его до бешенства. Но вот Роджер разорен. Старик обещает помочь. Допустим, об этом узнает Филипп. Если старик умрет, с Роджером будет покончено. О, я знаю, это абсурд...

— Нет, не абсурд. Это ненормально, но так бывает. А как насчет Магды?

— Она ребячлива и странно смотрит на вещи. Я бы никогда в жизни не поверил в ее виновность, если бы не удивительная поспешность, с которой она отправляет Жозефину в Швейцарию. Я чувствую, что она боится каких-то разоблачений.

— И в этот момент Жозефину стукнули по голове?

— Ну, ее мать не могла этого сделать!

— Почему нет?

— Но, папа, родная мать не станет...

— Чарльз, дорогой! Разве ты никогда не читаешь поллицейские новости? Часто бывает, что мать невзлюбит кого-нибудь из своих детей. Только одного. Остальных она может любить. У нее на это могут быть свои причины.

— Она называла Жозефину подкидышем.

— А ребенок страдал от этого?

— Не думаю.

— Кто там еще? Роджер?

— Роджер не убивал отца, в этом я уверен.

— Ладно, оставим Роджера. Ну а его жена?

— У нее были причины убить старого Леонидаса, хотя и очень странные.

Я передал отцу мой разговор с Клеменсом.

— Она уговорила Роджера уехать, ничего не сказав отцу. Отец узнал о делах компании и решил помочь. Все ее надежды и планы рухнули. А она просто преклоняется перед Роджером, она обожает его.

— Ты повторяешь слова Эдит де Хэвиленд.

— Да, я и Эдит подозреваю. Она тоже могла это сделать. Я только не знаю почему. Но я уверен, что, если она решила, будто у нее есть на то достаточные основания, она не посчиталась бы с законом. Она именно такая. И у нее хватило бы на это силы воли.

— Она тоже беспокоилась о Бренде?

— Да. Может быть, в ней заговорила совесть. Если убила Эдит, она ни за что не допустит, чтобы понесли наказание другие.

— Наверное, нет. А Жозефину она могла стукнуть?

— Нет. В это я не могу поверить. Подожди минутку,

это мне что-то напомнило, что-то не сходилось. Если бы я только мог вспомнить.

— Не думай об этом. Вспомнишь. Кто-нибудь еще?

— Да. Что ты знаешь о детском параличе? Как он действует на характер?

— Юстас?

— Да. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что это Юстас. Его отрешенность, угрюмость, обида и возмущение дедушкой. Он не нормален. И потому, он единственный член семьи, который, с моей точки зрения, мог покушаться на Жозефину, если та о нем что-нибудь знает. А это вполне возможно. Этот ребенок знает все. Она вечно записывает в книжечку...— Я осекся.— Боже мой! Какой я осел!

— В чем дело?

Я вспомнил, что не сходилось. Мы с Тавернером решили, что кто-то искал в комнате Жозефины письма. Я думал, что она завладела письмами и спрятала их на чердаке, но она потом мне ясно сказала, что их там прятал Лоуренс. Она их, конечно, читала, но оставила там до поры до времени.

— Ну и что?

— Ну как ты не понимаешь? Значит, в ее комнате искали не письма, а что-то другое.

— И это другое?

— ...ее черная книжечка, куда она записывает результаты своих расследований. Мне кажется, эту книжечку так и не нашли. Вероятнее всего, она у Жозефины. Но если это так...

Я привстал.

— Если это так,— продолжал отец,— она все еще в опасности. Ты это хотел сказать?

— Да. Ей перестанет грозить опасность только тогда, когда она уедет в Швейцарию.

— А она хочет ехать?

— Мне кажется, нет.

— Значит, она никуда не уедет. Но ты прав насчет опасности. Тебе следует поехать туда.

— Но кого опасаться?! — вскричал я в отчаянии.— Юстаса, Клеменс?

— По-моему, факты достаточно указывают направление... Я поражаюсь, как это ты не видишь. Я...

Гловер открыл дверь.

— Прошу прощения, сэр. Мистер Чарльз, звонила мисс Леонидас. Очень срочно.

Все это уже один раз было. Неужели опять с Жозефиной что-нибудь случилось?

Я взял трубку.

— Софья? Чарльз слушает.

— Чарльз, ничего еще не кончилось. Убийца еще здесь.

— Что случилось? Опять что-нибудь с Жозефиной?

— Нет, не с Жозефиной. С Нэнни.

— Нэнни?

— Жозефина не выпила свою чашку какао и оставила ее на столе. Нэнни пожалела вылить какао и выпила его.

— Бедная Нэнни! Ей очень плохо?

Голос Софьи прервался.

— О Чарльз! Она умерла.

Начался прежний кошмар.

Я думал об этом, когда мы с Тавернером выезжали из Лондона. Это было повторение нашей прошлой поездки. Кошмар подозрений продолжался.

Время от времени Тавернер приносил какое-нибудь проклятье. Я же все время повторял: «Значит, это не Бренда, значит, это не Лоуренс». Думал ли я когда-нибудь, что они виновны? Нет, не думал, но надеялся. Я был бы счастлив избежать других, более мрачных вероятностей преступления.

Они полюбили друг друга, писали глупые, сентиментальные письма, жили надеждой, что старый муж скоро мирно заснет навеки. Но я не мог поверить, что они желали ему смерти. У меня было чувство, что романтичность несчастной любви устраивала их больше, чем обыденность семейной жизни.

Я не думаю, что Бренда была страстной женщиной. Она была слишком анемична для этого, а Лоуренс скорее был способен наслаждаться мечтами и надеждами, чем радостями плоти.

Их поймали в ловушку, и, пораженные ужасом, они не сумели найти выход. Лоуренс проявил невероятную глупость, сохранив письма Бренды. Очевидно, его письма Бренда уничтожила, так как они не были найдены. Но это была глупость, и только. Совершенно ясно, что не Лоуренс виновник покушения в прачечной.

Мы подъехали к дому и вышли из машины. В холле человек в штатском, которого я не знал, приветствовал Тавернера. Они отошли в сторону.

Мое внимание привлек багаж. В это время в холл

вошла Клеменс, одетая по-дорожному. На ней было твидовое пальто и красная шляпа.

— Вы пришли вовремя, чтобы попрощаться, Чарльз. Мы могли и разминуться.

— Вы уезжаете?

— Мы сейчас едем в Лондон. Наш самолет отправляется рано утром.— Она улыбалась и казалась спокойной, но глаза были настороженные.

— Но вы не можете уехать сейчас.

— Почему нет? — В голосе ее прозвучали металлические нотки.

— В связи с этой смертью...

— Смерть Нэнни не имеет к нам никакого отношения.

— Может быть, и не имеет, но все-таки...

— Почему вы говорите «может быть»... Она действительно не имеет к нам отношения: были наверху, паковали вещи и ни разу не спускались вниз, пока какао стояло на столе.

— Вы можете это доказать?

— Я отвечаю за Роджера, а Роджер может ответить за меня.

— И ничего больше? Но ведь вы муж и жена.

Клеменс ужасно рассердилась.

— Вы невозможны, Чарльз! Мы с Роджером уезжаем, чтобы начать новую жизнь. Зачем бы нам понадобилось отравлять глупую старуху, которая не причинила нам никакого вреда?

— Может быть, вы не ее хотели отравить?

— Еще меньше вероятности, что мы собирались отравить ребенка.

— Смотри какого ребенка!

— Что вы хотите этим сказать?

— Жозефина — не обычный ребенок. Она слишком много обо всех знает. Она...

Из гостиной вышла Жозефина. Она, как всегда, ела яблоко, и у нее был очень довольный вид.

— Нэнни отравили. Совсем как дедушку. Правда, интересно?

— Разве тебя не огорчила ее смерть? — спросил я сурово.— Ты не любила ее?

— Не особенно. Она вечно приставала ко мне.

— А ты вообще кого-нибудь любишь, Жозефина? — спросила ее Клеменс.

— Я люблю тетю Эдит, очень люблю. И еще я могла

бы любить Юстаса, но он плохо ко мне относится и не интересуется убийствами.

— Тебе тоже лучше прекратить свои расследования. Это небезопасно,— заметил я.

— А мне больше и не надо. Я и так все знаю.

Глаза Жозефины торжествовали. Не мигая, она уставилась на Клеменс.

Послышался тяжелый вздох.

Обернувшись, я увидел Эдит, стоявшую на лестнице, но вздохнула явно не она. Вздох донесся из гостиной. Я бросился к двери и открыл ее. В комнате никого не было, тем не менее я забеспокоился. Кто-то стоял за дверью и слышал наш разговор.

Я подошел к Жозефине и взял ее за руку. Она продолжала есть яблоко, не отрывая глаз от Клеменс. Мне показалось, что они выражали злобное удовлетворение.

— Пойдем, Жозефина, нам пора поговорить.— Я силой потащил девочку в ту часть дома, где была ее спальня. Там нам не помешают. Я провел ее в пустую комнату, закрыл дверь и заставил сесть. Сам сел напротив.

— Итак, Жозефина, что ты знаешь?

— Много чего.

— В этом я не сомневаюсь. Твоя голова набита множеством нужных и ненужных вещей. Но ты знаешь, о чем я говорю.

— Конечно знаю! Я же не дура.

— Ты знаешь, кто положил яд в чашку с какао?

Жозефина кивнула.

— Ты знаешь, кто отравил дедушку?

Опять кивок головой.

— А кто стукнул тебя по голове?

Она снова кивнула.

— Значит, ты мне сейчас же все расскажешь.

— И не подумаю.

— Тебе придется. Все, что ты знаешь, ты обязана сообщить полиции.

— Я ничего им не скажу. Они глупые. Они подозревают Бренду и Лоуренса, а я с самого начала знала, что они не виновны. Я сделала опыт и теперь знаю, кто убийца.

Я попросил у неба терпения и начал все сначала.

— Послушай, Жозефина, ты, конечно, чрезвычайно умна, но что толку в твоём уме, если ты не сумеешь получить от этого удовольствие? Разве ты не понимаешь, дуручка, что, пока ты держишь в секрете имя убийцы, ты все время в опасности?

Жозефина одобрительно кивнула.

— Конечно понимаю.

— На тебя уже было два покушения. Один раз чуть не погибла ты, второй — стоил жизни бедной Нэнни. Если ты будешь расхаживать по дому и орать во все горло, что ты знаешь, кто убийца, опять случится беда.

— В некоторых книгах убивают всех действующих лиц, а выживает один убийца.

— Это же детективный роман, а не жизнь. А ты — маленькая, глупая девчонка, которая читала больше, чем ей полагается. Я заставлю тебя говорить, даже если мне придется вытрясти из тебя душу.

— Я всегда вам могу сказать неправду.

— Ты можешь мне сказать, чего ты ждешь?

— Вы не понимаете. Может быть, я никогда не скажу. Может быть, я люблю того человека. А уж если я скажу, то по всем правилам. Соберу всех вместе, расскажу все сначала, приведу все доказательства, а потом скажу: «Это вы...» — Она драматическим жестом выгнула указательный палец, и в этот момент в комнату вошла Эдит де Хэвиленд.

— Брось огрызок в корзину, Жозефина, и вытри руки. У тебя есть платок? Мы едем на прогулку.

Она обратилась ко мне:

— Ей лучше не оставаться здесь в ближайшие часы.

Жозефина приготовилась было возражать.

— Мы поедem в Лонгбридж, и я куплю тебе мороженое.

Жозефина просияла.

— Две порции.

— Может быть, там видно будет. А теперь пойдй оденься. Сегодня холодно. Чарльз, будьте добры, побудьте с ней, пока она оденется. Не оставляйте ее одну, мне надо написать несколько писем.

Она присела к письменному столу, а я вышел вместе с Жозефиной.

Даже если бы Эдит не попросила меня, я все равно бы не отпустил Жозефину одну. Я был уверен, что ей грозит опасность.

Когда Жозефина закончила свой туалет, в комнату вошла Софья. Она удивилась, увидев меня.

— Что это, Чарльз? Вы нянчите Жозефину? Я не знала, что вы здесь.

— Я еду с тетей Эдит на машине, — важно заявила Жозефина. — Мы будем есть мороженое.

— Брр, в такой-то день!

— Ну и что? Мороженое всегда полезно. Если тебе холодно снаружи, оно согревает изнутри.

Софья нахмурилась. Она выглядела очень усталой, и я испугался, заметив ее бледность и черные круги под глазами.

Мы вернулись к Эдит. Она как раз закончила писать и держала в руке два конверта.

— Мы выезжаем сейчас же. — Она быстро встала. — Я приказала Эвенсу подать «форд».

Эдит направилась в холл. Мы последовали за ней. Мне на глаза опять попался багаж с наклеенными ярлыками, и я почувствовал смутное беспокойство.

— Прекрасная погода, — заметила Эдит, натягивая перчатки.

Машина уже стояла у входной двери.

— Холодно, но воздух бодрящий. Типичный осенний день. А как красивы деревья с голыми ветками на фоне неба и отдельными золотыми листочками...

Она помолчала, потом поцеловала Софью.

— Дорогая, до свиданья! Не надо переживать. Есть факты, которым надо прямо смотреть в глаза и потерпеть. Пойдем, Жозефина.

Они сели в машину и помахали нам на прощанье.

— Эдит, наверное, права. Жозефине лучше побыть вне дома. Но мы должны заставить ее сказать то, что она знает.

— Она, по всей вероятности, ничего не знает. Просто любит пускать пыль в глаза.

— Я так не думаю. Выяснили, какой яд был в какао?

— Думаю, дигиталин. Тетя Эдит принимает это лекарство от сердечных болей. У нее была полная бутылочка таблеток — теперь она пуста.

— Ей следовало держать такие вещи под замком. Особенно теперь, в этой ситуации.

— Она запирала, но, видимо, тот, кому это было нужно, узнал, где она держит ключ.

— Кому-то? Но кому?

Я опять взглянул на багаж.

— Они не должны уезжать, надо запретить им это. Софья удивилась:

— Роджер и Клеменс? Чарльз, вы не думаете...

— А что вы думаете?

Она беспомощно развела руками.

— Я не знаю, — прошептала Софья, — но это кошмар.

— Да, именно это я и сказал Тавернеру, когда мы ехали сюда.

— Жить среди людей, близких тебе, смотреть на их лица, которые вдруг меняются, становятся чужими, жестокими... Пойдемте на улицу, Чарльз, там безопасней... Я боюсь оставаться в этом доме.

Глава 25

Мы очень долго пробыли в саду. По молчаливому соглашению мы не касались ужаса, который навис над нами.

Софья с любовью говорила о покойной няне, об играх детства, о том, как Нэнни рассказывала им о детях старого Леонидаса.

— Они были и ее детьми. Она их вырастила, потом ушла на покой. Она вернулась к нам во время войны, чтобы помочь вырастить Юстаса и Жозефину.

Софье доставляло удовольствие говорить о Нэнни, и я поддерживал этот разговор.

Интересно, думал я, чем занимается Тавернер. Наверное, допрашивает обитателей дома.

Отъехала машина с полицейским фотографом, и вскоре подошла карета скорой помощи. Софья вздрогнула.

Потом карета скорой помощи отъехала, и мы поняли, что Нэнни увезли на вскрытие.

А мы все ходили и говорили, и наши слова все больше и больше скрывали наши мысли.

Наконец Софья сказала:

— Наверное, уже очень поздно. Смотрите, как стемнело. Надо идти домой. Тетя Эдит и Жозефина еще не вернулись... им давно пора бы приехать...

Какое-то смутное беспокойство овладело мной. Что случилось? А может быть, Эдит специально держит ребенка подальше от Кривого дома?

Мы вошли в дом. Софья задернула шторы, зажгла свет. Горел камин, большая гостиная выглядела уютной и нарядной. Софья позвонила, и горничная принесла чай. У нее были красные глаза, и она всхлипывала. Я заметил, что у нее испуганный вид и она все время оглядывается.

Магда вышла к нам, а Филиппу чай отправили в библиотеку. Магда изображала олицетворение горя. Она почти все время молчала. Только рассеянно сказала:

— Где же Эдит и Жозефина? Уже очень поздно, а их нет.

Мое беспокойство все увеличивалось. Я спросил о Тавернере, и Магда ответила, что он, наверное, еще не уехал. Я нашел его и сказал, что очень беспокоюсь об Эдит и девочке.

Он сейчас же позвонил по телефону и дал соответствующие распоряжения.

— Я дам вам знать, если что-нибудь прояснится,— пообещал инспектор.

Я поблагодарил его и вернулся в гостиную, где застал Софью и Юстаса. Магда уже ушла.

— Тавернер скажет нам, если что-нибудь узнает,— успокоил я Софью.

Она тихо сказала:

— Что-то случилось, Чарльз. Я чувствую, что-то случилось.

— Дорогая моя, еще не так поздно,— попытался я снова успокоить ее.

— О чем ты беспокоишься, Софья? — сказал Юстас. — Они, наверное, пошли в кино. — Он, как всегда, неторопливо вышел из комнаты.

— Она могла отвезти Жозефину в Лондон, или они остались на ночь в отеле в Лонгбридже. Я думаю, Эдит прекрасно понимала, что ребенок в опасности, может быть, даже лучше, чем мы.

— Она поцеловала меня на прощанье... — сказала Софья задумчиво.

Я не совсем понял связь ее беспокойства с последним замечанием по поводу поцелуя и спросил, беспокоится ли Магда.

— Мама? Нет. У нее нет чувства времени. Она теперь готовит новую пьесу Джонса «Женщина распоряжается». Довольно слабая пьеса, но в ней интересная женская роль героини, которая мечтала быть вдовой.

Мы замолчали и делали вид, что читаем. В половине седьмого в гостиную вошел Тавернер. Выражение его лица подготовило нас к тому, что он собирался сказать.

Софья встала.

— Да? — спросила она изменившимся голосом.

— Очень сожалею, но я принес вам дурные вести. Мотоциклист сообщил, что он видел «форд» с похожим номером на шоссе, которое сворачивает на лесную дорогу у Флекспур Хит.

— Боже мой! Только не на дорогу, ведущую в камеломню!

— К сожалению, мисс Леонидас, на ту самую. Маши-

ну нашли именно там. Они обе мертвы. К счастью, смерть наступила мгновенно.

— Жозефина! — закричала Магда с порога. — Мое дорогое дитя!

Софья подошла и обняла ее.

— Подождите минуту, — сказал я. — Я что-то вспомнил. Эдит перед отъездом писала письма и, когда она вошла в холл, держала их в руке. Но когда садилась в машину, их уже не было.

Я вбежал в холл и подошел к длинному дубовому комоду. Там они и лежали, едва заметные под большим медным чайником. Один конверт был адресован инспектору Тавернеру. Он вошел вслед за мной. Я отдал ему письмо и, стоя рядом, прочел:

«Я предполагаю, что это завещание найдут после моей смерти. Не хочу входить в подробности, но беру на себя полную ответственность за убийство Аристиды Леонидаса и Жанет Роу (Нэнни).

Торжественно объявляю, что Бренда Леонидас и Лоуренс Браун не причастны к убийству Леонидаса.

Справка доктора Майкла Клависа, Харлей-стрит, 783, подтвердит, что мне осталось жить всего несколько месяцев. Я предпочитаю покончить с жизнью именно таким образом и тем самым избавить двух невинных людей от обвинения в убийстве, которого они не совершали.

Я в здравом уме и памяти и полностью осознаю, что пишу и делаю.

Эдит Эльфрида де Хэвилленд».

Когда я кончил читать, то увидел, что и Софья стоит со мной рядом.

— Тетя Эдит... — прошептала она.

Я вспомнил, как однажды в саду видел Эдит, безжалостно втоптывающую в землю барвинок. В моем мозгу промелькнули все подозрительные обстоятельства, связывающие Эдит с убийством старого Леонидаса... Ну а Жозефина?

— Но при чем тут Жозефина? — высказала Софья мысль, которая не давала мне покоя.

Зачем она взяла с собой Жозефину? Какой мог быть у нее повод убивать старую няньку? И вдруг я все понял. Взглянув на второе письмо, я увидел на конверте свое имя. Оно было гораздо толще первого, и мне подумалось, что я знаю, о чем оно.

Я разорвал конверт; и оттуда вывалилась черная записная книжка. Я поднял ее с пола. Она раскрылась при

падении, и я увидел первую запись... Как бы издалека я услышал голос Софьи:

— Мы все перепутали, Эдит этого не делала.

— Нет.

Софья подошла ближе и прошептала:

— Это Жозефина, да?

Мы вместе прочли первую запись, сделанную неровным детским почерком:

«Сегодня я убила дедушку...»

Глава 26

Впоследствии я удивлялся своей недогадливости. Жозефина, и только Жозефина, могла это сделать. Ее тщеславие, ее настойчивое самоутверждение, ее желание говорить об убийстве — разве не это подчеркивал мой отец? И тем не менее ее никто не подозревал. Ведь она еще совсем ребенок!

Но дети бывают виновны в убийствах, а убийства, совершенные ею, были ей под силу. Дедушка сам указал ей способ. Даже самое слабое знание детективной литературы научило бы ее не оставлять отпечатков пальцев. Да и все остальное тоже было взято из книг: записная книжка, расследования, ее притворные подозрения. И наконец, покушение на саму себя. Надо сказать, почти невероятный акт, учитывая, что она могла себя убить. Но чисто по-детски она об этом просто не подумала. Она была героиней, а героинь не убивают. Следы земли на табуретке ясно указывали на Жозефину. Она была единственной, кому надо было встать на табуретку, чтобы положить кусок мрамора на верх двери.

Очевидно, ей пришлось сделать не одну попытку, прежде чем мрамор перестал падать. Отсюда и следы стольких отпечатков на полу. Раз за разом она забиралась на табуретку, держа кусок мрамора шарфом, чтобы не оставить отпечатков пальцев... А потом обломок попал ей в голову, и она едва избежала смерти.

Она хотела создать впечатление, что в опасности, что ее преследуют. Я понял, что она специально привлекала мое внимание к чердаку. И именно она перевернула свою комнату вверх дном прежде, чем уйти в прачечную. Но когда Жозефина вернулась из больницы, она была разочарована. Бренда и Лоуренс арестованы, дело, собственное, закончено, а она, Жозефина, осталась в тени.

Она крадет дигиталин, подмешивает его в какао и на-

рочно оставляет чашку на столе в холле. Знала ли она, что Нэнни выпьет какао? Возможно. Она сама говорила, что Нэнни ее раздражает. Может быть, Нэнни что-то подзревала? Я думаю, Нэнни знала, что Жозефина не совсем нормальна. И старый Леонидас тоже знал, что девочка может быть опасной для самой себя и для окружающих. Поэтому он и не отпускал ее в школу, защищал и охранял ее дома. Он настоятельно просил Софью присматривать за девочкой.

Было ли внезапное решение Магды послать Жозефину в Швейцарию продиктовано страхом за ребенка? Может быть, материнский инстинкт подсказал ей что-то неладное? А Эдит? Когда она узнала правду? Я разорвал конверт.

«Дорогой Чарльз!

Пишу это только для вас, но, если вы найдете нужным, покажите письмо Софье.

Очевидно, важно, чтобы кто-нибудь знал правду. Я нашла эту записную книжку в собачьей конуре, на заднем дворе. Она ее там прятала.

Книжка подтвердит то, что я и раньше подозревала. Я не знаю, правильно ли то, что я собираюсь предпринять. Но моя жизнь во всех случаях подошла к концу, а я не хочу, чтобы ребенок страдал, когда ее призовут к ответу за все, что она сделала.

Если я поступаю нехорошо, Бог простит меня. Я делаю это из любви.

Благослови вас Бог!

Эдит де Хэвиленд».

Мгновение я колебался, потом протянул письмо Софье.

Вместе мы открыли записную книжку,
«Сегодня я убила дедушку».

Мы перелистали несколько страниц. Это были удивительные записи, безусловно интересные для психолога. Повод для убийства дедушки был очень детским.

«Дедушка не позволяет мне стать балериной, поэтому я решила убить его. А когда его не будет, мы переедем в Лондон и я уговорю маму позволить мне учиться».

Я привожу только самые важные записи.

«Я не хочу ехать в Швейцарию и не поеду. Если мама заставит меня, я ее тоже убью. Только где взять яд? Может быть, сделать из ядовитых ягод? В книге говорится, что это возможно».

«Сегодня я очень рассердилась на Юстаса. Он сказал, что я всего-навсего девчонка, что от меня нет никакой пользы и все мои расследования — глупости. Он бы не считал меня глупой, если бы знал, что это я совершила убийство».

«Мне нравится Чарльз, но он глуповат. Я еще не решила, кого сделать виновником убийства. Может быть, Бренду и Лоуренса? Бренда плохо относится ко мне, она говорит, что я не в своем уме, но мне нравится Лоуренс. Он рассказывал мне про Шарлотту Корде. Она убила кого-то в ванне. Нельзя сказать, что она умело проделала это».

«Ненавижу Нэнни... Ненавижу... ненавижу... Она говорит, что я маленькая девочка и всегда хвастаюсь. Это она уговаривает маму отослать меня в Швейцарию.

Я решила убить ее. Для этого я стащила у тети Эдит ее лекарство. Если произойдет еще одно убийство, вернется полиция и опять будет интересно».

«Нэнни мертва. Я очень рада. Я еще не решила, где мне спрятать бутылочку с таблетками: в комнате тети Клеменс или Юстаса?»

Когда я состарюсь и умру, я отошлю эту книжечку начальнику полиции, и они увидят, каким великим преступником я была».

Я закрыл книжечку.

Софья плакала.

— О Чарльз, как это ужасно! Она просто маленькое чудовище, но какое жалкое!

Да, я тоже любил Жозефину. Я и теперь ее люблю. Вы же не перестанете любить человека, больного туберкулезом или раком. Она родилась со своей ненормальностью — кривой ребенок Кривого дома.

— Что было бы, если бы она осталась жива? — спросила Софья.

— Наверное, ее послали бы в специальную школу.

— Лучше уж так. Но тетя Эдит... Я не хочу, чтобы обвинили ее.

— Она сама этого хотела. Впрочем, я не думаю, что это будет обнародовано. Когда Бренда и Лоуренс предстанут перед судом, им просто не будут предъявлены обвинения и они будут освобождены. А вы, Софья, — продолжал я другим тоном, взяв ее руки в свои, — выйдете за меня замуж. Я только что узнал, что меня направляют в Персию. Мы уедем туда, и вы забудете маленький «кри-

вой» дом. Мама может ставить пьесы, папа покупать книги, а Юстас скоро поступит в университет. Не беспокойтесь о них. Думайте обо мне.

Софья посмотрела мне прямо в глаза.

— А вы не боитесь жениться на мне?

— Почему я должен бояться? В бедной Жозефине сосредоточилось все худшее, что было в вашей семье. В вас, Софья,— все самое лучшее. Ваш дедушка был самого высокого мнения о вас, а он был человеком, который никогда не ошибался. Выше голову, дорогая! У нас все впереди.

— Хорошо, Чарльз. Я люблю вас и выйду за вас замуж. И постараюсь дать вам счастье.

Она взглянула на книжечку.

— Бедная Жозефина!

— Бедная Жозефина! — эхом отозвался я.

— Скажи мне правду, Чарльз.

Я не мог врать отцу.

— Это не Эдит, папа. Это Жозефина.

Отец кивнул.

— Да, я так и предполагал. Бедное дитя!

Содержание

<i>Эрл Гарднер</i> Дело о приманке	5
<i>Агата Кристи</i> Кривой дом	148
<i>Раймонд Чандлер</i> Высокое окно	271
Коротко об авторах	428

Кривой дом: Сборник: Пер. с англ. / Э. Гарднер, К82 А. Кристи, Р. Чандлер.— М.: СКС, 1993.— 430 с.— (Bestseller).

ISBN 5-86092-057-1

В «Деле о приманке» Э. Гарднера известный читателю по другим его романам частный адвокат Перри Мейсон на сей раз оказался в весьма щекотливом положении: как действовать в интересах клиента, если тот выступает инкогнито? «Кривой дом» Агаты Кристи — это не просто расследование загадочного убийства хозяина дома, но и блестящие психологические портреты его обитателей, интересные характеры, совершенно неожиданные сюжетные повороты. И наконец, знаменитый герой Р. Чандлера — частный детектив Филипп Марлоу. Тайна похищения редкой, коллекционной монеты оказалась тесно связанной с личной драмой двух женщин...

К 4703000000-57
979(01)-93 Без объявл.

ББК 84.4/8